ВИКТОР ГРИГОРЬЕВ

ВЕРТОПРАХ

КНИГА СКИТАНИЙ ДУШИ

Вирши 1993—2011 г.

Нурлат — Казань — Москва Санкт-Петербург

Санкт-Петербург 2020

ВЕРТОПРАХ

БЕЗВРЕМЕНЬЕ ГОРЕЧЬ НА ПОСОШОК ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ ТРЫН-ТРАВА ВЕРТОПРАХ

Книга виршей «Вертопрах» посвящается промышленному альпинизму души моей, всем блаженным подвижникам его в самостоянии и жизнетворчестве

Автор

Все проходит, и жизнь тоже. Я еще молод, но чувствую время, когда предстану перед порогом, за которым нам вечность тленья.

.....

......

И проснется в печали тихой жалости вздох. Ничего не оставил и ничем не помог.

1986, Казань

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Безвременье вливало водку в нас. В. Высоцкий

О чудной девочке грустить и ждать судьбы благодаренья. Рукой нетвердой выводить черты прямые отраженья.

Пускай к тебе приходит грусть. Души не тронь переживаний. И милых не касайся уст в порыве страстном обожанья.

Придешь усталая ко мне и руки слабые протянешь. Лукаво при свечи огне, насмешница, в глаза мне глянешь.

Не в силах взора отвести, рука об руку сядем вместе. Ты скажешь: «Души не спасти, я не была твоей из мести».

Посмотришь с грустью мне в глаза. Печаль сердца наполнит часом. Пройдет над головой гроза, любви разбуженная гласом.

Одни и, стало быть, понять от Бога нам дано друг друга. Печаль на сердце не унять, тревоги не покинуть круга.

Предчувствие меня гнетет. Нет на душе успокоенья. Власть мысль о ревности берет, не ищет прошлое забвенья.

Под небом нам не быть вдвоем. Я не молю тебя вернуться в оставленный тобою дом, и в сердце чувству дать проснуться.

26 августа 1993, Нурлат 1

Гость не придет, не жди гостей. Возьми перо, склонись к бумаге. Души печаль не без отваги на чистый лист шутя излей.

Тоска тебя снедает, грусть. Скучаешь, то и дело куришь. Пьешь крепкий чай и брови хмуришь, стихи читая наизусть.

Гость не идет, ты ждешь гостей напрасно. К темноте взываешь. Из мрака ночи вызываешь л юбимых сонм тебе теней.

Пусть скрасит общество печаль. Тревога, страх - сердца покинут. Пусть черный чай по чашкам стынет. Грустить о прошлом нам не жаль.

2

Гость не пришел и нет гостей. Из сердца не изжить обиду. Ты смотришь в даль, спокоен с виду. Но час от часу все грустней.

Нет, эта ночь не принесет свиданья с долгожданной тенью. Душа твоя полна смятенья. Верь, одиночество грядет.

Пришлец покинул круг гостей, с тобой о встрече помышляя. Покой от века сотворяя, иль хаос в полноте своей.

Под небом не сыскать ночлег. От мысли сонной пробуждаясь, ступай, о камни спотыкаясь, своей дорогой, человек.

9 сентября 1993, Нурлат

Печаль в твоих устах нежна. Ты сигарету нервно куришь. Какая ночь пройдет без сна по счету, ты прокараулишь.

Свеча на столике горит, но твоего лица не видно. Не твой ли голос мне звучит так безутешно, так невинно.

И волос твой совьется в дым, дым сигарет кольцеобразный. Без мыслей в темноте сидим и тишине внимаем праздно.

Мы кофе сварим на плите и разольем его по чашкам. В своей порочной красоте ты надо мной порхала пташкой.

Поставь пластинку, лучше Бах. Или Бетховена прокрутим. Соната «Лунная» впотьмах пустынный наш мирок озвучит.

Твою ласкает грудь рука, желанной ласки тело просит. Но страсти выше есть тоска, прочь мысли от тебя уносит.

Пусть бродит в комнате пришлец — иль призрак мой, иль дух бесплотный. С тобой решились наконец расстаться мы бесповоротно.

Прощальных ласк не даришь ты, не алчешь плоти исступленья. Мои покинешь ты мечты и сердцу не внушишь волненья.

Октябрь 1993, Нурлат

Грустишь невольно, сколько можно, — пойди на звезды погляди. Их сосчитать тебе не сложно, пошарь руками впереди.

Куда бредешь, какая сила из дома гонит прочь тебя? Очей средь мрака ль ищешь милых, по тропке палкою скребя?

В окошках свет горит приветно. Никто не впустит на порог. Фигурка чья во тьме приметна? Старик стоит, точно пророк.

Ты подойдешь, — он весь икона, согбенный нищенством старик. Тебя перекрестит с поклоном, врата откроет в материк, —

благословив твое вхожденье в обитель неземную, – Рай. Ты подвиг свой начни с ученья, о тайне Бога помышляй.

Темно твое предназначенье и в небесах не решено: предать твой жизни век лишеньям, иль в грешный мир открыть окно.

16 октября 1993, Нурлат

Так тишина в наш дом войдет. С тобой войдет, откуда ж взяться дыханью твоему, в киот свечу ль восставить, мне ль предаться?

Глаза во тьме ночной горят, тревожной прелестью смущают. Уста вот-вот заговорят, но молвить прежде что, – не знают.

Вошла без страха ты в мой дом, на стула краешек присела. И строгим молвила лицом: «Как ты живешь, я знать хотела?

Прошел не один год, не два. Я свыклась, ты пропал из виду. Ответствует за нас молва, – хулы за круг её не выйду.

Все в прошлом для меня, поверь. Пристрастные с любовью счеты оставлены мной без потерь — всей жизни смысл утрачен что-то.

Вся тайна бытия в тебе. Ты, в стольких лицах отраженный, смиренье мне внушал к судьбе, любви недугом пораженной.

Легенды сотворяли впрок, Кассандре вещей не внимали. Сердцами властвовал порок, per vias rektas в ад ступали.

Не изменился ты с лица, чело упрямство сохранило. Залог тернового венца и власть над женщиной и силу».

Тоски слова слетели с уст, в признаньи заключаясь кротком. В пожатьи рук раздался хруст протянутой ладошки робко.

Ушла бездумно в ту же ночь. Устало души разминулись. От дома удалялась прочь, в пути назад не оглянулась.

7 ноября 1993, Нурлат

ПОЛУНОЧНИК

1

Горит свеча во тьме унылой и оплавляется слезой. И озаряет профиль милый, еще не схваченный тоской.

Гори свеча над праздной мыслью, рассеивай полночный мрак. Над беззаботностью и жизнью тоски неизъяснимой знак.

Выхватывай глаза из мрака, над сном отчаянья гори. Ложись строкой на лист бумаги, со мной в несчастьи говори.

«Слабо вина для разговорца, конфет вприкуску «Ассорти»? Чьих глаз таиться здесь затворцам? Пошарим в том углу, свети».

«Хереса» склянку не случайно в знак теплой встречи разопьем. «За вас». Все полно тайны, — ты дружбу водишь с пришлецом.

Жив одиночеством и Музой под оком бдительным тоски. Залог безбрачия союза— до гробовой любовь доски.

Ноябрь 1993, Нурлат 2

Горит свеча над страхом смерти, над одиночеством души. Безрадостность письма в конверте в безадресность твоей глуши.

Кто мыслил, что своей чредою отчаянья придет пора? Душа, плененная тоскою, бумаги требует, пера.

Твори свою звезду злосчастья. Мысль прочно в вере утверди. Себе признайся в одночасье: жив тайный замысел в груди.

Благодарю, Господь, за слабость пред жизнью, безотчетный страх. За беспричинный смех и радость стиха творенья на устах.

Родная речь, мне все подсудно: злословье, наговор, хула. Стиха венчанье с рифмой блудной, что не в пример творцу смела.

Пера не покладают руки, пока рождают стих уста. Господни на Голгофе муки венчает духа высота.

Декабрь 1993, Нурлат

Едва пред зеркалом жива. Лицо стыда залито краской. Сказать не в силах я слова: «Назвать нельзя тебя прекрасной».

Со дна колодца глаз твоих лед осуждения всплывает. И сумрак ночи для двоих разлуки часом оживает.

Есть расставанья страшный сон. Он нас преследует с годами. Свиданья часом удручен, теряю почву под ногами.

Слов укоризны ждет мой слух. Устам не вымолвить: «Не надо...» Нем пред тобой останусь, глух, презренья удостоен взгляда.

Твоих плененный грустью глаз, впадаю я в оцепененье. Тщеславья разделяет нас барьер шаг сделать к примиренью.

В словах раскроешь ты скупых природу наших заблуждений. Всю горечь я влагаю в стих тобой доставленных волнений.

Из уст возлюбленных слова на сердце отзовутся болью. Зайдется кругом голова от присыпаний раны солью.

С тревогой сознаю, твой слух настроен на волну забвенья. Сомнений нет, всей встречи дух располагает к отчужденью.

Гневить не мысля божество, оставить спор я порываюсь. Развязки пошлой торжество словами развенчать решаюсь.

«Не постоянна в мыслях ты. Неровность мне известна чувства. О рае в шалаше мечты оставим из любви к искусству».

8 марта 1994, Нурлат

На Зоостанции безлюдье. Безмолвие кругом царит. Чернов упился вусмерть, спит. Не стоит помышлять о чуде

и в чувства приводить трудягу. Его спокойно совесть спит. Часы раздумьям посвятит пришелец на брегу Свияги.

Казань осталась в отдаленьи. Мысль не терзается о том что свой иметь пристало дом. Бездомность — суть орла паренье

над пошлою картиной мира. Суть одиночества, – мой дух. Поймать мне легче зайцев двух, чем век прожить в своей квартире.

Пустынно здесь. На побережье зевают дачника два-три. Резвятся окунь, пескари на отмели. Слух, часом, режет

Ракеты гул. В одно мгновенье прошла и скрылась. Тишина вновь обступает брег, волна бежит вослед стихотворенью.

Рукой подать — Свияжский остров. Скорбящих Радостей храм пуст. Успенский на замке. Нет чувств. Религии надломлен остов.

К реке спускаюсь, вечереет. Закат дробится на волнах. Чуть ослеплен – рябит в глазах – я жмурюсь и гляжу правее.

Близ островов снует моторка. За полночь сети тралевать возьмется браконьер, как тать, стерлядкой загружаясь с горкой.

Бездумно я смотрю на воду и, слава богу, прозревать вдруг начинаю... Жизнь начать по-новой – позволяют годы.

6 августа 1994, Зоостанция КГУ (Дачная)

Летящих далеко за полночь авто гул слышу за окном. Мешает пьянь забыться сном, – бранится беспрестанно, сволочь.

Жизнь за окном. Я слышу пенье; гул отдаленных голосов в окно врывается, лай псов, — чтоб стать строкой стихотворенья.

Ямб недвусмысленно вещает, что прошлое перечеркнуть пора. По силам новый путь! Судьба лишь слабаков стращает.

Мрак за окном. Не ожидаю подруг к себе, гостей не жду. Нить бледных рифм впотьмах пряду и в строфы меж собой сшиваю.

Мой домик карточный отстроен. В нем вечности часы идут. Но, приглядеться, отстают от века спешки. Я спокоен...

Мир за окном мне даст привыкнуть к мысли о спешности судьбы. Глух на мои Господь мольбы. На помощь некого мне кликнуть.

Злой неуют квадратных метров. Диета, строгий пост в любви. Не лимфа, – алкоголь в крови течет у красноречья метра.

Ночь за окном даст погрузиться в стихи. Пред сном я устою. Писать в ночи не устаю, — средь бела дня привычно спится.

Нет никого. Друзей не стану как прежде угощать вином. Все лето за моим окном дождь барабанит беспрестанно.

Дождь за окном. Об эту пору легко грустить в ночной тиши, иль очинять карандаши и рисовать знакомцев свору.

17 августа 1994, Казань

Господь, благодарю за хлеб и соль. Труда полночную отвагу даруешь мне с избытком столь, рассвета что не раньше лягу. В раздумьи коротаю ночь. Чуть соловьев заслыша трели, перо откладываю прочь, бреду к окну без ясной цели.

Господь, благодарю за трезвый взгляд, на вещи брошенный случайно. Как мыслям о себе не рад, стихам я рад необычайно. Никто ко мне не забредет. Ни гость полночный, ни подруга. Тоска своей чредой пройдет. Под Богом не сыскать мне друга.

Господь, благодарю за нищету. Те зерна, что в пути сбираю, — Эвтерпы дар. Ее щиту служу, бумаги лист марая. Противен с прошлым мне союз. Зане пишу о пораженьи с судьбою в драчке, тороплюсь жизнь оправдать стихосложеньем.

Господь, благодарю, что нет друзей. В своей всяк схоронился норке и выжидает лучших дней. Я, мирозданья на задворках мирок устроив свой, в ночи пепл ворошу воспоминаний. Трепещет язычок свечи подобно мотыльку скитаний.

Господь, благодарю за мудрость уст, творящих неумолчно слово. За полноту сердечных чувств, хоть на душе моей херово. Один пред Богом, пред собой, судьбы страшусь удара в спину. Так, обречен сгореть звездой, в летейских водах прахом сгину.

Август - 5 сентября 1994, Казань

О чем мне говорит зима? О том, что сад запорошило в моем окне; что я с ума схожу в глуши, где все постыло.

Отсюда убегаю я в большие города. Пирушки там ждут меня: вино, друзья. Не ждет лишь ни одна подружка.

И к лучшему. Замкнусь в мирке своем, как в скорлупе яичной птенец, с Творцом накоротке. Порода Близнецов двулична.

В порыве желчи – острослов.
Тайком от всех – волк-одиночка, – бредет, усталость поборов к неведомой на карте точке.

В природе нет того угла, где, в тень скользнув, пережидаешь безвременье, и где дотла страницы прошлого сжигаешь.

Есть тишина в моей зиме. Шагов не слышно звуков в доме. Как в снах, так в мыслей кутерьме я путаюсь, судьбой ведомый.

Злосчастья пасынок судьбой не дорожит, когда страданьям в ней места нет под той звездой, с которой рок сулит свиданье.

Я с мыслью о судьбе встаю и засыпаю; слезы втуне на юности страницы лью. Стыжусь, что распускаю слюни.

Дух поучая, — плоть бичуй. Отчаянью предел положен. Коль в духе, во плоти — холуй, из рабства выход невозможен.

Ответ на все вопросы прост. Вина поможет мне бутылка. Провозглашаю первый тост: «Все – слава богу. Жив, курилка!»

22 - 29 ноября 1994, Нурлат

Здесь все меня переживет. Уютный дворик будет сниться не год, не два, — потом придет пора мне с юностью проститься. Чего желал? Чего достиг? Впитал, как губка, лихолетья грязь; в душу глубоко проник и плоть двадцатого столетья?

Я буду одинок, как перст, короткий век свой, или, — длинный. Но, Боже, я несу свой крест пути земного половину. Не порицаю, не юлю...
Ответствую: мне все постыло. И если вдруг я полюблю — до гробовой доски могилы.

К величью равнодушен дней минувших, равно и грядущих. Не в одночасье стал мудрей. Безвременья симптом — удушье. Здесь одиночества я свил гнездо, — твердыню скудоумья. Мирок мой многое вместил: ночное небо в полнолунье,

бессонницу до петухов.
Ловлю, ловлю себя на слове.
Ночь отпущения грехов,
бой с двойником до первой крови.
Стало быть, с тенью спор веду.
Не слышат звуков моей речи
ни Бог, ни сатана в аду.
С одним из них меня ждет встреча.

4 - 6 января 1995, Нурлат

Звезда в ночи зажглась. В яслях младенец спал. Волхвы с дарами шли, озаряемы кострами, что в вифлиемских жгли полях.

По мере приближенья свет бил из пещеры, — новой жизни знак, претворенный в драматизме последующих Сына лет.

В ночь с 6 на 7 января 1995, Нурлат

Снег, снег идет. В самом разгаре зима. Средина января. Сижу один. Мать на базаре. Отец блядует втихаря. Зимы средина. Все херово. Снег, посребри мои виски. С большим трудом дается слово. Трудись до гробовой доски! Люби себя в часы злосчастья и береги по мере сил. Мир изменить не в твоей власти. Свершится то, что Бог судил. Свершается... В кровоподтеках лицо столетья моего. Свободы дух крови потоком смыт, - не осталось ничего. Пока не оставляют силы, склонясь к столу, пиши стихи. Не вышли от закона вилы пока, – замаливай грехи. Души излить скопленья гноя кому? Нет исцеленья мне, нет панацеи... Всеблагое искисство подойдет вполне. К стихам имеет отношенье безволие, души покой. Поэзия самовнушенья есть в Боге полнота порой. Я одинок, и нету дома родного у меня, угла, – где б я не видел лиц знакомых. В своем полете мысль смела.

Неравенство меня спасает. Я в зеркало смотрюсь — небрит. Здоровья боле не играет румянец на щеках. Кривит уста двойник: «Начать сначала жизнь надобно; плюнь же сперва на прошлое. Уже не мало, что руки есть и голова».

24 декабря 1994 - 15 января 1995, Нурлат

В полночный час твой слышу глас: «Ждала меня, страшась огня?» Пусть жжет ладонь свечи огонь. Тот огонек, что ты зажег в моей груди. Лучше уйди. Переживу хулу, молву. Ты вновь придешь, и цепь прервешь раздумий. Нет тех горше лет, что мы брели с тобой вдали от друга друг. И света круг лик озарял твой, иль овал. Черты лица, впрямь, подлеца, искажены. Как бог войны придешь и ты судеб листы мечом, огнем, сожечь живьем.

24 января 1995, Нурлат

A...

Не встреча, нет. Ее не ждали ни ты, ни я в апрельский день. Друг другу многое сказали только глаза. Иль было лень

нам руки протянуть навстречу... судьбе, быть может... Но, глаза... Ты голову втянула в плечи, потупилась. То ли слеза

просилась брызнуть, то ль смешинка просилась прыснуть с уст твоих. Всего лишь малая песчинка. То, из чего сложился стих.

Лукавила ты не умело и расставляла мне силки. Но прекословить не посмел я. Мы, понял, душами близки.

28 января 1995, Альметьевск

Поставлю чайник на плиту. Чай вскипячу, пойду курить у печки с чашкой чая, пить чай не спеша, дабы листу бумаги мыслей полноту как откровенье сообщить.

2 февраля 1995, Нурлат

НА СМЕРТЬ ОДНОКЛАССНИКОВ СЕРГЕЯ КАЛУКОВА И ФАНИСА ШАЙДУЛЛИНА

Сколько великих выбыло! Их выбивали нож и отрава. Что же, на право выбора каждый имеет право. В. Высоцкий

Пришла к вам смерть, косой взмахнула, чтоб только плоть прибрать к рукам. На дух не зарилась, струхнула. И дух вознесся к небесам.

Где ж обитать ему, ютиться в какой юдоли? Только там! Парить над суетностью птицей и нисходить к своим друзьям.

Вы предпочли уединиться ценою жизни молодой. На этой вам пришлось проститься земле, а встретиться в другой.

Вы в вечность отошли... Что ж, с Богом. Молитва поспешает к вам. Друзей судить не стоит строго. Врагам воздастся по грехам.

16 - 17 марта 1995, Нурлат

Уже два года бизнесмен. На рынке городском торгую. Я расторопен в смысле цен на барахло. В глуши кукуя,

с нужды я двинул на базар. Народец, присмотреться, ушлый по части загонять товар сверх номинала с целью куша.

Пенсионер плечом к плечу стоит бок о бок с малолеткой. Жуют, в зубах по калачу. А, у кого, и сигаретка.

Вот в целом мой автопортрет. Фас недоучки, бедолаги. Серьезных сбережений нет, – ведь деньги для меня не благо.

22 марта 1995, Нурлат

У кадыка железной хваткой смерть стиснет руки и... – погиб. Она войдет походкой шаткой, раздастся половицы скрип.

И горько на судьбу не сетуй. Исполнит мастерица все. К высотам горним воды Леты закрутят жизни колесо.

Во сне ко мне приходят мысли: мой дух угас, а плоть — жива. И чья-то длань стирает числа на камне гробовом, слова.

В двух лицах жить, не воскрешая. В тщедушном тельце огонек хранить любви в предверьи Рая. И тысяч за спиною ног

почуяв топот, пробудиться в поту холодном. Дантов «Ад» ты объезжал на колеснице. И вот стремглав спешишь назад.

Жить не страшась могильной ямы. На сновиденья жизнь щедра. Пока смерть за оконной рамой не кажет глаз, держись пера.

9 апреля 1995, Нурлат

Рыбалка удалась на славу. Линей десяток, пескарей попалась на крючок ораве из трех заядлых рыбарей.

1 мая 1995, Андреевский пруд

ОМАРУ ХАЙЯМУ ПИСЬМО

Омар Хайям, я знал бесчинства служений Бахусу; подчас попойки превращались в свинство и промискуитет для нас.

Зверьем мы выли, глотки драли. Заливши зенки коньяком, по четырем углам блевали и засыпали под столом.

Тоски не утоляла чаша с вином; с подругой ночь, — Танюша будь то, иль Наташа, — была не в силах превозмочь

наутро чувства отвращенья. Разврат души не знал границ. Дни проходили в приключеньях в шлюшистом обществе девиц.

Омар Хайям, все те же ноги, что и тебя, несли в кабак к на все согласным недотрогам за сигареты и коньяк.

И вновь потасканное тело (в прихожей коврику подстать) порхало пташкой, то и дело вздымая к потолку кровать.

Здоровья расточая силы, душевной чистоты запас в любовных схватках просадили. Остались нагишом сейчас.

Аюбовных на полях сражений фиаско потерпели мы. Не доставляет треволнений жизнь от сумы и до зимы.

Омар Хайям, теперь пустое... Веселье сняло как рукой. Забравшись в глушь, ищу покоя, нетвердой стих пишу рукой.

Да, были ночки огневые. В страстях сгорали мы дотла. Красотки, что ни ночь, шальные. Распутникам честь и хвала.

Повыходили девки замуж. Бойцы сексфронта на покой заслуженный ушли, не нам уж тягаться с порослью младой.

Все отцветает в свои годы. Но, только бес кольнет в ребро, для старой кобелей породы в замужних женщинах добро.

Октябрь 1994 - 14 мая 1995, Нурлат

30 МАРТА 1995 ГОДА

Сегодня выпил я некстати: зазвал товарищ втихаря. Мой одноклассник, друг-касатик. Распили с ним два пузыря.

Дамир Абубекяров в гости пришел ко мне. «Что ж, посидим, – решили в один голос, – кости мы разомнем и погрустим».

За месяц март мы схоронили трех одноклассников. Сперва в последний путь мы проводили Сергея Калукова... Два,

два друга жертвами убийства в последущие стали дни. Мы их помянем без витийства: мы школьной братии сродни.

Тут дело темное, едва ли об этом стоит говорить. В глухую ночь в троих стреляли, но лишь двоих могли убить.

Фанис Шайдуллин, тот в затылок смертельно ранен, наповал. И, как из рук скользит обмылок, так человек скользнул в астрал.

Исхаков Радик, он в Казани еще недели две тянул. Но Бог прибрал не в наказанье — душе дар вечности посул.

Без куража, без словопрений, слова по доброму любви произнесем: «Хоть на мгновенье о, память, детство оживи».

30 марта - 15 мая 1995, Нурлат

На старость лет, под старость лет ты купишь в прошлое билет.

В вагоне спальном иль, плацкартном, по рельсам памяти, без карты,

ты двинешь в путь, не близкий путь. Перо, бумагу не забудь.

Что было в юности паскудной? Разврат и пьянство. Бой посуды.

Разврата не было души. Над словом труд в родной глуши

от скотства спас анахорета, как в оны времена поэтов.

По пьяни в драчки я встревах, разил словцом не наповал.

Но никогда в хмельном угаре я человека не ударил.

Бить по лицу я не могу и в малодушьи добр к врагу.

Любви я как огня чурался – на шлюх все больше натыкался.

О горький опыт всех времен – наследие блудливых жен.

А годы юности уходят. О старости мысль колобродит.

С судьбою счеты не свожу. Я даром слова дорожу.

В друзьях, как пить дать, просчитался. С большой знакомцев сворой знался.

Сусек вчистую подмели, но зерна дружбы не взошли.

В глубинке ныне обретаюсь и в поздний час стихами маюсь.

29 августа 1995, Нурлат

Еще один бесцветный день проходит, каковых не мало. В дневник, как школяру, не лень проставить за труды два балла. Бездельем сыздетства томим. Стол письменный меня не манит. В полуночи час херувим жирует на небесной манне. Нет, сон нейдет в полночный час. Рассеянным блуждаю взором припухших от бессонниц глаз по комнате, подобно вору. Взять нечего. Мирок мой пуст. Взломавши в одночасье двери, не пачек ассигнаций хруст услышит тать, но вопли зверя.

5 сентября 1995, Нурлат

В «Грот-баре» шушера сидит, спускает за ночь миллионы. А прежде здесь сидел пиит, слагал поэзии миньоны.

Что ни кабак, везде шпана. Жулье, воры и проститутки. Впрямь, балом правит сатана. Остроты, матерщина, шутки.

Повсюду быдло. Впрочем, ты сроднился с братией урластой. Все, что ни есть в тебе черты, у кодлы перенял мордастой.

Того гляди, башку свернут в час поздний в темной подворотне. Насилья повсеместен спрут. Кулак в большой чести сегодня.

Пора иметь свой пистолет. Как ты ни оскорблен, однако, не станешь киллером, поэт. Чужда твоей природе драка.

По старой памяти в «Грот-бар» ты забредешь на кофе чашку. И вспомнишь – как бесценный дар твоя порхнула юность пташкой.

12 августа - 21 сентября 1995, Казань - Нурлат

КАЗАНСКИЕ СТРОФЫ

Ι

Как время катится в Казани золотое. Г. Державин

Тоска в Казани. Где мне скрыться? Пора из города в леса. Друзей приелись голоса, знакомцев примелькались лица.

В дни одиночества в Казани с печалью я накоротке, сплю, будто в каменном мешке, судьбою брошен в наказанье.

Кружу по городу без цели, пинаю пачки сигарет, пью кока-колу. Денег нет, – валяюсь целый день в постели.

Сквер Лобачевского тенистый. Бюст геометра строг и хмур, в своей задумчивости мудр. Путь мудреца – венец тернистый.

На Черном озере фонтаны в полуденную бьют жару. Днем все пьют пиво, ввечеру заводят с дамами романы.

Повисла радуга на струях. Пыль водяная, брызг волна летит на праздный люд, вольна обдасть зевающего всуе.

Уединюсь на «колизее». Я в университетский двор неузнаваемым, как вор, спешу пройти. Окрест глазею.

Аюблю Казань. В ней бедность, юность, беспутных лет моих грехи, — смешалось все. Но есть стихи...
То, от чего я не отплюнусь.

Я, стало быть, напрасно плачусь. Еще мне есть что воспевать. Еще я прослезюсь, как мать, и на любовь души потрачусь.

Под небом голубым Казани я о былом и не былом пою, все больше под хмельком, сродни державинским сказаньям.

10 - 15 июня 1995, Казань

II

В родной я возвращаюсь город. Не светит ни одно окно. При мысли: здесь не ждут давно, – плотней запахиваю ворот. Люблю под утро возвращаться к теплу родного очага. Родные Волги берега! Вовек мне с вами не расстаться.

Казань тиха в часы рассвета. Нет пешеходов, нет авто. С плеча чужого бомж в пальто и на босу ногу штиблетах

шныряет в поисках посуды. Добраться б до дому скорей. За стопкой в обществе друзей дать волю толкам, пересудам.

Начнем пирушку спозаранку. Спиртное потечет рекой. Пойдут приятели гурьбой. А там, сыр-бор и перебранка.

Пустынны улочки. Безлюдно. Лишь одинокий пешеход то сдержит, то ускорит ход, помыслив о судьбе подспудно.

Правобулачная пустынна. Два небоскреба КГУ пронзают высь, как мысль в мозгу – на сердце радость беспричинна.

Я на Кольце. Об эту пору трамваев не слышны звонки. Легко дышать, шаги легки. И голова забита вздором.

Рукой подать — Театр Джалиля. Рабочим сцены здесь тянул я лямку юности... В загул бригадой, помню, уходили.

До Парка Горького походкой неспешной вдоль путей пройдусь. Нет в ветхих шушунах бабусь, торгующих вином и водкой.

Лоточниц с розами, торговок тряпьем и снедью тоже нет. До Абжалилова, поэт, проделай путь без остановок.

Сверни направо, вдоль оврага до общежитья КГУ подать рукою... Ни гу-гу. Спит пьяным сном твоя общага.

Октябрь 1994, Казань - 22 сентября 1995, Нурлат

Здесь, у костра в ночном лесу, за пьяным разговором, матом, я неудачи полосу переживаю и утраты.

Им нет числа. Зане смотрю бездумно на ночную воду. Молитву про себя творю. Не вышел ни лицом, ни родом.

Ночь у костра я проведу. Люд разойдется по палаткам. Я в небе отыщу звезду, что смотрит на меня украдкой.

О чем звезда мне говорит? О том, что жизнь не будет легкой. Что не однажды буду бит судьбой с паскудной подоплекой.

Что буду одинок, пока звезды не облюбую ясной, что смотрится в глубь родника очами девушки прекрасной.

Глубоких чувств нет на душе. Я сердца не открою деве. Мирок души есть чувств клише Адама к присноблудной Еве.

20 - 21 октября 1995, Казань

НА ПЕРЕВАЛЕ АДЫЛСУ

Долина в оцепленьи гор. Вершины, будто сединою, покрыты снегом. Пеленою туман клубится, – застит взор.

Река грохочет Адырсу как скорый поезд средь долины. Стоянку делаем в лесу на подступах к седым вершинам.

Вода вскипает в котелке. Нехитрый ужин, чай с халвою. На небе звезд как рыб в садке. В палатке как в ковчеге Ноя.

Наутро путь на перевал. Все выше, обливаясь потом, бредем тропою среди скал. Усталость вызывает рвоту.

Вранье, что страха нет в горах. Страх подступает как лавина и повергает вас во прах. Иль делает из вас мужчину.

Застигнет снегопад врасплох. Загонит буря нас в палатку. Господь сам не поможет Бог вступившим со стихией в схватку.

Ночь предстоит на леднике. Взят перевал сил на исходе. Ночлег в палаточном мирке развеет мысль о непогоде.

Тумана колыбель Кавказ. Сокрыты пеленой вершины. Не разглядит за дымкой глаз оазис солнечной долины.

Стремнины рек несутся с круч, питаемые ледниками. Гоняет ветер стаи туч над убеленными грядами.

Судьба, как видно, не слепа, что в душах опустело разом, когда закончилась тропа в горах Центрального Кавказа.

Как вышней воле вняв творца, волхвы к младенцу шли с дарами, — так мы несем сюда сердца и не прощаемся с горами.

2 - 9 сентября 1997, Перевал Адылсу – перевал Кой-Авган-Ауш (Карачаево-Черкессия)

В ЛИЦО ПОШЛОСТИ

Ублюдочность – вершина ваша. Разврат – паденья глубина. Даете вашим вы и нашим. Но тут и там вам грош цена.

Вы уступаете за стопку. За счастье сделать вам минет за электронную заклепку, за пачку «Rotmans» сигарет.

Под звуки нежного органа у вас на даче, на испуг заливши зенки водкой, спъяну, вас дефлорировал ваш друг.

Но, это в частности. А, в целом... А, в целом, ангел вы иль, бес, по свету бродит ваша целка. В ней палок побывавших – лес.

И дале странствовать по миру ей за бесценок суждено. Вы променяли звуки Лиры на Парки трупное рядно.

В чести в кругу вашем бесчестье. Вам человека оплевать, — как выпить водки граммов двести и в групповухе переспать.

Все бесовское не от Бога. Не ангел вы. Не ангел я. Вы где-то у того порога, за коим тьма небытия.

6 - 7 сентября 1998, Чупа - Казань (в поезде)

Тишина в коммунальной квартире. Это благо мне на ночь дано. Заклокочет лишь что-то в сортире и, отпустит, как будто на дно.

Словно смерч, череда буйных пьянок пронеслась над каморой моей. Когда водка текла спозаранок как река среднерусских полей.

Отгуляло веселое братство золотые под осень деньки. Ни гроша за душой святотатца. Мне заказывать впору венки.

Снова стихло все. Стало безлюдно. Расплескалось по полу вино. Оттого так тепло и уютно, что звезда засмотрелась в окно.

29 декабря 1998, Казань

В Сургуте я на высоте. Cogito в переносном смысле – мы на шабашке здесь зависли. Я ergo sum на деньги те.

Дается нелегко метраж. Дождливая стоит погода. Снежком заносит нас как содой. Тут вспомнить впору «Отче наш...»

Но мы уперлись в трудодни. Без выходного дня покоя мы вкалываем без простоев. Знай, что ни день, объем гони.

С утра пораньше нам вставать. Иллюминируем высотки. Метраж погонный не по сотке. Оплата в центах – 25.

На нефти строился Сургут. Панельные торчат коробки. Ввысь трубы ТЭЦ задрали глотки. Во всем достаток и уют.

Крупицу моего труда Сургут воспримет. Дань искусству. В нас красота рождает чувство что свет есть жизнь. В Сургуте – да.

25 сентября - 2 октября 1999, Сургут

Вояж закончился ничем. Ни денег, ни людей, ни кассы. Идут в «Родник здоровья» массы, – выходят ассы MLM.

Народ наш верит докторам. Неоселен ему не нужен. Он, вместо этого, на ужин водяры замахнет сто грамм.

Нахрапом не возьмешь Нурлат. Не сдвинешь город с мертвой точки. Мамашины сынки и дочки здоровью предпочтут разврат.

Нурлат живет не торопясь, храня природу постоянства в еде, питье и диком пьянстве. Здесь жизнь соплей оборвалась.

Маркетинг-план. Система «Крот». Работа в рост, на перспективу. Уменье обращать в активы то, что клиент вам смотрит в рот.

Систему мира в мире мер определяют нынче деньги. Забыты Тициан, Кваренги. Молчит музыка горних сфер.

Середина апреля - 31 мая 2000, Нурлат - Казань

IDLE THOUGTS*

In my beginning is my end.
T. S. Eliot**

1

Вновь недовольства полон ты. Отсюда грусть проистекает, и Музы голос потакает бунтарства распалить мечты.

Не дай мне бог сойти с ума в отстойнике страстей сердечных, в глуши, где время скоротечно и просится на двор зима.

Не видно звезд над головой, в далекой дымке месяц светит. В его сокрыта тайна свете, — внушает мыслям он покой.

Однообразен здешний мир. Над чувством царствует унынье. Поля бескрайние полынью полонены, уходят в ширь.

^{*}Досужие мысли (англ.)

^{**}В моем начале мой конец.

Т. С. Элиот (англ.)

Здесь горизонт питает глаз не пищей для ума, — слезою. Взирай, охваченный тоскою, отечества вид без прикрас.

Ты думу думаешь свою, пепл с сигареты отряхаешь. В сердцах бесплодность мысли хаешь, в пустынном брошенный краю.

В труде над белыми листами ты призван душу отвести, коль не дано саму спасти, но Музы выразить словами.

Предчувствуешь, век будет долгим. Жизнь завершишь на склоне лет вином и пачкой сигарет. Собранием стихов на полке.

Ноябрь 1993, Нурлат

2

Печаль переживет слова как только тень скользнет под поезд, и скроется из глаз, по пояс — жизнь, напоследок — голова.

Фантазии узда тесна любовникам; под боком птицей любви наперсница и жрица воркует, ночь пройдет без сна.

Противоречий полон ты, мысль хомутом легла на выю. Юнцом занятья строевые, тайком стихи от суеты.

На разночтенье жизнь скупа. Темно пути преодоленье, свободы смыслом наполненье. Итог – далеких звезд крупа.

Жизнь, точно талая вода выходит из брегов на пашню. Подобно звездочету в башне ты зришь, взошла твоя звезда.

Повсюду тайна ждет тебя. Равно Творцу предстанешь прахом. Уже не вызывают страха чело морщины теребя.

За полночь далеко придет ума расстройство, помраченье. На полках книги ждут прочтенья, никто их часом не прочтет.

В стихе опору дай, Творец. Отказ от прежней жизни чаю. Покой я ближних омрачаю, без рода-племени певец.

Декабрь 1993, Нурлат 3

Пристало петь благоразумье немногословного труда. Есть златоносная руда стиха без шлака скудоумья!

Миры и звезды, все предельно, на что бы ты не бросил взор. Твой, часом, полубред и вздор есть страх пред Богом неподдельный.

Плутарх, Античность, Фермопилы. Вождь спартиатов Леонид отряда жизнью сохранит союзные на море силы.

Времен прервалась связь живая. В бесплодных поисках ума скорее видишь, что зима в твоей душе лютует злая.

Будь верен тишине, покою. В отчаяньи сокрыт протест против безволия, тот текст, что пишет красной смерть строкою.

Своими силами спасайся. Фортуны по зубам тычок, или судьбы под зад пинок, – получишь, сколь не уклоняйся.

Речь прежде о душе. Бесплотность есть в мире тел не самоцель. Судьба на мушку, на прицел берет плоть за души бесплодность.

Пенять на жизнь не актуально. На пятки наступает рок. Гордыня суть души мирок, твоей души мирок зеркальный.

Февраль 1994 - 19 марта 1995, Нурлат

4

Живу я в страхе, – не успею что сыздетства мечтал, – свершить. При мысли: век в глуши мне гнить, я, грешным делом, сатанею.

В окне род зимнего пейзажа. (Беги, беги стих на ловца!) Под снегом вишен деревца, валит из труб не дым, а сажа.

Поешь иными ты словами, чем требует того толпа. В свою честь не видать столпа, иль бугорка с крестом при храме.

Вошел я в раж... Тоска, безволье... Жизнь сызнова начать пора. Дела забросить все, с утра идти пешком на богомолье.

Поэта труд, считай, задаром бумагу по ночам марать. Вопрос с издателем решать, как тиснуть рукопись с наваром.

В поте лица тружусь прилежно я дни и ночи напролет. Грусть полонила в свой черед. Печаль души моей безбрежна.

Мирок из скорлупы яичной подстать наседке сотворил. Любовь к стихам в себе привил, росткам пока еще тепличным.

Белиберда и ахинея в твоих стихах есть суть одно. Не лучше ли глушить вино, с тоски в глубинке сатанея?

22 января - 18 марта 1995, Нурлат Метель объяла спящий мир. Не выйдет человек из дома. Ты полон грустных дум, Шекспир оставлен на средине тома.

Ночь за окном, хоть глаз коли. Следов не видно человека. Тома покоятся в пыли на книжных полках римлян, греков.

Благодарю, Господь, что дал усталость от трудов полночных. Что к тайнам ремесла воззвал мой праздный гений в час урочный.

Стиха творенья неспроста душа объята лихорадкой. Взалкали ямбом петь уста на рифму мысль творя с оглядкой.

Поэзии живой родник в пустыне неживой столетья! Ты в душу глубоко проник и вызвал к жизни слов соцветья.

Сонм классиков, точно во сне. Под руку с Блока хищной тенью А. Чехов в золотом пенсне ступает, барской скроен ленью.

Вергилием ведомый Дант обозревает своды ада. Латыни золотой педант свершает таинства обряда.

Проникнись мудростью богов пути земного на средине. Не наживай себе врагов. Слезой не орошай пустыни.

Февраль 1994, Нурлат

6

В свидетели беру я ночь да дождь весенний за окошком. Мне одиночество невмочь, мне впору по миру с лукошком.

В провинциальном городке не сахар жизнь. Тоска снедает. Лишь с тенью я накоротке, что мне на пятки наступает.

Печаль, печаль в урочный час меня под вечер полонила и слезы выжала из глаз. Весны начало омрачила.

Ремесленника тяжкий труд. Поденной не стыжусь работы. Подчас снедает лени спрут – не в силах побороть зевоты.

Под вечер грусть моя тиха. Ни с кем я не ищу союза. Держусь подальше от греха – в мужья не набиваюсь Музе.

Обидчив? Да. Тому есть ряд причин. Во-первых, скудоумья порок. Всегда знакомству рад, порог мне чужд благоразумья.

А, во-вторых (мой смертный грех), души не в меру откровенность в дальнейшем вызывает смех за прямоты несовременность.

Есть в прямодушьи глубина. Сердечной теплоты под видом (о лицемерьи мысль грешна) вправляю души инвалидам.

23 марта - 12 апреля 1995, Нурлат

7

Пустынно на душе и зябко. Приелась речи немота. Печаль когтит кошачьей лапкой. В безмолвьи запеклись уста.

Душа в провинции томится. Тоске положен быть предел. Так графомана том пылится на книжной полке не у дел.

Кто помощи подаст мне руку? Друзья-касатики, ау! Со всех ног поспешайте скуку мою развеять и тоску.

Ничьих шагов не слышно звуков. В родных пенатах одинок. Одной лишь смерти в дверь без стука по силам преступить порог.

Впрямь, видно, от судьбы не спрячусь. Я схоронился от друзей как мышь в норе и Музе плачусь, — наперснице злосчастных дней.

Недружелюбие – твердыня. Есть риск остаться одному, перекати-поле в пустыне сродни, – не нужен никому.

Не быть обязанным ни Богу, ни черту. Да, я одинок. В родного поисках порога бреду вслепую, без дорог.

Как, обходя моря и сушу, спешит светило вновь взойти, так повстречать родную душу стремлюсь на жизненном пути.

26 апреля - 7 мая 1995, Нурлат Как странно жизнь проистекает. Житье не худо по себе само, но желчь в груди вскипает, помыслю только о судьбе.

В провинции спешу укрыться. Полуношнику до зари пристало с головой зарыться в журналы, книги, словари.

Жизнь не у дел. Не много ль чести, задравши ноги к потолку, валяться на диване вместе с котом-мурлыкой на боку.

Суть одиночества – бесстрашье. Подчас, бывает, я ропщу сквозь хрипотцу мою и кашель. Спесивец, ропотка пращу

мечу в зеницу громовержца. То безысходности предел. Отчаянье больного сердца, что рок уже взял на прицел.

Возделывая днем и ночью в душе поэзии сады, ты вдруг увидишь свет воочью благовестующей звезды.

Душа и плоть в одном сосуде. В нем животворна благодать. Не смея помышлять о чуде, Творец замыслил дух создать.

Пусть дух колеблется, трепещет, как пламя слабое свечи. Целительною силой плещут душевной теплоты лучи.

16 - 20 мая 1995, Нурлат

SAPIENTI SAT*

Fecit indignatio versum.**
Juvenalus (Sat. 1. 79)

Ι

Мне жизни ноша тяжела. Ослаб мой организм, недужит. С вином и крепким кофе дружит. Дней вереница, как стрела,

уносится прочь от стрелка. Точно душа, покинув тело, спешит к последнему пределу, на труп взирая свысока.

Мне друг не брат, мне сват не хват. Я по природе одиночка. Пусть и рожден на свет в сорочке, – я неудачник, пустосвят.

Борьба с самим собой... Борьба. Драчка с судьбой как бесысходность. Не в творческий процесс, в бесплодность поверил я. В меня – судьба.

Да, пред судьбою я холуй. Подобно басне у Крылова, тяну свой воз тупоголово. А, результат на букву х...

^{*}Мудрому довольно (лат.)

^{**}Негодование рождает стих. Ювенал. Сатиры. 1. 79 (лат.)

Судьбе щедрот не занимать. Где пнет, а где распнет прилюдно. Спасаюсь, точно пес приблудный, я по чужим углам. Как тать.

Как классик выразился, сплин меня пришиб. Хандра, по-русски. А, в выраженьи боле узком, в своей пещерке Алладин,

я схоронился, чужд друзей. Лишь призраков витает стайка. Воспоминаньям без утайки в тиши предался ротозей.

Пустует дом без пришлецов, воспоминаньями покинут. Пусть ставни наглухо задвинут, дом отразит наплыв жильцов.

В полночный час мне не до сна. Над белым я листом склоняюсь, не то по комнате слоняюсь. Март на дворе. Уже весна

20 августа 1994, Казань - Булгары -22 марта 1995, Нурлат

П

Я сделал вывод — мы грешны. Я заключаю — мир во блуде. Как тать крадется в дверь, грех в сны прокрался, точь в ушко верблюда.

Коль невиновного казнят – восторжествует правосудье. Сократу подносили яд с каймою голубой на блюде.

Так вот откуда эта злость. Роптанье, слов запоминанье. Мне в этой жизни не пришлось произнести любви признанье.

Что ж, стало быть, я обречен? Договоренность с тем есть светом, куда река несет времен песок забвенья в водах Леты.

И, впрямь, посул для грусти есть. То – неуступка провиденью. То – вседозволенности месть к грядущим дням по отношенью.

По мне, другого мира нет. Светил есть яркое мерцанье. Далекий безнадежно свет разумной искры мирозданья.

И знать бы мне, доколь грешить. Ничьих я не приму советов. Одно мне остается – жить судьбой в глуши анахорета.

В полночный час мне не уснуть. Обижен я судьбой не буду. Скандален мой под Богом путь – то, что я жив, не есть ли чудо?

Грусть сызнова взяла в полон, – не отпускает дни и ночи. Под знаком рока я рожден, – противиться судьбе нет мочи.

Знак обреченности в глазах души есть воплощенье в теле, когда наш дух на небесах, а плоть покоится в постели.

9 - 16 марта 1995, Нурлат

Ш

Впрямь, болен я. Больна душа, — томится не у дел. Как видно, душа в неведеньи невинна, пусть и всю жизнь свою греша.

Да, посмеяться лишний раз не грех над собственной персоной. Звезд не хватаю с небосклона. В смысле стяжательства я пас.

Смотрю в окно. Весною сад проглянет только чуть от снега, с охапкой яблони побегов к нему работники спешат.

Сельхозработы не по мне. (Не то, чтоб не к лицу труд божий потомственной крестьянской роже.) Деревьев вид в моем окне

душе даст пищу и мозгам. Души работа многогранна. Тут и любовь (больная рана), и чувство нежное к стихам.

Любовь есть выдумка и вред. Подчас в рассудка помраченьи мы чувству придаем значенье. О верности рассказы – бред.

Сановников Шекспира рать – любовной жертвы перестрелки. Петь о любви, – равно сопелке доверить Моцарта играть.

О грудь, мне дышится вольней с тех самых пор, как расставанье провозвестило расстоянье меж ревностью и страстью к ней.

Есть чем дышать, есть что хранить. Нетяжкий спуд воспоминаний сердечных разочарований успел мне юность омрачить. Поставить точку. Дальше плыть щепой по воле волн злосчастья. И в непогоды одночасье в ловушку рока угодить.

31 марта - 11 апреля 1995, Нурлат

IV

Как талый снег уходят годы. Жизнь, стало быть, не удалась. Исчерпан прочности запас. Знать о себе дают невзгоды.

Унынье, вот что мне знакомо. Благими мыслями влеком, грядущего я строю дом. Стройматерьял – пыль да солома.

Мы тьму вещей не проницаем, об стену сколь не бъемся лбом. Мы не своим живем умом, — отцов ошибки повторяем.

Мирок души. Гул поднебесной. Ночные звуки за окном. Двора бесцветный окаем. Жизнь представляется мне пресной.

Потратить ночь на словопренья с самим собой в пустой тиши. Богатство духа — мир души чистосердечных откровений.

Душевных мир переживаний. Все – треволненье. Все – тщета. Знак скудоумья – нищета сердечных в поздний час алканий.

Жизнь не у дел. Смятенье духа. Как льдышка в проруби, в висках стреляет боль. Животный страх. Судьбы наотмашь оплеуха.

Труд каторжный марать ночами бумаги девственность листа. Дней отступает суета, когда слух блазнится стихами.

Мышь не скребется. Дверь не скрипнет. Нет ни души в юдоли снов. Писатель нижет бисер слов и головой к подушке никнет.

Часы рассвета не пребудут в постылых сумерках души. Жизнь обретает смысл в глуши, когда чего-то ждешь как чуда.

Лето 94 - 21 января 1996, Казань V

Все спит кругом. Ночное царство. Живое спит. Все вещи спят. В домах посудой не гремят. Больным не раздают лекарство.

Сегодня я не пьян мертвецки. Тверез. Но сон ко мне нейдет. На лбу морщины в свой черед как скорлупа орехов грецких.

О чем я мыслю в час полночный? Фонарь горит в моем окне. Древа на дальней стороне на канделябрах свечи точно.

Отчаянья не слышат вздоха друзья и недруги мои. В душе открытие таи – вне общества друзей не плохо.

Все строже взыскиваю с дара. Все чаще я считаюсь с ним. Подчас, безделием томим, набрасываю строчек пару.

Ночь за окном. Звезда мерцает. Древа у сумерек в плену. Нахлынувшую чувств волну душа в тревоге не вмещает. Одно есть чувство локтя, – с Музой. Есть неудачника стихи – к портрету неуча штрихи. Ни с кем я не ищу союза.

Все стихло. Ночь преображенья. Ночь покаяния души. Скупцу подобно, барыши считаю духа сбереженья.

Грязь фальши не к лицу поэту. Идет из сердца глубины поэта глас, как звук волны. Как плач Кассандры в водах Леты.

24 - 30 января 1996, Казань

VI

Родного дома тишина. Гул отстраненного сознанья – суть отчуждения стена от глухоты непониманья.

В твоей судьбе есть тьма вещей, что так или иначе схожи с сезоном проливных дождей, душевным холодком под кожей.

Родного дома благодать. Все звуки отроческих бдений я в дневника вношу тетрадь как цепь полночных наблюдений. В ночи не буду говорить. Обмольиться мне не с кем словом. Теряя размышлений нить, теряешь с миром связь христовым.

Есть чувство дома теплоты. Я сыздетства питаю слабость к издельям кухонной плиты. Отрада мамы лет под старость.

Всплывают в памяти года ребенка на больничной койке. Подобье Страшного Суда – отцовские головомойки.

Воспоминает вертопрах кнута и пряника науку. И первый отроческий страх – отец на маму поднял руку.

Не все, нет, поросло быльем. На поле памяти есть всходы. Слезами детства, как дождем, взрастились памяти невзгоды.

Родного дома полнота. Есть с домом чувство кровной связи, как у пера с девством листа и жеребенка с коновязью.

Тем и душа моя полна, к родным пенатам что стремится. Так на море в свой час волна спешит назад к брегам прибиться. 11 февраля 1996, Нурлат

ДНЕВНИК

1994 - 95 z.

1

Нет, стало быть, не на беду Казань я оставляю. Будет чем оправдаться на Суду на Страшном, если Бог осудит.

Пусть одиночество грядет. С ним я пройду рука об руку путь до конца; мне повезет, коль крестную узнаю муку.

Я отвращаюсь всякий раз судьбы принять удар, без боя я отступаю. Пыл погас, домашнего ищу покоя.

Не знал везенья я в судьбе. Пенять на рок не остроумно. Покой я предпочел борьбе. Страданье есть пороков сумма.

Честняги принцип не по мне. Порок един во многих лицах. А в небе журавля вдвойне в руках я предпочту синицу.

Не лучших дней чреда проходит. Не худших, впрочем... Се – тупик. Вкруг пальца жизнь меня обводит. К судьбы превратностям привык.

По новой жизнь начать? Не стоит. Большой дороги в стороне, глуши провинциальной стоик, доволен малым я вполне.

Подчас нехватку кислорода я ощущаю. Пустота... Пустынна жизнь в глуши, природы лишь подкупает красота.

Что ж, не грусти. Беседуй с тенью своей, вопросом на вопрос ответствуй вчуже провиденью: «Пусть за спиной ошибок воз,

промашки юности, болезни. Будь нелюдим не напоказ. Пой про себя Гомера песни и сторонись души прикрас».

Бессилье пустоте сродни. Ты пребываешь в ней от века. Все лица пред тобой одни и те же, нет лишь человека

родного по душе, крови, пороку, пусть. На мир мышонка глазами глядя, ты в любви равновелик душе ребенка.

Слепая страсть, притворство чувств. Ученье впрок нейдет, что толку на рок пенять. Мирок твой пуст. Хоть зубы складывай на полку.

Грусть – на заказ, страсть – обиход. Но то ли дело Дант, Петрарка. Херово на душе, невзгод ты ожидаешь как подарка.

Тоска снедает, чаще – грусть. Обмолвиться бы с другом словом, – да нет его. Душой томлюсь. Не в радость жизнь сорвиголовым.

Снег в октябре в саду деревья укрыл задолго до зимы. Уже в октябрьских числах первых валит дымок из труб. Сыми

поношенный бушлат и полем пройдись к реке, пока нет льда. Там меньше чувствуешь неволю, где плещется у ног вода.

Будь то на Волге иль на море на Белом. Чаек слыша крик, в тиски ты заключаешь горе безбрежное, как материк.

Тем сохранил себя, что с детства друзей давно порастерял. Беспечной юности наследство – сомнительный, верь, капитал.

Снег на листве дерев, на клумбах. В саду припорошил цветник. В подобных странствиях Колумбу души твоей мир многолик.

Я жил как все. Верней, как все я водку пил, якшался с блядью (да не в единственном числе) сближенья полового ради.

Жил без друзей. В душе простак, хроническим я слыл пропойцей. В башке моей царил бардак и причинял всем беспокойство.

Но я уже не тот юнец, что к шлюхам залезал под юбки. В вопросах секса молодец, по части жизни я был хлюпким.

Себя не попрекаю зря, — есть юность не любить причины, что стала, желчно говоря, виновницей моей кручины.

На деле грешным быть иль слыть? Блуждают на челе морщины. Умерив половую прыть, веди жизнь трезвого мужчины.

Октябрь 1994 - 17 марта 95, Нурлат

Проходят дни и нет надежды, что все вернется на круги своя. Так, в полудреме вежды смыкая, слышу вой пурги.

Лютует не на шутку вьюга. Не я ль в глуши схожу с ума, общения лишенный круга? Досужих мыслей кутерьма.

Уж одиночество не славлю. Все валится из рук. Бреду тишком на кухню, чайник ставлю. И сердцем чувствую беду.

А верилось в непогрешимость суждений, стало быть, в мечту. На веру принимал – терпимость венчает духа высоту.

Не находил уединенья под Богом я, жил суетой. Есть основанья для сомненья в душе, измученной тоской.

25 - 26 октября 1994, Нурлат

Ноябрь. Зима. Мне все постыло в глуши. Грусть, безысходность тут есть признак жизни, признак силы души, отчаянья приют.

Я не грущу, мне друг не нужен. Мне б только до весны дожить. Я сам себе готовлю ужин, до поздней ночи буду пить

вино. Напьюсь сегодня в стельку! Иль не напьюсь, не все ль равно, что плюхнусь я в свою постельку как в бурелом в лесу бревно.

Быть битым, — значит, не противься судьбы ударам, прочно стой на том, что духа суть строптивца есть непреклонность пред судьбой.

В грядущем, стало быть, в грядущем укоренится древо зла и станет хлебом мне насущным, подачкою судьбы котла.

28 ноября1994, Нурлат

Зима в моем окне, зима. Я одинок, мне друг не нужен. Что ждет меня – сума, тюрьма? С грядущим я, с былым – не дружен.

Воспоминаниям вослед мое желание забыться. Вино, я знаю столько лет, мне в зимний вечер пригодится.

Грусть, одиночество, тоска. Жизнь, дай понять, – что ты такое? Иль гробовая ждет доска меня? Всех нас? Вранье, – иное.

Нет чувства жизни полноты. Зане спешу отгородиться от сутолоки, суеты. Мысль на потребу дня годится.

Я жил не для себя, как видно из биографии моей. За юность чахлую обидно, в которой не было друзей.

29 декабря 1994, Казань - 2 февраля 1995, Нурлат

Март на исходе. Снегопад вдруг повалил. В окошко глядя, смотрю я в прошлое, назад, и кукиш вывожу в тетради.

Встаю с утра. Больших дел нет. Забот чураюсь... Вольный воздух необходим мне, божий свет. Труду предпочитаю отдых.

Долг красен платежом. Не грех мне с прошлым поквитаться часом. В отместку юности свой смех слов куцых выражу запасом.

Брань у меня на языке. Речь пересыпать впору матом. Знакомцев свору крыть в грешке, подельных пьянства и разврата.

Всех разбросало время нас. Попрятались, как мыши в норках. Словами желчными подчас судьбе задать нелишне порку.

26 марта - 3 апреля 1995, Нурлат

10 - 11

Нурлат встречает хлебом-солью. В родной я воротился дом с сердечной радостью и болью, искать спасенья точно в нем.

Всегда я буду возвращаться к теплу родного очага, сколь не пришлось бы мне скитаться... Страница жизни дорога

мне каждая воспоминаний. Возьмусь листать фотоальбом. Что ни лицо, – тьма восклицаний! Эмоции бегут ключом.

Всего довольно. Были годы, когда сплошною полосой шли неудачи и невзгоды, и умывался я слезой.

Болезни духа, травмы тела преследовали с детских лет. Нервишки сдали до предела. Его, как оказалось, нет.

Я не ропщу. Я в прошлом роюсь как в ветхом старьевщик белье. Так ювелир даст больше втрое за старых мастеров колье.

Все хорошо. Ключ найден мною к разгадке собственной судьбы. Путь, что остался за спиною, — злосчастья горький плод волшбы.

Все, что ни есть, – хула, бесславье, – провиденья, я мыслю, дар. «Судьба», – вот книги книг заглавье. Ее прочтет и млад и стар.

Сдаю позиции без боя, пред силами пасую зла. Ищу под солнцем я покоя обетованного угла.

Нурлат вновь приютит бродягу. Где - приструнит, а где – простит. С горячкой рифм в постель я слягу. Все слава богу. Жив, пиит.

1 - 3 июня 1995, Нурлат

С тоски я подаюсь в Казань. Бегу родительского ока и приношу распутству дань – безделью, пьянству и пороку.

Прижимистость – удел скупца. Из-за рубля я не собачусь. Что полмильона для дельца, что я на выпивон потрачусь?

Весь мир — базар. Сумей словить в мутной воде златую рыбку, и до копейки все спустить с брезгливой на устах улыбкой.

По улочкам пустым плутать я поздней ночью отправляюсь и, воровато, будто тать, дворами проходными маюсь.

Не худо время проводить в Казани при деньгах да бабах. Умей вертеться – хочешь жить. Тому жизнь научает слабых.

7 июля 1995, Казань

Убожество приелось жизни. Распался дружества костяк. Вокруг меня все больше слизни. Что до меня, – я сам червяк.

Начало было неплохое. Здоровьем не обидел Бог. Пусть и в больничном я покое провел все детство, – занемог.

Три операции на теле. Два перелома на бедре. Здоровый дух больной на деле. Впрямь, видно, старость на дворе.

Два года в армии добили. Чифирь ночами, анаша здоровья крохи подточили. И в пятки спряталась душа.

Три года непрерывных пьянок в общаге первой КГУ судьбой обиженный подранок не пожелает и врагу.

25 июля 1995, Нурлат

Во что бы то ни стало – жить! Ценой злосчастия и горя. Не щепкой по теченью плыть, но править парусником в море.

Пусть в непогоду твой челнок шторм в щепки разобьет о скалы. Не дрейфь! – попутный ветерок. Фортуна чтобы приласкала.

Робинзонады островок в широтах сыщешь нелюдимых. Свободу нам дарует рок. Пути его неисследимы.

Уединенность – мера тел, способных разобщаться в Боге. По сути, духа беспредел. Мы нищи духом и убоги.

Путь в одиночку совершай, пока несут по свету ноги. И не спеши ни в ад, ни в рай. Открыта истина не многим.

24 июля - 3 августа 1995, Нурлат

Друзья меня не навещают. В том надобности, видно, нет. Не часто Муза посещает. Под Богом одинок поэт.

Не вспоминают о поэте когда безвременье пришло. Совсем я одинок на свете. Грущу в провинции зело.

В словесности нет места сору. Поэзии срам не к лицу. Насильнику над словом впору отрезать яйца, как скопцу.

Жизнь в одиночестве приелась. Дней примелькалась череда. И память на кормах отъелась беспутной юности стыда.

Хочу я всеми быть забытым. Чтоб юных лет моих грехи, все было в прошлом, шито-крыто. Чтоб в жизнь вошли одни стихи.

30 июля - 18 августа 1995, Нурлат

С блядями я накоротке. Все больше с шлюхами якшаюсь. И мысль подчас свербит в виске – в постели с девкой я состарюсь.

Порой, бывает, пересплю по пьяной лавочке с подружкой. Не думаю, что полюблю когда-нибудь я потаскушку.

Пора, пора плоть обуздать. Грехи замаливать, поститься. А ежели я встречу блядь, – в силки любви не прыгну птицей.

Ввалились щеки. Похудал. Жирка б поднакопить за лето. И злобы щерится оскал из зазеркальной части света.

Ужели панацеи нет от ржи порока, что снедает больную душу в цвете лет и жизнь младую отравляет.

19 июля - 18 августа 1995, Нурлат

Мои грехи - разврат и пьянство. Ну, а попьяни, хвастовство. Ценю в привычках постоянство – к вину пристрастно естество.

Бесхитростна моя природа. Но есть тщеславия черты во мне. (В семье не без урода. Грешок супружеской четы.)

Душа компаньи, хвастунишка, вещаю, как ввязался в бой (на деле, наложил в штанишки) при встрече с гопников толпой.

Что женщин пробовал без счета. Что я в любви удачлив был... Влюблялся до седьмого пота, но никого не полюбил.

Хочу покаяться пред всеми, кого обидел, оскорбил, что доброты душевной семя я в сердце людям заронил.

17 - 24 августа 1995, Нурлат

Все тихо в доме. Ты один. Все валится из рук. Все плохо. В глуши ты мыслишь, Алладин, судьбы не избежать подвоха.

Шпыняет сызмальства судьба. Бьет ниже пояса по яйцам. То злого рока ворожба, что загнала меня как зайца.

Все поделом. Но выход есть. Черты случайности, по Блоку, надо стереть. Умерить спесь. Иль криводушье выйдет боком.

Паскудной юности багаж... Вне прошлого ищи дорогу. Пусть ждет в конце пути шалаш под звездным небом вместе с Богом.

Плутаешь в сумерках души, источника не видя света. Средства все к цели хороши, коль следуешь пути поэта.

30 августа - 4 сентября 1995, Нурлат

Судьба - чахоточная девка — плевотой выпачкала путь. Со смертью, так бывает, спевкой вскипает градусника ртуть.

На чье плечо мне опереться? Иль к Богу мне башку сломя? В доверье к сатане втереться? Впрямь, из огня да в полымя.

Вещей под Богом многомерность есть смысл его и полнота. Души и плоти соразмерность – суть свет его и красота.

В судьбе довольно черных пятен. Довлеют юности долги. Мой внутренний мир не опрятен. Мрак в прошлом, в будущем ни зги.

В мирке пребудешь вечно пошлом, коль не замолишь все грехи. В далеком и паскудном прошлом сотри случайные штрихи.

11 - 12 сентября 1995, Нурлат

20-21

Печальна жизнь моя, грустна. Все удручает в ней невольно. Прошла души моей весна. О юности мне вспомнить больно.

Осенним вечером друзья мне принесут вина бутылку и скажут: «Пей, не пить нельзя. Твое здоровье пьем, курилка...»

Пьянь подзаборная... Я пьянь. Не колет правда глаз, но вяжет язык. Пусть площадная брань на сердце утешеньем ляжет.

Жизнь в одиночку не по мне. Пусть нет друзей, бегу я к людям. Накрапывает дождь в окне. Грешу под вечер словоблудьем.

Легко грустится мне в тиши. Бывают горькие минуты прозренья сущности души. Связуют нас сомнений путы.

Полета нет. Душа в узде. Томится не у дел, недужит. Куда ни бросишь взгляд, везде пустила корни злоба дюже.

Дождь за окном. Октябрьский дождь. Унынье нагоняет, скуку. Никто не произносит ложь, не подает при встрече руку.

Побыть не худо одному. Речей не завожу досужих, а проницаю ночи тьму. Смотрю под окнами на лужи.

Октябрь. Безденежья пора. Промыслие о днях грядущих. Так шебутная детвора всегда событий мира в гуще.

Не знать родного очага. Век по чужим углам ютиться. Равно у друга, у врага, – бездомной полуночной птицей.

1 - 20 октября 1995, Казань

Час подведения итогов беспутных молодости лет. Стыд обивания порогов, — спасенье от житейских бед.

Нет своего угла. Знакомцы дают мне временный приют. И не приносит мне червонцев писательский поденный труд.

Все ухищрения напрасны обзавестись большой деньгой. Я помышляю ежечасно о пенсии нетрудовой.

Я по природе голодранец. Но стоек перед жизнью дух. По части денег я засранец. Все оттого, что к бабкам глух.

Слух на другое мой настроен. Живу я Музою одной. Тогда душою я спокоен, когда пишу ночной порой.

30 - 31 октября 1995, Казань

За мною слава по пятам пьянчуги шла локомотивом. Где б я ни принимал сто грамм, мне всюду было сиротливо.

Я пил не один год, не два. Общался с разношерстной сворой. Ходила кругом голова от бестолковых разговоров.

Без меры пить, – вот мой конек. Я слыл шутом и выпивохой. Повсюду был я одинок. Что ни приятель, то пройдоха.

С друзьями мне не повезло. Иль чересчур их было много, иль не нуждался в них зело. Я шел один своей дорогой.

Путь в одиночку не для всех. Космические перегрузки. Жизнь в шутку обратить не грех. Игрок в рулетку – только русский.

19 июля - 31 октября 1995, Нурлат - Казань

Бесчисленных чреда попоек. Приелись лица, голоса. И теснота общажных коек как невезенья полоса.

Все до копейки пропиваешь. По грошам вскладчину общак. Вновь литр водяры покупаешь и пьешь, обычно, натощак.

Не год, не два, проходят годы в компании пъянчуг, блядей. Тех, что не делают погоды в измотанной судъбе моей.

Тревога мысли омрачает. Души крик об одном – крепись. Судьба невзгодами стращает. Звезде удачи помолись.

Я одинок. Душа тоскует. Все, что ни есть, вчерашний день. Ум к праздномыслию взыскует, на прошлое бросая тень.

2 - 3 ноября 1995, Казань

Все пусто, чахло... Нищета и скудость жизни... Все приелось... Все мурашиная тщета. Мной юности заря пропелась.

Все отлетело в свой черед, словно листва порой осенней. К печальной участи невзгод влеком я, как к петле Есенин.

Что мухам – сахар, людям – ложь. Мед правды нас не подкупает. И брат на брата точит нож, и в спину втихаря бросает.

Мир переменчив, многолик. Мирок души не беспределен. Пусть тьма прочитанных в нем книг, без Бога мир души подделен.

Я руку подаю врагам, что были некогда друзьями. Но душу я Творцу отдам к сердечным помыслам с ключами.

6 ноября 1995, Казань

Жизнь бестревожна, мысль бесплодна. Ночь, сигареты, крепкий чай. Кусай свой орган детородный, безденежья плоды вкушай.

Уныло на душе, паскудно. Я с одиночеством мирюсь. Порою, точно пес приблудный, я со стола друзей кормлюсь.

Нищает жизнь, душа нищает... Копейка рубль не бережет, но стоицизму научает. Мне корка хлеба руки жжет.

Мне горек вкус чужого хлеба. Но есть под Богом красота, закат что заключает неба и девство писчего листа.

Тропой нехоженой плутаю. Что знать дано мне на веку? Быть может, на пути к Синаю я буду вздернут на суку.

24 - 25 ноября 1995, Казань

Родного дома тишина отрадою меня приветит. Тоскует столик у окна о дом покинувшем поэте.

В родном я доме редкий гость. Все пусто. Комнатка пустынна. В груди уж не вскипает злость и радость, тоже, беспричинна.

Писательский пуст кабинет. В книжных шкафах пылятся книги. Здесь в облаках витал поэт фантазии по фазе сдвига.

Сажусь к столу, смотрю в окно на вишен деревца под снегом. Теперь «железки» полотно с родным соединяет брегом.

Поля, бескрайние поля. Брега реки в кустах ракиты. Под шубкой снега спит земля и речка первым льдом покрыта.

3 - 4 декабря 1995, Нурлат

Конец всему. Отбой гулянкам. Я к одиночеству тянусь, к покою, как шофер к баранке. Судить о прошлом не берусь.

Декабрь. Зима. Год на исходе. Он пролетел как день один. Я нищ. Одет не по погоде. Я кошельку не господин.

Душа полна. Стихов как листьев порой осеннею в саду. Сродни стих виноградной кисти. Жизнь с совестью души в ладу.

Ночь на дворе. В душе потемки. Зажгу свечу. Налью вина. Души мир подвергаю ломке. Во всем одна моя вина.

Нет ни души. Гостей не жду я. Жизнь, слава богу, удалась. Я ночи провожу, колдуя над словом в бестревожный час.

22 - 24 декабря 1995, Казань

Год на исходе. Пустота. Мне нечего просить у Бога. Белей бумажного листа снег серебрится на дороге.

В рай одиночества вхожу, как входят в мир потусторонний. Как на покойника гляжу сам на себя. Марш похоронный

точно звучит на небесах. Я сосунок в вопросах жизни. Обсохло млеко на губах, – я стал противник альтруизма.

Год ничего мне не принес. В общественном теряя весе, не унывал, не вешал нос. Прибавил в творческом процессе.

Да, жизнь моя скудна, грешна. С избытком в ней хулы бесчестья. Зане стою я у окна с проникновенной к Богу лестью.

24 - 28 декабря 1995, Казань

Приходит мысль на ум все чаще – не надо никуда спешить. Среди людей, как в темной чаще, мне нечем душу утолить.

Под Новый год не буду весел. Пусть кружит надо мной снежок. Ладья судьбы моей без весел. Худое дело мыслит рок.

Прохожий огонька попросит. Дам прикурить. И вновь один, нелегкая покуда носит. Господней воли палладин.

Безгрешна мысль, когда от Бога. Блажен кликуша от судьбы. Небесной предстоит дороге путь от избы и до избы.

Звезда бродяги кочевая. Мирок всеведенья души. Одной ногой в юдоли рая на подаяния гроши.

30 - 31 декабря 1995, Казань

ГОРЕЧЬ

И горесть сладостна бывает... К. Батюшков

Уютный вечер в кабачке «Маэстро». Мы вдвоем с подругой. Девица на рысях по кругу фланирует на пятачке.

Заказы сыпятся на бис. Бармен солирует, как скрипка. Глаза – две золотые рыбки – исполнят ваш любой каприз.

Стол в центре зала для двоих. В бокалах – пиво, кофе в чашках. Я водки пропустил рюмашку. Живая музыка. Гул стих.

Благословен пусть будет час, любовникам открывший очи истомы чувств в преддверьи ночи, в объятия толкнувших нас.

14 февраля - 1 марта 2001, Казань

Мои пропащие года! Вы пронеслись как поезда.

Промчались на зеленый свет составом безнадежных лет.

За исключением вреда вы не оставили следа.

Стереть, забыть, перечеркнуть паскудный за спиною путь!

Морщины бороздят чело — всю жизнь мне люто не везло.

Как я ни бился как баран — дырявый подводил карман.

Плюс, – бесталанность, праздность, лень. Отсюда, – пьнство ночь и день.

Мои убогих тридцать три что висельнику свет зари.

Я жить хочу. По новой жить! И жизни полноту творить.

Моя злосчастная звезда, покинь меня раз – навсегда.

31 декабря 2002, Нурлат

ТЕЛЕВИЗОР, ИЛИ ЗЕРКАЛО ДУШИ

Вот включаю телевизор. Что в нем вижу день-деньской? На экране «моны лизы» стали раком поп-звездой.

«Стрелки», «Краски», «Сливки», «Спуски», – музыкальный унитаз. Без поллитры и закуски вводят зрителя в экстаз.

Телеледи, кинодивы представляют высший свет и всем членам коллектива шлют свой пламенный минет.

Тот, кто нынче стал мадонной, был вчера простой звездой. Вывод ясен, все законно: заработала... трудом.

Вышла карта Орбакайте: гнать халтуру на миру. Гей не пидор, – привыкайте зреть Шуру через дыру.

Шоу-бизнес — это жила. Поп-звезда — валютный вклад. Чтоб пролезть в экран без мыла, надо свой намылить зад.

Познер, Гуссман, Савик Шустер... Телепузики, тузы пожинают в баксах шустро демократии азы.

Преподносит голодранцам демократии урок выблядок американцев – просветитель-педагог.

Хакамада на примере четырех своих мужей отдается в полной мере членам партии своей.

Демократии основы проповедует Немцов, повторяя слово в слово вашингтонских подлецов.

Для Америки с Европой ты в законе демократ, если только свою жопу осквернить за доллар рад.

По Америке мы дышим, по Европе мы живем. Тот, кто хапнул выше крыши, тот жирует за бугром.

Избирают депутата в члены воровской семьи. За спиной у демократа подсудимых три скамьи.

Депутаты-акробаты у кормушки воровской денюжки гребут лопатой там, где кровь течет рекой.

Государственную думу вечный мучает вопрос: как украсть такую сумму, чтоб народ не вешал нос?

Телевиденье – химера. Параллельный грешный мир, на крови зачатый веры, что лишь деньги правят пир.

Жизнь проходит на диване. Значит, нечего пенять, если нет гроша в кармане образ жизни поменять.

29 января - 14 апреля 2003, Нурлат

ГОРЕЧЬ

На Эсперанто коммуналку я подыскал себе опять. Жил через дом когда-то. Жалко добром то время поминать.

Прошло пять лет. Гнильцой пахнула пора бесчинств запойных дней. Дружков тех лет как хером сдуло. Бомжей, как я, и алкашей.

Лишь я все шастаю по свету. Нет ни кола и ни двора. Всю душу выела поэту провинциальная дыра.

Я исчерпал себя в Казани, всю чашу здесь испив до дна, что мне судьбою в наказанье быть пьяницей была дана.

Я пропил жизнь, похерил дело литературное мое. На полвершка душой и телом я вкоренился в бытие.

В деянья претворяя слово, по истеченьи тяжбы лет, через предстательство Христово узрят слепые души свет.

13 августа 2002, Казань -14 марта 2003, Нурлат

О Муза, вечная тоска... Ты в полуночной тишине наган сжимаешь у виска и топишь истину в вине.

3 мая 2003, Казань

Ι

Быстро юность отцвела. За спиною два крыла

облетели, словно клен, что когда-то был влюблен

в неба утренний рассвет, полный сил, которых нет.

II

Быстро молодость прошла. Вразнобой колокола

отзвонили по тебе поминальный звон судьбе –

вне начала и конца жизнь, лишенная лица.

Ш

Быстро старость подойдет. Горний ангелов полет

на семи кружит ветрах, поминая божий страх

на предмет твоей души, изошедшей на гроши.

8 августа - 9 сентября 2003, Казань

Хвала ж/д вокзалам и авто. Здесь выспишься, когда не ждет никто.

Когда тебе уж некуда пойти на середине твоего пути.

Когда среди людей, среди толпы низвергнуты моральные столпы.

Святого когда не было и нет, причастьем оживаешь к сонму бед.

Когда ты нищ, когда ты зол, когда в твоем желудке хлюпает вода;

когда ни божий храм не приютит, ни женщина, которой ты забыт;

когда друзей участия не ждешь, – к вокзалу как на исповедь идешь.

Здесь получаешь пищу и ночлег, венец творенья, божий человек!

На пластиковых стульях, видит бог, ты и душой и телом занемог.

Здесь полнокровно начинаешь жить. В себе копаться, память ворошить.

Душою воспаряешь к небесам, святым угодникам и праотцам.

Увы, на небе нет готовых схем по существу затронутых проблем.

Ноябрь 2003, Казань

2003 год

Еще не умер я, еще я жив. И нужен я лишь матери старушке. Скажу, на сердце руку положив: я пропил жизнь, и ей цена – полушка.

А многое мечталось в тишине нурлатской спаленки три на четыре. Жизнь продолжалась с головой в вине – утопленник за истину в сортире!

Пить иль не быть? Вот в чем веков вопрос. Всей печенью гнилой за годы пьянки ответствую: пить, ежели цирроз имеет быть в печеночной лоханке.

Который век, и год, и день, и час зеленый змий жрет поедом мне душу. Душа спасается чрез божий глас, молитвой орошая плоти сушу.

6 ноября - 31 декабря 2003, Казань - Нурлат

Ι

АВТОПОРТРЕТ

Казанские общаги – студенты-голытьба. Все шлюхи да бродяги... Такая вот судьба.

Студенческие годы в задрипанном пальто. Ошибка ль я природы? И, если – да, то – кто?

23 января 2004, Нурлат

II

моя жизнь

Жизнь прошла в гулянках – пьянках и долгах. Прошлое – портянка. Будущее – прах.

24 января 2004, Нурлат III

Я

За душою ни гроша и в кармане ни шиша. Как зовут и кто такой? – побирушка день-деньской.

12 февраля 2004, Казань

Мне тридцать пять. Орел иль решка? Ушла эпоха в никуда. Все пьянь да голь. Судьбы насмешкой остались за спиной года.

И так вся жизнь по распорядку: все – хлопоты, все – суета. Стихами пользует тетрадку не вдохновенье, а – тщета.

Добра не нажил за душою. Не завязал семейных уз. Мне путеводною звездою с бутылкой водки был союз.

Пока душа восходит в Лету, пока Россия мне что мать, устами ведает поэта живого слова благодать.

11 мая - 6 июня 2004, Москва - Санкт-Петербург

Ах, как хочется жить! Глубоко и всерьез. Петь, дышать и любить как ребенок, до слез.

19 июня 2004, Москва

НОРИЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ

Ι

НОРИЛЬСК

Пяти и девятиэтажки одеты, как в меха, в бетон. Здесь чутко дремлет каталажки и вечной мерзлоты закон.

12 августа 2004

II

По законам альпинизма жизнь полна анахронизмов.

То ли дело – высота! Воплощенная мечта.

12 августа 2004

III

В доме тишь и благодать. Хоть кричи «ебена мать».

Чтоб не сдохнуть от тоски, грех не выпить в три руки.

Пьянки, шлюхи и гульба. Вот такая вот судьба.

14 августа 2004

IV

Созидая красоту, свято верь в свою мечту. В грязь и в сумрак, в дождь и в снег, — непутевый человек.

21 августа 2004

V

Тоска в Норильске, хоть ты плачь. Высотную даешь работу! Как проклятый, галопом, вскачь, – гони метраж, – твоя забота.

VI

ОТКРЫТКА ВИОЛЕТТЕ

Из далеких снежных сопок, где зима метет свой хлопок,

вместе с северным сияньем Дед Мороз вам шлет посланье, –

чтобы Витка не скучала, дядю Витю поджидала.

Чудо что Норильск за город – ветер, дождь, собачий холод.

12 сентября 2004

VII

ТЕЛЕГРАММА ВИОЛЕТТЕ

Дядя Витя весь в дороге. Пой душа, пляшите ноги.

Всем привет от дяди Вити. Папе, маме, Симке, Вите.

VIII

Я – здоров. Здоров как бык. Заклинаю дни и ночи.

Без костей, видать, язык, если с койки встать нет мочи.

16 сентября 2004

IX

Снова тучи, дождь и слякоть. Боль в суставах, в мыслях – мякоть.

И не естся, и не спится гостю в «северной столице».

Унести бы только ноги с этой чертовой берлоги.

16 сентября 2004

X

Ни кола, ни двора. Денег – кот наплакал. На висках серебра что хвои на лапах.

XI

Душа, как водится, в кусты, когда разводятся мосты. И ходят под себя менты, когда бросаются понты.

20 сентября 2004

XII

Однообразие работы тоску наводит и зевоту.

Но, делать нечего – тащи высотный воз и не свищи/

20 сентября 2004

XIII

На душе осталась рана от граненого стакана. В диком пьянстве десять лет пронеслись лавиной бед.

XIV

Норильск, спасибо за урок самопознанья, – как итог.

В тридцатник с половиной лет я вылетел на красный свет.

Дождям спасибо и ветрам, что гнали с крыши по утрам.

И вам спасибо, облака... С молитвой к вам неслась тоска

через тайгу, на материк – еще не плачь, уже не крик.

30 сентября - 4 октября 2004

XV

Все, домой, пора домой, к жизни праздно-холостой.

Дорогие земляки. Водка, бабы, кабаки.

С кем я выпью, закушу? Память с кем поворошу?

Разбежались все друзья. Сам с собой остался я. Не с кем выпить по душам. Что ж, отправлюсь в божий храм

помолиться о душе. Глядь, останусь в барыше.

29 сентября - 4 октября 2004

XVI

Как похмелье – тридцать пять. Перспективы не видать. Мне б вернуться в двадцать лет. Деньгам – быть, а, водке – нет.

8 октября 2004

XVII

Полжизни пройдено. Куда? Ни тьмы, ни света предо мною. Весь век меня гнала беда. Болезни, пьянство за спиною.

И душно мне, и света нет. Кто путь укажет мне в потемках своей души на божий свет глаголом Пушкина в потомках?

10 октября 2004

XVIII

Не знаю сам, чего хочу? То ль благодати, то ль прощенья? Святым угодникам свечу поставить для души спасенья.

10 октября 2004

XIX

Воспоминанья бьются птицей в силках забвенья прошлых лет. Душа обязана трудиться, чтобы увидеть божий свет.

10 октября 2004, Норильск

ПАМЯТКА

Ι

Вором – не быть. Ментом – не стать. Вот вся житейская наука. Чтобы жена была не блядь и друг не оказался сукой.

6 ноября 2004, Санкт-Петербург

II

Сытость, жалость, нищета, – три губительных кита.

Чтобы в жизни преуспеть, надо их преодолеть.

7 ноября 2004, Москва

Я в пророки не гожусь. Лучше вовремя сопьюсь.

Hem грехам моим числа. Резво молодость прошла.

Горемычным колесом закатилась жизнь в содом.

Мутной чашею вино было мне испить дано.

Не кручина, не тоска. Гробовая ждет доска.

Неприкаянно глядят души, босые до пят.

Не скажу, чтоб ладно жил – сытно ел и сладко пил.

Завершился мой запой как начался век другой.

Ни кола и ни двора. За душой долгов гора.

Мне назад дороги нет. Я увидел божий свет.

25 апреля 2003, Казань -14 ноября 2004, Москва

О чем я думал в двадцать лет? И думал ль вообще, шатаясь по пивным чуть свет в коричневом плаще?

Нахлебник инфернальных бед и невеселых дум, я на Казанку шел рассвет всречать под ливня шум.

Давно замыслил я побег из города Казань. Все денег нет. Видать, весь век платить татарам дань.

Наивность, бедность и вино, – бедовая стезя, – легли как карты на сукно: без денег жить нельзя.

Была распахнута душа как бабочка весной, корысти, злобы и гроша не зная за собой.

Душевной щедростью томим и теплотою чувств, я двинул, божий херувим, в служители искусств.

Не разобрав, где сивый бред, а, где Эвтерпы глас, я возомнил, что я – поэт, и мой конек – Пегас.

За чашей мутною вина лирический ларец моей души пропит до дна как винный погребец.

С тех пор я песен не пою веселых вразнобой. И лишь беда за мной в строю бежит как пес цепной.

Пришла унылая пора — безвременный запой. Повадилась долгов гора за нищенкой-душой.

Но не венок сонетов, нет, а, траурный венок я подношу наследью лет, переступив порог.

14 июня 2003, Казань -16 ноября 2004, Москва

Кто мне вернет утраченные годы? Кто утро юных дней мне возвратит? Беспутных лет я пожинаю всходы и на душе тяжелый крест лежит.

Подруги где, шальные одноночки, бедовые за рюмочкой вина? Все замужем и подрастают дочки. В том не моя заслуга иль вина.

Где вы, друзья, соратники бутылки? По норам затерялись и углам. Свои вы жизни спрятали в копилки, я ж на песке воздвигнул Музы храм.

Мне не забыть волшебный звук стаканов, ночные посиделки до утра. Рекою водка при пустых карманах. Вечнодающих девочек пора.

Отпили мы свое и отплясали, и по ночам за водкой не бежим. С подружками железно завязали. Здоровый сон и правильный режим.

Родные души соберет лишь вечность, где снова мы сойдемся за столом. И вспомним пьяной юности беспечность, и под гитару песенки споем.

Неутолимы вешние печали высокого искусства на весах. Все то, что мы при жизни потеряли, получим полной мерой в небесах.

19 августа - 21 ноября 2004, Норильск - Москва

Как хмелем чаша, полна тоской, уходит ваша душа в запой

и глушит водкой на сердце боль, сажая глотку на алкоголь.

Хмельною влагой полна душа и бродит брагой едва дыша.

Как листья летом на глади волн, уносит в Лету забвенья челн

твои деянья с пером в руке, в храм мирозданья песком в реке.

25 января 2003, Нурлат -23 ноября 2004, Москва

Душа еще не все сказала и песни не пропела все. Я суетливо и устало верчусь как белка в колесе.

Раздать долги. Вернуть здоровье. Мне просто хочется пожить. Ни малой, ни большою кровью у Бога счастья не просить.

Со всей страною на работу с утра пораньше поспешать. И сердца нежную заботу семье и детям посвящать.

Законный брак всегда рулетка. Не искушай, будь вне игры, провинциальную наседку взяв в жены из глухой дыры.

На сон грядущий шуры-муры и две-три палки под замес, коль нет другой кандидатуры исполнить брачный политес.

И, жить как все, насущным хлебом. Расторгнуть с Музою союз. Под пышным караваем неба не созерцать созвездья Муз.

Когда же смерть заглянет в очи, предстанет смрад перед тобой деяний под покровом ночи прошедшей жизни за спиной.

В грядущих поколений всходах неисповедной тайной слов душа в гармонии с природой пребудет до конца веков.

8 - 26 ноября 2004, Москва

Водку жрать и пить вино было мне судьбой дано.

Проституток целовать. С голодухи подыхать.

На «малинах» водку пить. «Мурку» с Муркою кружить.

На шабашках спину гнуть. Отмерять по звездам путь.

По крысиным норам гнить. На горбу беду тащить.

Корку хлеба, словно мать, по субботам вспоминать.

Дружбу с суками водить. С сучкой – спать, со шлюхой – жить.

Все, выходит, как у всех. Так что, жалобиться грех.

Только что-то все не так. Пустота, паскудство, мрак.

Если б жизнь еще одна Богом мне была дана...

9 мая 2005, Москва

Средина жизни. Тридцать шесть. Жизнь устаканилась. Все есть.

Здоровье, силы, кров, барыш, — что мне дает свисанье с крыш.

Промышленный мой альпинизм — входной билет в капитализм.

Даны и пища и ночлег тебе, беспутный человек.

Прощай, унылая пора гулянок-пьянок до утра!

Прощай, безвременный запой в десятилетие длиной!

Прощай, святая нищета — бедовых помыслов тщета!

Мне жаль года весны моей в забвеньи пьяненьких ночей.

Я честь имел ее пропить чтоб тайну жизни приоткрыть.

Пребудет до скончанья лет со мной отныне божий свет.

21 мая - 5 июня 2005, Москва

РОЖИ ИЗ ЛОЖИ, ИЛИ ШИТО-КРЫТО

1

Поголовно демократы сели в царские палаты. Что ни вор – то депутат и в законе демократ.

Январь 2004, Казань

2

Чтоб водилися деньжата у народных депутатов, надо им со всей страны снять последние штаны.

3

Два солдата из стройбата заменяют экскаватор. А парламент наш х...евый заменяет трактор новый.

Демократы из пархатых денюжки гребут лопатой. Там, где кровь течет рекой, для пархатых дом родной.

5

Красные и синие по партийной линии, — все вы вместе то лицо, чем садятся на крыльцо.

6

Жизнь пошла другого толка – быдло влезло в шкуру волка.

7

Записные демократы прописались в депутатах.

8

Красные и синие ниже ватерлинии опустили нацию под приватизацию.

2004 – 05, Казань – Москва

О сколько раз в хмельной тоске висела жизнь на волоске.

Я часто думал в час ночной что жизнь проходит стороной.

Что занесен дамоклов меч над шевелюрою до плеч.

За все приходится платить, по новой начиная жить.

Я людям отдал все сполна за чашу мутную вина.

Друзья, давайте все умрем под летним проливным дождем.

16 января 2006, Москва

Словно маятник души ходят по миру гроши.

Я объездил полстраны заработать на штаны.

По шабашкам жизнь прошла. Альпинистские дела.

За невиданным рублем увивался я угрем.

Нижнекамск, Норильск, Сургут, Гжель, Москва, Самара тут.

Только денег не видать. Бедность что вторая мать.

Фунты, стерлинги, рубли вдаль плывут как журавли.

Только деньги для меня настоящая родня.

Не имея ни шиша, человек без денег – вша.

Без копейки за душой ты червяк в земле сырой.

Обладатель second hand не дождется happy end.

Время — деньги! Только в них утешенье всех живых!

Водка, бабы и стихи – это все мои грехи.

Я творю себя в стихах словом божьим на устах.

30 января - 14 февраля 2006, Гжель

Чем меньше совести, тем больше эгоизма, – вот вечный двигатель и бог капитализма.

Ты заработаешь свой первый миллион как только нравственный перешагнешь закон.

Когда же ты пойдешь по головам людей – средь государственных окажешься мужей.

Свиное рыло демократии в России нам Ельцина являет в образе мессии.

20 февраля 2006, Москва

Демократия в стране! Звезды выросли в цене.

Фигуристы, хоккеисты все немного оптимисты.

Звездный вынули билет. Деньги – есть, а совесть – нет.

Трактористы, машинисты все немного пессимисты.

Жены ходят на хоккей (хоть влагалище зашей!)

и мечтают о свиданьи с миллионным состояньем.

28 февраля 2006, Москва

Подожди немного, Отдохнешь и ты. М. Лермонтов

Без денег лапотный бездельник вкушает постный понедельник

и хлещет брагу на печи, метая рвотные харчи.

Я вдруг увидел свет в оконце через банкноту в сто червонцев.

Американский оптимизм раскрыл глаза в капитализм.

Чтоб не остаться в стороне от дележа в своей стране,

вступай в «Единую Россию» с демократическим мессией.

Вся фарисейская Москва качает бабки и права.

Кипит державная мокрота на газотранспортных широтах.

По нефтепроводам в Европу плывут покойники галопом.

А за кремлевскою стеной царит порядок воровской.

Первопрестольная столица на мокром деле возродится.

Нас ждет безвременный покой от жизни, полный снежной мглой.

В свинцовых валенках зима у Боровицкого холма.

25 июля 2005 - 14 марта 06, Москва

Стихи пиша и вдохновляясь, не много наживешь добра, коль скоро чувств сердечных завязь не опыляет дар пера.

Больна пророческой тоскою, останешься наедине моя душа с самой собою в пустынной ночи тишине.

Подобно пушкинским помаркам, на небе росчерки светил мерцают святочным огарком по мановенью божьих сил.

Я посвятил стихии бреда жизнь несусветную мою. Заместо щей – стишок к обеду в халтуры мыльную струю.

Душа в заботах преуспела. Угомонись, лебяжий пух, в самотворении вне тела вкушая благодати дух.

В эпоху скотского лакейства нейдет Вергилий натощак. Россия тонет в фарисействе, напялив иудейский фрак.

В капитализм открылись шлюзы. И вся кремлевская шпана на усыпальнице Союза вписала наши имена.

Сознаньем надо измениться, а после голову ломать — как в облаках парящей птицей из твари ползающей стать?

Пиши стихи, воруй удачу и слепо верь в свою звезду. Поэт живет, как дева плачет, на гибель или на беду.

30 мая 2005 - 13 апреля 06, Москва

Тоска, зеленая тоска. А мне бы пива для рывка.

Разбавить это все вином. Запить армянским коньяком.

Добавить водочки стакан, пока не стану вусмерть пьян.

Чтобы остывшая душа простилась с жизнью не спеша.

16 апреля 2006, Москва (Арбат)

Как мотылек на огонек

летит свечи в густой ночи

чтобы спалить всей жизни нить,

так я найду свою звезду

и благодать, чтоб светом стать

ее тепла, сгорев дотла.

К ПОРТРЕТУ А. РОЗЕНБАУМА

Российской Думы депутат и блатняка «аристократ», вступив в кремлевский хит-парад, толкует воровской расклад.

И Розенбаум, и Кобзон, пока есть мода на шансон, стригут гешефт из мокрых зон и славят воровской закон.

В городе Сочи блядские ночи.

Шлюхи и прочие разнорабочие.

Все для приезжего на побережии!

Море влагалища для отдыхающих.

Если красавица в рот брать стесняется,

надо потратиться на ассигнации.

Куча наличности вызовет к личности

вашей внимание и понимание.

А жизнь ручьем бежит в Москве и бьет ключом по голове.

Так ручеек кастальских вод несет песок моих забот.

Мои глаза юлят угрем в погоне за шальным рублем.

Когда монет в помине нет, душевных сил уходит пыл.

Когда душа – часть барыша, всей жизни путь теряет суть.

Родной язык в ночной тиши являет лик моей души.

АБХАЗСКИЕ МОТИВЫ

1

Лето. Море. Красота. Если денег как с куста.

24 апреля 2006, Адлер

2

Благодарю за вечный след людей, которых больше нет.

3 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

3

Отшумели года. Пронеслись поезда,

унося седоков на разъезд мертвецов, оставляя меня у ночного огня

одинокой в ночи поминальной свечи.

Если будешь цельный год ты чесать себе живот, то фортуна в свой черед встанет задом наперед.

3 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

5

Куст мушмуллы торчит в окно. Над черноморскою лагуной несутся облака, как шхуны, и камнем падают на дно.

10 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

6

На Биостанции АГУ в начале мая ни гу-гу.

Над морем полная луна как нимфа с чашею вина.

На небе огоньки светил горят как очи божьих сил.

Луна в объятиях с волной спешит на берег в час ночной.

Смотреть на море и вдыхать пустынной неги благодать.

Будешь много говорить – жизнь придется сократить.

Много будешь выступать – навсегда уложат спать.

5 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

9

В Сочи люди как на блюде

парят почки на песочке,

дуют пиво на активы,

прут красоток без колготок.

20 мая 2006, Сочи

Сочи как очи.

Адлер как грабли.

Гагры – подагра.

Сухуми – кум на куме.

30 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

11

И поцелуи при луне живут как призраки во мне.

Открылась жизнь и я дышу сквозь человеческую мшу.

Сквозь испарения души, в которой копошатся вши.

Сквозь откровенье певчих уст, ничьих не окрыливших чувств.

Глаголом горнего истца не оживлявшего сердца.

Душа, как бабочка на свет, вспорхнула после темных лет.

9 ноября 2006, Москва

Я просто винтик часовой. Песчинка в море. Перегной.

За корку хлеба день-деньской я мельтешу как заводной.

Я впопыхах жужжу пчелой. Я второпях шуршу метлой.

И все впустую. За душой не пахло отродясь деньгой.

Я зол на мир как пес цепной, не в силах быть самим собой.

Я человек и прах времен, хранящий вечности закон.

22 января 2007, Москва

Ах, гитара, друг мой нежный. Пересмешница моя. Во пиру тоски безбрежной ты отрада бытия.

Припаду к груди беспечной, обниму девичий стан. Ах, гитара, друг сердечный. Жизнь – отрава и обман.

Горько бражничал по свету непутевый блудный сын. Юность канула как в Лету журавлей плакучий клин.

Упаду ли, пьян мертвецки, уроню ли, вусмерть пьян, в кабаке замоскворецком очи грешные в стакан...

Утоли мои печали, семиструнная река. Мы свое отбедовали до последнего глотка.

Ночкой шалой, ночкой лунной, отправляясь в мир иной, мне малиновые струны упадут на грудь тоской.

16 - 30 сентября 2007, Москва

По окраинам Москвы на высотках мажем швы.

Герметизация *с амортизацией*.

Посадка мягкая, всегда с оглядкою.

Парилка с банею на крыше здания.

Висишь на досточке и паришь косточки

на летнем солнышке. Воды б на донышке.

Глоточек пива бы с сушеной рыбою.

Однако, в праздности нет безопасности.

Засим, тверезыми по стенкам ерзаем.

Сечет нас дождичком как финским ножичком.

Ветрами склочными, высокоточными.

Но прочь уныние с высотной линии!

Внизу девчоночки снуют в юбчоночках.

Автомобили им сигналят стильные.

Деревья кронами шуршат зелеными.

Не славы ради мы живем подрядами

на свежем воздухе без сна и отдыха.

Работодатели – гробокопатели! –

подбросьте рубликов на масло с бубликом.

8 мая - 14 мая 2008, Москва

Ни о ком, ни о чем не жалей в жизни сей.

В добрый путь позабудь все, чем жил, все, что мнил.

Удалив как нарыв злачных лет гнойный след,

обрети на пути по себе смысл в судъбе.

В небе звезд словно гнезд божьих птах на древах.

Свет светил горних сил есть твой Крест, Эверест.

Алчь даров всех миров – прах и тлен перемен.

Лишь душа не спеша вправе жить и любить.

17 апреля - 4 сентября 2008, Москва - Санкт-Петербург

НА ПОСОШОК

Дни любви посвяшены, Ночью царствуют стаканы. Мы же – то смертельно пьяны, То мертвецки влюблены. А. Пушкин

Я сегодня пропьюсь до рубля... В. Высоцкий

Все в мире — яд. Все дело — в дозах. Парацельс

Отравлен день без чистого вина. Душа тоской вселенскою больна. Печали – яд. Вино – противоядье. Коль выпью, мне отрава не страшна. Омар Хайям

ПЕСНЬ О ПОГИБШЕЙ МОЛОДОСТИ, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЕ О НОЧИ, ПРОВЕДЕННОЙ В БАУМАНСКОМ РОВД ЗА ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН В НОЧНОЕ ВРЕМЯ В НЕТРЕЗВОМ ВИДЕ

Как мало пройдено дорог, Как много сделано ошибок. С. Есенин

Ι

Раз на Большой нас взяли Красной. Решили водочки попить мы в настроении прекрасном на пару с другом. Как тут быть? А было так. Точил я лясы с товарищами как-то раз. Я был не пьян. На выкрутасы я по трезвяни не горазд. Ничто беды не предвещало. Толян зубрил закон Коши. Наташа песню напевала. А я смеялся от души. Горячий чай и корка хлеба, плюс, сигарета натощак. Все боги, как один, на небе амброзию вкушали так. Зевс-громовержец, тот втихушку жует с сарделькой бутерброд. А те, что ниже рангом, с кружкой встречают кваса Новый год.

У небожителей законы (Зевс устанавливал их сам) должны служить нам эталоном. Ведь наши, приглядеться, срам. Юриспруденция – наука. A я в ней, право, не знаток. Протесты, акты, иски, – скука. Искусство слова мой конек. Я в этой области не мало сумел шедевров произвесть. Два-три любовных мадригала и эпиграмм примерно шесть. По части эпиграмм я дока. На лире дал Бог дар бряцать. В душе, однако, лежебока. На нервах мастер дам играть. Но речь не обо мне. Скорее, не только обо мне одном. Как мы с Богдановым Андреем певали поздним вечерком.

П

Все было тихо. Мы скучали. Но, чу, на лестнице шаги как конский топот зазвучали. Друзья то были, иль враги? Дверь отпирать пошел хозяин. Мы приуныли. Натали перекрестилась: «Деспот? Каин?» Тьма за окном, хоть глаз коли. В дверях послышались лобзанья от чувств нахлынувших волны. И страстный лепет обладанья,

что шел из сердца глубины. Андрея голос мы признали и, шасть с Натальей на носки. Толкая друга дружку, мчали навстречу гостю взапуски. Тут автора перо пасует оттенки встречи передать. Андрей сминает нас, целует и просит цену набавлять. Дотоль неведомая сила (скажу об этом в двух словах) Наташу на руках носила, меня объяла, как в тисках. Незабываемой той встречи свидетельства есть два ребра. Я в непогоду иль под вечер уснуть не в силах до утра. Тут поступило предложенье. Андрей на выдумки мастак. Смекалка, плюс воображенье, ему стяжали славу так. Пойти за водкой до киоска. Андрей достал свой портмоне и высыпал червонцев горстку. Иль это только снилось мне? Ура! Мне выпала удача идти с Андреем за спиртным. О чем сегодня горько плачу, глотая сигаретный дым.

III

Бывает так, несут нас ноги под настроение в кабак, к на все согласным недотрогам за сигареты и коньяк. У нас не то. Андрей женатый. Я, слава богу, холостой. Не посещаем мы блатхаты, не водим девушек гурьбой. Я целомудрия сторонник. Душа и тело для жены. Кокеток записных поклонник, считаю, грех от сатаны. Читатель! Суть сего трюизма в том заключается порой, что я, охотник вульгаризмов, устроить рад секс-пир горой. Супружеских я уз законник. Мораль и нравственность поправ, я девушек на подоконник не ставил раком для забав. Я ретроград в вопросах секса. В любви двухспальная кровать (как в биохимии цикл Кребса) заменит вам отца и мать. Но, впрочем, я отвлекся. К делу! Мы не на съем шалав пошли. Потасканное шлюхи тело чтоб русской водке предпочли? Такому не бывать. За водкой! По лестнице сбежали вниз летящей рысаков походкой. «Спеть, что ли, песенку на бис?»

Запели от души. Андрюшу Ла-Скала, вероятно, ждет. Речист и голосист. Послушать, — он соловья перепоет. Решили срезать тупиками. Щипал нас за уши мороз. Мы проходными шли дворами, горланили про сенокос.

IV

Про то, как зайки на поляне косили мураву-траву. О том, как серый волк по-пьяни мертвецким сном уснул во рву. Чтоб показать всем класс и фирму, души искусство и тоски, мы пели песнь из кинофильма, из «Бриллиантовой руки». Артист Никулин! Ваша школа! Вас обожающий народ вне признаков различий пола на все отечество поет. Мы, зайки серые, на волка забили хрен в урочный час. Хоть зубы складывай на полку, слеза не прошибает нас. Мы косим трын-траву на поле. Нам, лопоухим, все равно, что ты в своей сермяжной доле зайчатинку жрешь, иль говно. Мы легендарного артиста с Андреем взялись перепеть. Так подражают пародисты певцам великим. Стыд смотреть.

Но мы упорствовали в цели, все ближе подходили к ней. Нас в Бауманском райотделе как дорогих ждали гостей. Спешить не буду. Я с оглядкой вам расскажу на протокол. Все без запинки, по порядку, как вышел небольшой прикол. Мы в грезах водочку вкушали с Богдановым на брудершафт. Как флаг походный на привале Андрея развивался шарф. Андрей, замечу мимоходом, хромал на обе пары ног. Чтоб нас поздравить с Новым годом, он боль в суставах превозмог.

V

Но вот, друзья, какая штука. Нога торчала как весло. Ему ходьба давалась с мукой. Вот, думал я, не повезло. На скоростной автобус трассе: Казань — Тетюши — Туймазы, битком, как в бочке с сельдью, массой сошел с проезжей полосы. Конечно, светопреставленье перо не в силах описать. Герой на женские колени наш приземлился, как в кровать. Но, приземлился неудачно, коленный повредив сустав. Спасенный матернулся смачно,

заметив женщине: «I love...» Он не закончил фразы. Фрау была на вид за шестьдесят. И челюсти стальной оправа торчала из беззубых врат. Герой ретировался часом. Галантность – джентльменства знак. Шаляпинским старуха басом сурово молвила: «I fuck». Андрея автоодиссею осмелюсь вкратце досказать. Исколесил он всю Расею, дабы умом ее понять. Ан, нет! Умишком тут не впору раскидывать святую Русь. Предмет особый разговора, что вызвало в герое грусть. Вернемся же к повествованью. «Друзья, прекрасен наш союз», сказал нам Пушкин в назиданье для дружества скрепленья уз. Последуем его примеру. Ибо, как водится, душа друзьям грехи прощает в меру, пусть против совести греша.

VI

Товарищество – чувство локтя. В несчастьи познается друг. Как хищник выпускает когти зло, взять пытаясь на испуг. Фонарь, аптека. Как у Блока. Безлюдье. Ночи три часа.

По центру города далеко неслись двух пьяниц голоса. Нырнул навстречу «жигуленок». Обдал нас фарами авто. Достало у меня силенок хватить Андрея за пальто. То – безопасности угроза. Затихарись и не мычи. Под двадцать градусов мороза почуял запах я мочи. Поджилки затряслись, коленки в брючинах ходют ходуном. Таращим друг на друга зенки: в машине палево с ментом. Переглянулись. Глухо дело. Вставать на лыжи? Заметут. Поздняк метаться обалдело. Наряд патрульный тут как тут. Очко на минус в том моменте. Я в простоте душевной пас. «Предъявим ваши документы. В нетрезвом виде в поздний час». Понятно, ксив не оказалось. «Пройдемте, граждане, в авто». Двусмысленно нам улыбалось мудило в кожаном пальто. Мы, грешным делом, отпираться: «По лавкам детки. Жены спят». «Беспрекословно подчиняться», нам гаврики в ночи трубят. Браслеты, ладно, не надели. Не то бы руки затекли. До Бауманского отдела нас как мокрушников везли.

VII

Мы в РОВД на Карла Маркса. Запоры лязгнули дверей. «Живем, Витюха, как на Марсе», – морально поддержал Андрей. Мне, – что? По жизни я бродяга. Скитаюсь по чужим углам. Пять лет в студенческой общаге я просыпаюсь по утрам. С Андреем вводят нас в дежурку. Андрей держался молодцом. В прихожей шлюхи, полудурки. Гоморра, в общем, и Содом. Смели всю нечисть по сусекам. Бомжи, сиповки, алкаши. Лица не видно человека. И ни одной родной души. Мы огляделись деловито. Стандартный ментовской набор. Все как в аптеке Айболита. Лишь медицинских нет сестер. Стол письменный и пара стульев. Бронированный сейф в углу. Народ жужжит, как пчелы в улье, иль как красотки на балу. Нам было весело. Едва ли мы лучшим образом развлечь могли себя, когда б не знали, как пользы максимум извлечь. Начнем с того, что по приколу народец ушлый наблюдать. Есть представительницы пола прекрасного. На бляди блядь.

С десяток взяли малолеток. По нашим меркам, мелюзга. Забьют косяк, глотнут таблеток. Бегут с монтажкой бить врага. Бомжей описывать не будем. Паскудство жизни. Срамота. Пристала, скажем прямо, людям души и тела чистота.

VIII

В дежурку делово ввалился с серьезной миной джентльмен. Люд с пониманьем расступился и выстроился возле стен. Начальник РОВД. Привстали шестерки с мест, отдали честь. Ему на место указали. Босс важно соизволил сесть. Бумаги подали на подпись. Шеф с важным видом подписал всех правонарушений опись. План подмахнули за квартал. Патрон убрался восвояси, команду рубанув с плеча: «Смотрите мне, без выкрутасов. Не бить по почкам сгоряча». Перемигнулись новобранцы. Начальства поняли намек. Шмон по всей форме, только яйца беречь от кирзовых сапог. Тут с кинокамерой в дежурку снять уголовный прецедент шныряет в кожаной тужурке

при галстуке интеллигент. Заснял на пленку в фас и профиль. С Андреем нас запечатлел. По пьяной лавочке мы, профи, чтоб не творили беспредел. Теперь в компьютерный банк данных и наши внесены досье. Попали мы в реестр избранных УК нарушивших мосье. Всех малолеток отпустили. Коленом в пах, пинком под зад. Бабуськи в рев заголосили. Переполох в дежурке, мат. Шмон у ментов вещей в порядке. Нас обыскали до яиц. В ширинках наших и подкладках заточек не нашли и спиц.

ΙX

Переписали чин по чину.
Рожденья место, дата, год.
Преступных замыслов причину.
Кто сколько принял в свой черед.
С Богдановым не дали маху.
Сказал я прямо: двадцать пять.
Андрей в том смысле, что без страха успел стакан на грудь принять.
Шнурки с ботинок под расписку с нас сняли и ремни от брюк, дабы никто в удавке склизкой не вздернул сам себя на крюк.
Забрали деньги, сигареты, часы и носовой платок.

Согласно ментовской примете: имущество в сейф, под замок. Стальные лязгнули запоры. Втолкнули в камеру взашей. В клетушке смолкли разговоры. Братва на нарах парит вшей. Вповалку спит народ тюремный. Раздухарились фраера. В долг государству подъяремный горбатить с ночи до утра. С полатей сыпались вопросы: «За что братишек замели? В затарках нет ли папиросы?» У нас – голяк. Мы на мели. Андрей пустился в анекдоты. Как волк бросается на дичь, во время брежневской охоты разбил генсека паралич. Тьму баек вспомнил об индейцах, народы Севера приплел. Как дали северным корейцам мы по загривку в Халкингол. Гогочет хором вся ночлежка. С полатей встали стар и млад. В кормушку мусор пялит пешки как моська на бал-маскарад.

22 - 31 января 1996, Казань

ДНЕВНИК 1996 ГОДА

1

Все тихо. Ночь. Гостей не будет. За стенкой не слышны шаги. Δ рузья притих λ и и враги, не треплют языком, не судят. Язык, как помело, сметает пожухлую листву – молву. Полуношник жует халву и крепким чаем запивает. Все тихо. Ночь. Рай безголосья. Не колосится нива слов. В общенья мельничный жернов не падают речей колосья. Пустынна ночь в раю бездушья. Печален полуночки лик. И море не спасает книг. Не тело, а телячья туша. Есть в одиночестве безволье. Есть в непричастности тоска. Не тянется к перу рука. Съедаешь сам с собой пуд соли. Ночь на дворе. Звезда мерцает. Пьет полуношник крепкий чай. Последний прогремел трамвай. Жизнь за окошком замирает.

15 - 18 января 1996, Казань

Как хорошо быть одному. Не надо трусить, лицемерить. Разубеждать, влюбляться, верить. Я не доверюсь никому. Души безверия мирок. Ночь с сигаретами и чаем. Так локти мы себе кусаем как жизни праздничный пирог. Час тишины. Словно в раю. В душе творится свистопляска. Засасывает мира тряска. О жизни скудости пою. Порочный круг знакомцев, шлюх. Друзья пьют водку втихомолку. Пора обзавестись двухстволкой, судьбы пресечь град оплеух. Нет в жизни места для друзей. Заводишь двух и боле сдури. Различной масти две фигуры на поле шахматном ферзей. Друзья бранятся сгоряча. Любовников страсть остывает. А предо мною оплывает и тает на глазах свеча.

22 - 23 января 1996, Казань

В родной я воротился град и шел пешком с аэродрома. Безлюдием встречал Нурлат. Безмолвьем, верно, встретят дома. Давно родители не ждут. Их блудный сын не навещает. На стороне нашел приют. Весть о себе не посылает. По улице Советской до автовокзала пешим ходом. Такси не ходят и ландо. Нет лишних денег у народа. Сверну направо. Через мост путей я перейду «железку». Поселка вид безлик и прост. По Лермонтовой вниз отрезку. Одна меня встречает мать. С отиом я словом не обмольлюсь. Начнем былое вспоминать. С житьем-бытьем ее знакомлюсь. По-старому все. У плиты проходит жизнь. Уборка, стирка. Хозяйской больше все тщеты. Жизнь – словно текст через копирку.

10 февраля 1996, Нурлат

Гляжу в окно в полночный час. Пустынный предо мною дворик. В окошках свет давно погас. Как в глубь веков глядит историк, гляжу сквозь сумрак ночи в сад. Нет ни души. Жизнь замирает. Светил на небе вертоград в час полуночный полыхает. Жизнь в одиночестве, жизнь вне приязни филантропа к миру. Грущу в ночной тиши зане. Бряцаю, как Боян, на лире. Все тихо. Ночь проходит без дружков-касатиков визитов. Mолчанье — золота на вес. Δ уши в молчаньи сила скрыта. Я одинок. Всю жизнь – как перст. Пустыня вкруг меня. Безмолвье. Святого Серафима крест: «Спаси себя...» – молитвословье. Где, впрямь, спасенья мне искать? Найти б тот уголок тепличный, где схоронился я как тать, сродни птенцу в мирке яичном.

27 февраля 1996, Казань

Февральским утром спозаранку на рынок Чеховский пройдусь. Барыг послушать перебранку и матюгальники бабусь. Безденежья заботы гонят печатную машинку с рук сдать за бесценок, буде понят я правильно, за триста штук. Иду на крайность. Без копейки сижу без малого я год. Родная не дает семейка рубля материальных льгот. Со дня перебиваюсь на день. С чужого завтраки стола. Безденежья час безотраден. Как сажа жизнь моя бела. Ни с чем вернулся я с базара. Товар не смог свой заложить. Во мне торговца нету дара Меркурию душой служить. Вновь побираться по знакомцам. По-новой залезать в долги. Беспечно бытие бездомиа. Легки моей судьбы шаги.

29 февраля 1996, Казань

Ночь у костра в ночном лесу. Отряд аквалангистов «Бентос» кучкуется под звездным тентом. Рвет гитарист струны лесу. Встал лагерь поисковиков в окрестностях Мясного Бора для воинов останков сбора погибших власовских бойцов. Собрался на халяву люд, затарив рюкзаки водярой. Горланим песни под гитару, домашний позабыв уют. Здесь шли бои. Здесь полегли десятки тысяч храбрых смертью. Болота хляби стали твердью защитникам родной земли. Здесь Власов с армией пленен. «Увенчан лаврами позора». Здесь смерть косила без разбора с обоих воинов сторон. В «Долине смерти» рыщет щуп. Поля сражений в новых шрамах. Торгует утварью из храма Генштаба канцелярский круп.

4 мая 1996,
 Мясной Бор
 (Новгородская область)

Как будто есть тоска под Богом. Как будто есть вчерашний день. И говорить высоким слогом мне в тишине ночной не лень. Но в сумерках другие звуки к себе приковывают взор. Не избежать под вечер скуки. Все, что роится в мыслях — вздор. Кавказ объят резней кровавой. На брата брат, сын на отца. Кто веры ренегат, кто правый? Во власти спор решить творца. Я – одинок. Душа тоскует. Хула преследует меня. Душа к родной душе взыскует. Нет таковой при свете дня. Не петь мне поздней ночью песен. Ночь на дворе, повсюду ночь. Души мир обживает плесень. Ничто не в силах мне помочь. Душа тоскует поневоле. В свой час мне многое дано в безрадостной постичь юдоли, глуша стаканами вино.

19 - 24 августа 1996, Казань - Озеро Щучье (Марий Эл)

Не говори напрасных слов. Все, сказанное нами, живо лишь час один и прихотливо питает амальгаму снов. Как время медленно идет. Жизнь не стоит на месте. Скоро двадцатый век как поезд скорый во тьму небытия уйдет. Все, что останется, – песок. Все, что нас ждет, – река забвенья. Времен претерпевает тленье свинцом простреленный висок. Под звездным небом быют челом древа немолчною стеною. Деревьев кроны под луною как витязя стальной шелом. Немая сцена за окном. Влюбленной пары силуэты освещены молочным светом луны, свернувшейся клубком. Жизнь продолжается вне тьмы, вне смысла бытия утраты от поздней осени закатов до ранних сумерек зимы.

24 августа - 8 сентября 1996, Озеро Щучье - река Большой Кундыш (Марий Эл)

Здесь полумрак царит, здесь тени дерев бросаются в волну и, камнем уходя ко дну, в придонных прячутся растеньях. Здесь тишина сродни лекарству. Лишь ветер бродит в деревах, да птица на своих крылах лесное потревожит царство. Река стремит свое теченье и плещет на берег волна, все на своем пути вольна смывать как вечности движенье. Здесь мысль объята полнотою устройства мира и души, укрощена в ночной тиши ночного леса немотою. Здесь мир души как на ладони читаешь линии судьбы, за тайным смыслом ворожбы провидя Бога лет на склоне. Года минуют и столетья. Течение Большой Реки не челн с гребцами, а венки прибьет к брегам в недальней Лете.

8 - 9 сентября 1996, река Большой Кундыш (деревня Красный Мост)

Костер под проливным дождем на берегу равнинной речки. В палатке вчетвером при свечке ночь непогоды переждем. Привал туристов на брегу Большого Кундыша. В природе царит унынье. Мелководье реки как раз по сапогу. Сентябрьский сплав. Мель на реке. Заторы из дерев вповалку. Отряд гребцов обходит балку, веслом табаня налегке. Слились реки два рукава. Большой воды отсчета точка. Рыб косяки в придонных бочках – пескарь, сорожка и плотва. Лубочной осени пассаж. Палитра прихотлива леса. Деревьев над водой навесы как левитановский пейзаж. Спустились сумерки на брег. Горит костер. Трещат поленья. Оставив далеко селенья, нашел пристанище ковчег.

12 сентября 1996, река Большой Кундыш (деревня Красный Мост)

Оставим все как есть. Надежды мой не питают больше ум. Наследье невеселых дум. Смыкаю в полудреме вежды. Себя растратив без остатка, душа грустит о небесах. Добро на совести весах творит на силы зла с оглядкой. Смотрю в ночное звезд скопленье как в реку смотрится звезда. Как свет своей души вода светил приемлет отраженье. Все тихо. Смолкли разговоры. Ночь поглотила голоса. Безмолвью внемлют небеса ночных широт лесных просторов. Печальной участи избранник, на небе отыскав звезду, свой горький монолог веду о том, что каждый в мире странник. Все тихо. Тьма сгустилась. Звезды в ночной плескаются реке подобно окуням в садке, глотающим осенний воздух.

13 сентября - 1 декабря 1996, река Большая Кокшага (Марий Эл) - Казань

Мы в Нижнекамске. Город спит. В гостинице ночуем «Кама». В окне высоток панорама. Вид железобетонных плит. Командировка по делам. Высотные нас ждут работы на ТЭЦ-1. Паденья, взлеты... По нашим ходит смерть пятам. Нас трое в связке. Бригадир – Тимур Гареев. Друг-приятель. Романтик. Альпинист. Мечтатель. Мы штурмовали с ним Памир. Казань приелась. Пустота. Одни и те же люди, лица. И надо скатертью стелиться пред тем, чья совесть нечиста. Хвала турбине! Свет, тепло. Возможность заработать деньги. Халява (на босяцком сленге). Однако, риск большой зело. Опасный труд промальпинизм. Чем выше ты, тем ближе к смерти. И ближе к небесам, чем к тверди. Спасает только оптимизм.

9 - 19 декабря 1996, Нижнекамск

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПОЭМА

1-му Общежитию Казанского Государственного Университета трепетно и нежно посвящаю

Ι

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АНАТОЛИЮ МУРАШЕВУ ОТ ПРОЗЯБАЮЩЕГО В ГЛУШИ ВИКТОРА ГРИГОРЬЕВА, ИЛИ ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ ОДИНОЧЕСТВА

Часть 1

Толян, здорово, старина! Решил письмишко на ночь глядя я отписать тебе в тетради, ибо не спится ни хрена.

В Нурлате тишь и благодать. Ем за троих, сплю дни и ночи, себя не утруждая очень. Вот, только, не с кем поболтать. Нет ни подруг и ни друзей. Артемьев Шура, тот в запое, как на заслуженном покое. Меняет, что ни день, блядей.

«Дед на печи, а бес в ребро», – вот смысл известной поговорки. Не снимешь шлюху за пятерку. Им нужно злато, серебро.

Я бы и сам рад согрешить. Однако, на мели. Финансы мои давно поют романсы. На звезды волком впору выть.

Зане спешу итог подвесть. Витена нынче не гулена. Ни деревянных, ни зеленых... Есть, слава богу, что поесть.

Веду открытую борьбу в прямом и переносном смысле. Отец не прочь бы коромыслом пройтись по моему горбу.

С родителями не в ладах. Не выпросишь копейки лишней. Я, дескать, объедаю ближних. Стыд и позор в моих летах.

Встал Чернышевского вопрос дня на повестку сам собою. «Что делать?» Ладить ли с судьбою? Или, как поезд, под откос?

Я, впрочем, оптимист не зря. Я дни и ночи на диване валяюсь без гроша в кармане. Достатка, жду, взойдет заря.

Часть 2

Устроим пир среди друзей. До кучи пригласим подружек. Мы их споим из медных кружек, чтоб сердцу было веселей.

Припомни, Толик, Новый год. На Черном Озере гулянку (конечно же, не без Лейсанки) и вокруг елки хоровод.

На дискотеке впятером мы пили водку и плясали. Со временем, когда устали, бабуську сняли под хмельком.

Виновник Вовчик торжества. Любитель баб и приключений. По части съема баб он – гений. Мы рядом с секс-китом – плотва.

В твоей квартире пир горой. Подснял Володя педагогов. Как на подбор, все недотроги. Пьют и снимаются гурьбой. А, дискотека на Кольце? Турецкий марш вдвоем с Базеткой. И сладкий поцелуй нимфетки с улыбкой горькой на лице.

В трамвае громогласный хор. «Подружки, как одна, по парам все разбрелися по татарам...» И зрителей немой укор.

В общагу шумною толпой мы двинули продолжить пьянку. Все те же лица, плюс, Лейсанка. И водка полилась рекой.

Прошел в запое весь январь. Мы от души повеселились. Как дети малые резвились. Переменился календарь.

Я набираюсь сил в глуши. Была бы лишь к тому охота. По праздникам и по субботам полезна водка для души.

POSTSCRIPTUM

Всем от меня большой привет. Володе, Плинтусу и Лешке. Пусть не грызутся из-за ложки, а держат меж собой совет.

Привет всей пятьдесят шестой. Светлане с Костей особливо. Чтоб не бежали боязливо уз, предначертанных судьбой.

Пожатье всем моей руки. Камилю, Ваське-острослову. И Рыжему, что гнет подковы и в ход пускает кулаки.

Всех обнимаю от души. Богданова Андрея крепко, как в сказке, – дедка с бабкой, – репку. Не купишь дружбу за гроши.

Под занавес скажу, Толян, особого есть просьба рода. Ты, верно, слышал от народа, к кому я чувством обуян.

Пора раскрыть инкогнито. Прелестницу зовут Лейсанка. Она высоко держит планку и ходит в кожаном пальто.

Пленять сердца – ее конек. Она как крепость неприступна. Не повезло мужчинам крупно, что штабелем лежат у ног.

Толян, могу ль тебя просить, чтоб ты взял на себя роль свата. Я ей не обещаю злата, но буду на руках носить.

Так и скажи, – чего скрывать. Коль дело сладишь, Анатолий, останется на нашу долю недели две не просыхать.

Одно, Толян, не забывай. Союза стопки и бутылки. Пусть будет Бог в душе, курилка. Пью за тебя. Засим, прощай.

15 февраля 1996, Нурлат

II

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЕ МИНИАТЮРЫ В ЗАГАДКАХ

Копна соломенных волос. Классический гречанки нос. Богини Афродиты бюст. И холодок надменных уст.

(Леночка Щукина)

В душе он добрый человек, хоть связан с каратэ весь век. Не потому ль он оптимист, что холостяк и каратист.

(Борис Белов)

Авто, мото и магнето... Про это знает и про то, что суть его инкогнито пока не раскусил никто.

(Камиль)

– Зачем родился он на свет? Он пьяница? Он дармоед? Он шут гороховый? – О, нет. Намного хуже. Он – поэт.

(Виктор Григорьев)

Голос свыше:

О ком в ночи грустишь, поэт? По ком ты чахнешь в цвете лет?

Я:

Есть Муза – мед моих речей. Есть Дева – свет моих очей. Моя богиня – и она лежит без чувств пьяным пьяна.

 (A^{***})

1 апреля 1996, Казань

Ш

Л*** ПОСВЯЩАЕТСЯ

Л*** – ты мечта поэта. Ты как похмелье от вина. Как дорогая сигарета. Ты словно жизнь без стакана.

11 марта 1996, Казань IV

ОДА

Л*** ПОСВЯЩАЕТСЯ

 Λ^{***} , жизнь, увы, пройдет. Смотри, бежит за годом год.

Старею я. Стареешь ты. Уж сморщились твои черты.

Еще я помню те года, когда была ты молода.

Хранила девственности след примерно ты семнадцать лет.

Пошли мужчины и вино, секс, голливудское кино, –

лишь только в университет ты с юных поступила лет.

Март 1996, Казань

V

МИХАИЛУ ДУБИЦКОМУ НА 19-ЛЕТИЕ

Любимец женщин, друг веселья. Душа компании хмельной. Сын Бахуса, дитя похмелья, вспоенный маковой росой.

В минуты тягостных сомнений мой друг, налей себе вина — источник грез и вдохновений — и, чашу осушив до дна, плыви на паруснике сна в край эротических видений.

1 октября 1996, Казань

VI

П*** ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Я признаюсь (видать, без толку) который раз подряд на дню, что легче мне пролезть в иголку, чем сквозь души вашей броню.

Я вас любил (увы, без толку) как нерадивое дитя, как дорогой хрусталь на полке, как Рай и Ад небытия.

Я все страдал (хотя, без толку). Но, только молча, по ночам выл на луну подобно волку, не в силах волю дать речам.

Я выл от ран (но, все без толку) как в сердце раненный боец. Язык ваш будто жало пчелки, а, речь, – как пуля и свинец.

Я бредил вами (все без толку) и падал в обморок в бреду. Пальнули б лучше из двухстволки, чем лицезреть мою беду.

Я вас любил (не видя толку). Любовь угасла не совсем в моей груди и, тихомолком, питает тысячи проблем.

Я, как юнец, влюблен (без толку). Боюсь, что мой любовный шквал сметет вас, иль любви осколком смертельно ранит наповал.

Я вас люблю (да, мало толку) как брат сестренку, не шутя. Хотя в общаге ходят толки, что вы порочности дитя.

Я вас люблю (а, хер ли толку?) Что я могу еще сказать о вас к тем сплетням, кривотолкам? Перо не в силах описать.

Я вас люблю (не зная толком): Кто вы? Откуда? И, – куда? Мой падший ангел, дай вам только избегнуть Страшного Суда.

2 ноября 1996, Казань

VII

Уж я махнул рюмашку водки. Вторую пропустил уже. Пока не выпью третьей стопки, — не потеплеет на душе.

21 января 1997, Казань

VIII

ИНЕССЕ КОПЫЛОВОЙ

- Милая Иннуля! Где твоя кастрюля? – Горе мне, Витюля. Бедную Иннулю как дитя надули.
- Милая Иннуля!Где же, где кастрюля?– Стыд и срам, Витюля.Все мои кастрюликак трусы стянули.
- Милая Иннуля!Как же их стянули?– Худо мне, Витюля.Все мои кастрюлиу одной бабули.
- Бедная Иннуля!Кто же та бабуля?Сто чертей, Витюля.Флера, что б ей вдули по самые ходули.
- Милая Иннуля! Жизнь твоя – кастрюля. Не сваришь ты Витюле вкусную цибулю. Супчик ли, уху ли.

Добрый друг, Витюля!
Как помочь Иннуле?
Пей свои пилюли.
Чтоб на жидком стуле не сидеть в июле.

16 февраля 1997, Казань

IX

ИЛЬНАЗУ НА 27-ЛЕТИЕ

Душа компании – Ильназ! Десятки восхищенных глаз. А Эдие сияют очи как две жемчужины средь ночи.

Душа компании – Ильназ! Ты скрасишь шуткой каждый час. Желанный гость на всех гулянках. Застолье без тебя лишь пьянка.

Душа компании – Ильназ! Ты лечишь от похмелья нас. От всех болезней и напастей. Дай бог тебе здоровья, счастья.

Душа компании – Ильназ! Для Эдиешки ты алмаз. Ты для своих друзей ни разу души не пожалел алмазов. Душа компании – Ильназ! Мы выпьем водки целый таз. Мы выпьем за твое здоровье, чтоб не болел ты малокровьем.

Душа компании – Ильназ! Я тост скажу на этот раз. Чтоб радость жизни и веселье не излечил ты как похмелье.

18 марта 1997, Казань

X

Орава пьяных мужиков на Зоостанции бушует. И в разнобое голосов гитары голос атакует.

Ночь далека. На островах закат зарделся, как девица. Напьемся в стельку, в пух и прах. Под водочку нас ждет ушица.

В кружок мы сядем у костра и водку разольем в стаканы. Пребудет пьянство до утра, пока не ляжем вусмерть пьяны.

Июль 1997, Зоостанция КГУ (Дачная)

XI

Моя каморка сто семнадцать. Так было, есть и будет впредь – стакан граненый наполняться рукой нетвердою на треть.

Мы одержимы бесом пьянства. Общага ходит ходуном. Дабы не гнить в болоте чванства, — мы дни и ночи пьем и пьем.

Облегчив душу алкоголем (зеленый змий – для куражу), я упиваюсь так, что голым могу бродить по этажу.

Проходит жизнь в сплошных попойках. Я пропиваюсь до рубля. Похмельем мучимый на койке, хотел бы жизнь начать с нуля.

Исчезла напрочь сила воли. Противоядья не дано. Засим, я в горемычной доле пью пиво, водку и вино.

Течет отрава для веселья. По новой жизнь зашла в тупик. Глядь, после выпитого зелья в салате отразился лик. Омар Хайям! Текуче время. Бог прибирает нас к рукам. И я уйду вослед за теми, кто сердцем одесную к вам.

Как час один, как сон минучий, обмылком жизнь скользнет из рук. Но я скажу, пока есть случай: in vina veritas, мой друг.

Июнь 2000, Казань

XII

КОМНАТА №117 ОБЩЕЖИТИЯ КГУ №1

Душа и двери нараспашку. Не комната – кабак, притон. Мы глушим пиво, водку, бражку. Нас миновал сухой закон.

Кого здесь только нет. Отвсюду халявной водочки попить дружков понабежало, люда, — что завсегда со мной на «Вить...»

Блядво, придурки, полудурки, девицы, шлюхи всех мастей, студенты, аспиранты, урки. Вот только нет средь них людей.

На дармовщинку уксус сладок. Общаговская шантропа спешит на пойло без оглядок. Не зарастет ко мне тропа.

Разложен сплетнями по полкам. Мол, я один на этаже творю бесчинства, пью без толку. Вожу бабусек в неглиже.

Сдают, сказать по правде, нервы. Хочу всех матом обложить. И кастелянша дрочит, стерва. И комендант мешает жить.

Утрите сопли. Не по чину вам потрошить мое нутро. Язык ваш мхом порос и тиной. Душа – клоачное ведро.

Не скоро завяжу я с пьянством. Пока все не пропью мозги. Засим, с паскудным постоянством, влезаю на пропой в долги.

30 июня - 1 августа 2000, Казань

XIII

Начало жизни. Бог ты мой. Ужель со мной все это было? Общага первая хмельной купелью юность окропила.

Восьмая комната жила, как и живет в воспоминаньях, тем, что всю гамму вобрала в себя студенческих ристаний.

В те времена я дико пил. (Как, впрочем, и теперь по-скотски.) Кто не бухал, тот и не жил. Тот с миром в узах был сиротских.

Мы жили вровень, пей не пей. При минимуме всем хватало стипендии в сорок рублей. От пап и мам перепадало.

Попойки, вечеринки, чай. Душевная беседа с другом. Шальная дева невзначай, что под хмельком ...

Не две,	не три	Была и	х рать
•••••			
•••••			

На чердаке и в душевой, в постирочной (эх, было дело!)...
......

Одна меж них была тогда, что бешенством страдала матки. С такой дыренью, что туда не целясь попадешь с рогатки.

Полночный час до соловьев мы за портвейном коротали. Водой пролито столько слов, сколь выпито вина в печали.

Меня снедает пустота. Как крест могильный обветшала душа, прозрев, что все – тщета. Что жизнь нельзя начать сначала.

9 - 13 августа 2000, Казань

ЛИТЕРАТУРА В МИНИАТЮРАХ

Ι

Однажды Осип Мандельштам шепнул Ахматовой на ушко: «Краснею я признаться вам, но мы войдем в века, старушка».

4 ноября 2004, Санкт-Петербург

II

Когда-то Александр Блок глядел на запад и восток. Тут мысль пронзила мозжечок: «Я – только ангел. Пушкин – бог».

4 ноября 2004, Санкт-Петербург

Ш

Лев Толстой ходил босой не от жизни холостой.

Граф Толстой любил бухать, девок тискать и сношать.

На гумне и на овине, на соломе и мякине,

в лопухах на берегу, под скирдою и в стогу,

за копною на лужочке, под березкой во лесочке,

примостив на муравейник жарил Дуню граф-затейник.

Царь зверей любил в природе женщин при любой погоде.

Будь ты граф, хоть сам Толстой, но в поддевке и босой, для Дуняши и Параши будешь в доску парень свой.

4 ноября - 7 ноября 2004, Санкт-Петербург - Москва

IV

Однажды Осип Мандельштам махнул с Есениным сто грамм. «Шагнув в бессмертие, Серега, зайдем в пивную по дороге».

12 февраля 2006, Гжель

V

Когда-то юный Саша Блок любовью к Любе занемог и осчастливил нас стихами, женившись на Прекрасной Даме.

12 февраля 2006, Гжель

VI

Сергей Есенин Айседоре читал стихи на косогоре. Вид константиновских берез расстрогал барышню до слез.

13 февраля 2006, Гжель

VII

Сергей Есенин в пьяном горе растаял в чувствах к Айседоре. И лучше выдумать не мог, как запрокинуть пару ног.

24 апреля 2006, Сухуми

VIII

ЗАПОВЕДИ ГРАФОМАНА

Остаканиться. Остограммиться.

Выпить водочки под селедочку.

Да в парилочку вместе с милочкой.

Postscriptum

Апосля веселия накропать изделие.

IX

Григорьев Виктор загремел по пьяни в ментовской отдел. Его слегка там попинали и с тепленького кассу сняли.

5 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

X

Григорьев Виктор не спеша опохмелялся из ковша, с кентами осушая флягу от яблочно-вишневой браги.

Postscriptum

Батяня долго в толк не брал: кто с его браги пенку снял? Наморщив репу, ошалел: его пострел и тут поспел.

XI

Григорьев В. хлестал в овраге с кентами самогон и брагу, чтобы пойти на дискотеку с понтами ушлых человеков.

5 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

XII

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ НА ИМЯ ДИРЕКТОРА СТУДГОРОДКА ОТ КОМЕНДАНТА 1-го ОБЩЕЖИТИЯ КГУ

Григорьев Виктор, сам не свой, в дымину пьяный и бухой, скакал на лестнице верхом в одних носках и голышом.

XIII

Хандрил наш драматург Куприн. К нему зашел писатель Грин. И, скушав водки полведра, они подались в номера.

10 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

XIV

Григорьев Виктор с головой ушел в безвременный запой. Когда от пьянства отдохнул, ушел, как в плаванье, в загул.

11 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

XV

Ахматова и Модильяни, как на картинке Пиросмани, сугубо из любви к искусству шалили в будуаре с чувством.

XVI

В парижском, раз, кафешантане Ахматова и Модильяни решили: чтоб войти в века, им надо написать бока.

11 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

XVII

Григорьев Виктор десять лет был погружен в запойный бред. Пришел в сознанье человек, а на дворе уж новый век.

11 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

XVIII

Григорьев Виктор впал в экстаз, литрушник усосав за час. В районный помещен отдел, на всю дежурку песни пел.

XIX

Даль, Миронов и Высоцкий остограммились по-флотски.

К ним подсел Тарковский в штатском. Остаканились по-братски.

С Шукшиным Василием литра два осилили.

С Окуджавой на ура повторяли до утра.

17 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

XX

Цветаева и Пастернак зашли в обшарпанный кабак махнуть сто грамм, чтоб было чем им море разрешить проблем.

XXI

Есенин на Тверском бульваре сидел в пивной в хмельном угаре. К нему подсел Мариенгоф. Прочел стишок и скушал штоф.

25 августа 2006, Москва

XXII

Есенин на Страстном бульваре лежал у Дункан в будуаре и в горькой думе лицезрел поэта русского удел.

25 августа 2006, Москва

на посошок

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВАЛЬСОК

Вчера был Вакха буйный пир При кликах юности безумной. А. Пушкин

ПРЕЛЮДИЯ

Я не буду больше молодым. С. Есенин

На крыльях памяти былое в свои вернулось рубежи. Ну, здравствуй время золотое – гулянки, пьянки, куражи.

Казанский университет! – ночной калейдоскоп попоек. Общага выключает свет и дружный скрип несется с коек.

От пап и мам ушли девчонки в общагах целки обломать. Как опахала их юбчонки обдули не одну кровать. Я был невиннее ягненка, когда весь мир передо мной раскрыла шалая девчонка, куда вошел я с головой.

9 августа 2001, Самара -12 марта 2003, Нурлат

1

Сколько водки выпито, Сколько стекол выбито, Сколько средств закошено. Сколько женщин брошено! Где-то финки звякали, Где-то дети плакали. Эх, сивуха сивая, Жизнь была красивая. Н. Рубцов

Общага, ах, общага, вспоила ты меня. Без водки бедолага не проживет и дня.

Здесь водочкой бабуськи полощат свой кадык. Нет лучшей им закуски чем пенис под язык.

Без курвы нет гулянки. Лишь суета и блеф. Бордель для куртизанки что для скотины хлев. На лестничной площадке, на кухне (не впервой!) В постирочной – с оглядкой, вприсядку – в душевой.

Меня нет виноватей и хуже нет чем я. Приветствую в собрате отбросы бытия.

Заливши оба глаза, я под столом блевал. В обнимку с унитазом как с девкой засыпал.

Широкая натура, запойная душа. БФ и политура с похмелья чуть дыша.

Здесь юность-потаскуха вступила с жизнью в связь и с первой оплеухой соплей оборвалась.

Да здравствует общага! Студенческий наш дом. Студеты-бедолаги и две-три целки в нем!

Лето 1998, Казань -23 августа 2001, Самара

2

Грешить бесстыдно, непробудно, Счет потерять ночам и дням. А. Блок

Деньки мои, гулянки-пьянки. Голь перекатная, душа, гуляй и пой, не зная планки, когда в карманах ни гроша.

Бедовые деньки-денечки. Ночами коромыслом дым. Шальные курвы-одноночки, дают, – так сразу восьмерым.

В халатиках и миниюбках бабусек вьется мошкара. Снимаются, как в море шлюпки, чтоб на ночь бросить якоря.

Девчонки – сок, что скороспелки.
Лишь успевай их выжимать.
Зубами щелкают как белки –
опасно за щеку давать.
А денюжки летят на ветер
как журавлиный клин на юг
и тают втихаря под вечер

в кругу потасканных подруг.

.....

Да, было время молодое. Я разбазарил столько сил, что сам себе дивлюсь порою – как я с девчонками чудил?

27 января - 28 августа 2001, Казань - Самара

После долгих апробаций по закону ассигнаций в пересчете на рубли снял я комнатку в пыли.

Не халупа, не лачужка, а, хибара, безделушка, куда девушки гурьбой не пойдут наперебой.

Водку пить и развлекаться. Целоваться, отдаваться. Что ни девка, то – огонь за сто баксов ей в ладонь.

Чтоб возникло в одночасье чувство, близкое к согласью ложе страсти разделить, – надо выпить, закусить.

Для приличия Лолита целкой кажется небритой. А, когда махнет сто грамм, даст соседям и друзьям.

Вечеринка выйдет в кассу, если ты не давишь массу с дамой сердца под столом с перепачканным бельем.

А, в динамике событий, на колени для соитья ставишь трепетную лань чтоб войти в ее лохань.

То фантазии зарницы порождают небылицы. Все, что было, то пройдет вместе с пьянством в новый год.

Декабрь 2003, Казань - 29 июня 2004, Москва

Податься от тоски в кабак. Пропить последний четвертак. Потискать барышням верстак. Вся жизнь – кабак.

Устроить форменный бардак. Нажраться вусмерть, как ишак. Сплясать на столике гопак. Вся жизнь – бардак.

Паскудство обратить в пустяк. Забить согласия косяк. Распить водяры на общак. Вся жизнь – пустяк.

7 ноября 2004, Санкт-Петербург - Москва

Когда я был во цвете лет, то бесшабашными ночами я полагал, что я поэт с бутылкой водки и стихами.

Когда я весел был и юн, меня на пьянку зазывали гитарным перебором струн чтоб утолить мои печали.

Когда бывал я вечно пьян, не зная одури похмелья, то первым поднимал стакан за женщин, греблю и веселье.

Когда я молод был и глуп, – надежды юношу питали. Я отыскать пытался пуп земли средь женских гениталий.

Когда я был самим собой, то после дружеской попойки меня носили всей гурьбой пьянчуги до ближайшей койки.

Когда в угаре пьяных сил я разбазарил жизнь без меры, признаюсь, для друзей я жил с религиозным чувством веры.

Когда кругом плыла весна и всем нам было по семнадцать... Ах, что за чудная страна в которой хочется остаться.

Когда все девочки весной, — Наташа будь то, или Света, — казались мне слегка раздеты, тогда я был самим собой.

20 - 27 октября 2005, Москва

Заела, бля, интеллигентщина. Хочу на волю, в кабаки! Чтоб нагишом плясали женщины. Чтоб ни печали, ни тоски.

У телевизора завшивела как мандавошка жизнь моя. А я хочу, чтоб крыша шифером шуршала в райские края.

Припомним времена былинные в угаре юности хмельной, когда катали на Неглинною, а шлюх цепляли на Тверской.

Подснимем девочек-припевочек. Они станцуют и споют. Отбоя нет в Москве от целочек. На стойке бара отсосут.

И станем мы бродить без устали от кабака до кабака. Воспрянуть к проститутке чувствами способна русская тоска.

Раскрылись снова, как бутончики все кабаки передо мной, где мусора стригут купончики со шлюх от Курской до Тверской.

Прославим удаль молодецкую, чтобы гулящая душа из погребка замоскворецкого ушла без штан и без гроша.

26 ноября 2005 - 11 марта 06, Москва

ОДНОЙ ПОЭТЕССЕ

Она спала с издателем как с первооткрывателем.

Она спала с редактором как с гусеничным трактором.

Она спала с бухгалтером с напором до бюстгалтера.

И путалась с корректором как бегунок с кареткою.

Всю ночь у переплетчика строчила пулеметчиком.

С заведующим рынками елозила машинкою.

С матросом и солдатиком скакала акробатиком.

Давала по субботникам ответственным работникам.

На барной стойке с хачиком имела связь калачиком.

Она спала с бандитами, шокируя кульбитами.

И с на руку нечистыми спала контрабандистами.

Давала дальнобойщику с манерами настройщика.

Она спала с поэтами валетом и дуплетами.

Она спала с художником в позиции треножника.

Ведомая гормонами, грешила с баритонами

из местной филармонии для полноты гармонии.

Брала уроки пения в оральном исполнении.

Переспала с актеришком, подмахивая перышком.

И, будучи под мухою, шалила групповухою.

Затем, что сила трения есть смысл всего творения.

Мы пели песни и вино рекой плескалось, как в кино.

Шептали девочки стихи. Парням мерещились грехи.

И все нам было нипочем, когда портвейн журчал ручьем.

И все подружки до одной хотели спать только с тобой.

Когда по койкам разбрелись, порхали девочки на бис.

Ах, что за чудный вертопрах студенчества на всех парах!

25 ноября 2006, Москва

Мы целовались от души и были дивно хороши.

Ты ворковала надо мной и говорила: «Милый мой!

Поедем в южные моря. Там бросим наши якоря.

Кокосы, пальмы, океан. Ты от любви со мною пьян.

Я с милым в шалаше юна и страстна буду, как волна.

И будет пятки нам с тобой поутру целовать прибой».

С тоскою я глядел в окно. «Хоть на край света! Все равно».

Пройдут года и оживут виденья пьяненьких минут.

25 ноября 2006, Москва

Открылась дверь – и я вошел. Бутылками укатан стол.

В стаканах плещется вино. И чья–то грусть плывет в окно.

Вся жизнь оптический обман, когда глядишь через стакан.

Когда душа обожжена свинцовой лавою вина.

Маячат вспышки сигарет. Журчит сердечный тет-а-тет.

Течет развязный разговор под Морриконе и «Кагор».

Подружки балуют парней театром пьяненьких теней.

Все недотроги до одной играют в целочек гурьбой.

И забулдыги с хохотком девичьим маятся мыском.

А где-то жизнь пошла вразнос — раздался пламенный засос.

За поцелуем, господа, встает из брюк твоя звезда.

С девчонок под шальным хмельком юбчонки сдуло сквозняком.

О, вешней юности пора беспечных гульбищ до утра!

И я пришел кормить клопов. Махнул сто грамм – и был таков.

20 февраля - 20 декабря 2007, Москва ***

В фонтанчике кафельном полотенчиком вафельным

обтираю я ненаглядную невзирая на чувство стадное.

Мне и хочется, мне и колется – взять Наталию ниже талии.

Да красавица все жеманится. Раз – наклонится, два – оглянется.

Я и спиночку ей намыливал. И простыночкой вентилировал.

Моя кисонька смотрит искоса: «На, де, выкуси моих фикусов...»

Я – в прострации относительно ее грации восхитительной.

Словно сливки топленые ее губки бутонами

гладиолуса распускаются, спелым колосом наливаются.

Эх, была не была. В чем мать родила. Я с тобой, как в запой, ухожу с головой

в подводное погружение из природного побуждения.

8 октября 2008, Санкт-Петербург

ПОСЛАНЬИЦА

1 МАРКУ КЕСТЕЛЬБОЙМУ

С чередой лет объясни след не родных уст теплотой чувств.

Весна 1990, Казань

2 НАТАЛЬЕ АРСЕНЬЕВОЙ, ВМЕСТО ПРИЗНАНИЯ

Ι

Я помню чудное мгновенье, одно мгновенье, только миг, когда в порыве вдохновенья узрел я ваш прелестный лик.

Минуло чудное мгновенье, одно мгновенье, только миг. Минули грезы вдохновенья а, с ними, ваш прелестный лик.

Я помню чудное мгновенье, одно мгновенье, только миг. Я помню чары вдохновенья. Забыл лишь ваш прелестный лик.

29 октября 1996, Казань

П

Как хорошо, что мы друзья. Как славно, что любовной страстью не дышите ни вы, ни я а, только, наша плоть, отчасти.

Мы с вами словно брат с сестрой. Я не целую ваши руки. Как жаль что я не ваш герой. А вы мой идеал от скуки.

Не вы откроете ларец богатств моей души хрустальный. Не вы со мною под венец войдете в храм под звон венчальный.

Я, слава богу, вам не муж. Вы не жена мне, слава богу. Вам не к лицу семейный гуж: вы ангел или недотрога.

Не в силах вы понять меня. Не в силах я понять вас тоже. Мы никогда любви огня на брачном не узнаем ложе.

Я вам не пара. Пару слов хочу сказать в защиту вашу. Вы сотканы из кружевов а, я, из грубых слов, Наташа.

Пускай мне дела нет до вас. Пусть до меня вам нету дела. Как Бог неотделим от нас, мы с вами есть душа и тело.

Пусть не коснуться ваших уст других лобзавшие дотоле. Храни вас Бог порочных чувств и дай вам Бог любви юдоли.

4 ноября 1996, Казань

3 ДМИТРИЮ АЛЕКСЕЕВУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ты пришел в этот мир не коптить, а светить, чтобы избранным быть среди званых на пир.

3 февраля 2007, Москва

4 ДМИТРИЮ АЛЕКСЕЕВУ

Дерзай, грызи в пыли, в грязи гранит судьбы. В ней без борьбы, мой друг, никак не сделать шаг чтоб вознестись над жизнью ввысь. Где б в облаках звездой в лучах струился свет твоих побед.

13 марта 2007, Москва

5 ДМИТРИЮ АЛЕКСЕЕВУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Не беда что года мчатся вскачь, хоть ты плачь.

Свет звезды в облаках отражает в глазах все, что смог на пути ты своем обрести.

Да поможет нам Бог всем пройти сто дорог. То, что было, поверь, лишь в грядущее дверь.

Во всю прыть, во всю мочь надо жить, надо мочь!

3 февраля 2008, Москва

6 ДИМЕ + ЛЕНЕ = АЛЕКСЕЕВЫМ

Все блага как снега канут в ночь, сгинут прочь.

Все пройдет без следа тиной вод в невода.

Не грусти о былом на пути в вечный дом.

Свет светил горних сил — вот твой путь. Твоя суть.

В этом весь человек был и есть имярек.

21 февраля 2008, Москва

7 МАРКУ КЕСТЕЛЬБОЙМУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Дружище! Горе не беда, когда с тобой твои года как тройка взмыленных коней несут тебя к мечте твоей.

Дружище! Словно поезда промчалась юность в города, что нам не вспомнить, не вернуть, в бессмертье пролагая путь.

Дружище! Как в реке вода мы канем в Лету без следа. Все, что останется, песок деяний наших средь дорог.

Дружище! Глянь, твоя звезда взошла отныне навсегда! Чтобы венцом лучей шести светить в душе, гореть в пути.

25 февраля 2008, Москва

8 СЕРГЕЮ БАЛАШОВУ, С ДНЕМ РОЖДЕНЬИЦА!

Идут дела, бегут года. Мы вспоминаем иногда общагу, университет. Друзей, которых рядом нет.

Пускай седеет голова, но не состарятся слова, что я хочу произнести во славу твоего пути.

Да будет мир перед тобой благою освещен звездой. И полной мерой по тебе удач даровано в судъбе.

8 марта 2008, Москва

9 ИРИНЕ ГРИГОРЬЕВОЙ, С ПРАЗДНИКОМ 8-е МАРТА

Женский день, 8-е Марта. Ты сегодня как за партой. Надо Ритку уложить. Надо Витку ублажить. И про папу не забыть.

Помогай вам Бог избегать тревог. Чтобы деток смех радовал вас всех. Света и добра. Всей семье – ура!

8 марта 2008, Москва

10 ЛЕНЕ МЕЛЯШИНСКОЙ НА 8-е МАРТА

В теплоте слов, в красоте снов да хранит Бог твой мирок.

8 марта 2008, Москва

11 РЕЗЕДЕ МУХАМЕТЗЯНОВОЙ, ЧЕМПИОНКЕ МИРА ПО КАРАТЭ 2006 ГОДА

Только красавица может прославиться силою чувства в боевых искусствах.

13 марта 2008, Москва

12 ОЛЬГЕ

Ольга грустна как в небе луна. Как утром заря в «Гнезде глухаря». Не хочет кофе, не требует штофа. Не просит пива. Глядит сиротливо. Одна-одинешенька в мире заброшена. И держит дистанцию от песенок с танцами.

14 апреля 2008, Москва (Кафе «Гнездо глухаря»)

13 ДИМЕ И ЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВЫМ

Везения! Иначе – терпения, удачи.

9 мая 2008, Москва

> 14 ДИМЕ А.

Под солнышком по зернышку ищи свою удачу, как настоящий мачо.

9 мая 2008, Москва

> 15 ДИМЕ А.

Да свершится на нашем веку увидеть Жар-птицу в собственном соку.

16 ЛЕНЕ МЕЛЯШИНСКОЙ

Ах, Леночка!
Как пеночка
поешь ты под гитару.
Хоть я и дюже старый,
но слушаю мелодию, —
и мне семнадцать вроде бы.

9 мая 2008, Москва

17 ЛЕНЕ МЕЛЯШИНСКОЙ

Без воды я и без хлеба сотню лет готов прожить. Но речам своим хвалебным песням Лены, звездам в небе, я не в силах изменить.

18 КОСТЕ ГОЛУБЮ

Трудимся, работаем... Все маемся заботами.

Трудами альпинистскими, веревочками склизкими,

клюем себе по зернышку деньгу на майском солнышке.

Планида наша скромная, – высотная, не стремная.

Пройдем с тобой до пенсии в промальпинизме с песнями.

9 мая 2008, Москва

19 КОСТЕ ГОЛУБЮ

В майские праздники от Вити-проказника

промальпинисту и гитаристу Голубю Косте в творческом росте

благие литании без величия мании.

9 мая 2008, Москва

20 КОСТЕ ГОЛУБЮ

Сколько лет, сколько зим по веревочке скользим.

Альпинистская веревка нас связала как страховка.

Выручает Костя-друг как в породу вбитый крюк.

21 КОСТЕ ГОЛУБЮ

Рифмоплетство не скотство,

как попытка – не пытка,

внести в мироздание дар созидания.

9 мая 2008, Москва

22 РЕЗЕДЕ МУХАМЕТЗЯНОВОЙ, ЧЕМПИОНКЕ МИРА ПО КАРАТЭ 2006 ГОДА

Очарование и воспитание – прекрасные качества жить без трюкачества.

23 ЭЛЕОНОРЕ САЛЕЕВОЙ-КРАСНОЯРСКОЙ

Салют Универу! Привет биофаку! Эля – Forever!!! – как алые маки.

13 мая 2008, Москва

24 БОРИСУ БЕЛОВУ

Все крутимся, все вертимся. Бежим как на дистанции. В аэропорте встретимся чтоб разойтись на станции.

Делами и твореньями прославим вместе с древними наш мир, где победители не люди, а обители.

25 БОРИСУ БЕЛОВУ

Вся жизнь пройдет. Но только тот, кто не щадил себя и сил, достоин слов, а не венков.

14 мая 2008, Москва

26 БОРИСУ БЕЛОВУ

Только добрые дела примет вечность как крыла воспарившей в небо птицы, чтоб чрез тернии пробиться к свету звезд, сгорев дотла.

27 ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК

Стиха стихия – наша сила. Покуда кровь бушует в жилах, поэт живет сияньем звезд – дыханьем – горд, величьем – прост.

26 мая 2008, Москва

28 ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК

Наше племя задорное, поэтически-вздорное.

Мы сердца обнаженныя поверяем не женам, а

Деве таинственной – Музе единственной.

29 ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК

Предвечными дорогами с тобой ступаем в ногу мы без имени и отчества стихами к одиночеству.

29 мая 2008, Москва

30 ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Во снах и стихах опиши рай души – чар своих неземных.

15 июня 2008, Москва

31 ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК НА 8-е МАРТА

Ленок, дружок, капель в апрель все сны весны на миг, на час разбудит в нас. Прими мои дары любви, добра, мечты и красоты.

8 марта 2009, Санкт-Петербург

32 КСЕНИИ ПОЛТЕВОЙ НА 8-е МАРТА

Ксения!
Вместе с пением
во дни весенние – мечты
любви, тепла и красоты.
Покоя, воли и добра
многоголосья серебра.

8 марта 2009, Санкт-Петербург

33 СЕРГЕЮ БАЛАПІОВУ НА 40-ЛЕТИЕ

Все бегут и бегут облаками года. И, наверно, не врут, что уже – навсегда.

В чем-то схожа душа с этой вечной рекой в миг, когда не дыша обретает покой.

И от неба ключи, и от солнца лучи – все небес благодать нам впотьмах не плутать.

В сто дорог, в сто тревог пройден путь за спиной. Будь же милостив Бог – нам не нужен иной.

За любые дары, все посулы, блага, нам иные миры не нужны ни фига.

И да небом светил будет светел наш путь! Чаша дружеских сил да согреет нам грудь!

Чтобы радость в душе прибывала рекой, не найдя в барыше скопидомский покой.

И в свои 40 лет обратив взоры ввысь, мы поймем, что на свет еще раз родились.

9 марта 2009, Санкт-Петербург



СЕРЫЙ ВОЛК И КРАСНАЯ ШАПОЧКА

(НОВОГОДНЕЕ ШОУ В МАСКАХ И КРАСКАХ)

в 3-х частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ:

КРАСНАЯ - народная артистка

ШАПОЧКА Татарстана - ВИОЛЕТТА

СЕРЫЙ ВОЛК - великий артист всего

мира - ДЯДЯ ВИТЯ

ДЕД МОРОЗ - заслуженный деятель

искусств Нурлата и

Казани - СЕРГЕЙ

ЛИСИЧКА- - народная артистка

НЕВЕЛИЧКА Татарстана - АЛИНА

СЛЕДОПЫТ-ОХОТНИК,

ОН ЖЕ РЫЦАРЬ - заслуженный артист

ВЕРНАЯ РУКА Альметьевска и Казани - ИВАН

Действие происходит в лесу и в нетопленой избе Виолетты. В перерывах между исполнением арий герои представления разыгрывают сценки и монологи сообразно своей неистощимой фантазии.

Как взрослые, так и детки малые.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА (noem):

Новогодние игрушки, обезьянки и зверушки спят у Витки под подушкой, непоседы-хохотушки.

Дед Мороз с мешком подарков к нам спешит. Ему не жарко. И Снегурочка в запарке — задержалась в Зоопарке. Огоньки горят на елке. Спят пушистые иголки. А под елочкой без толка зайка бегает от Волка в треуголке и наколках.

К нам пожаловали в сказку дорогие гости в масках. С добрым словом, нежной лаской, удивленьем в детских глазках.

Проходите, не спешите и все сами поглядите.

СЕРЫЙ ВОЛК (плетется еле-еле и поет басом):

Я угрюмый Серый Волк. Я зубами щелк да щелк. В Красных Шапках знаю толк. Съел детишек целый полк. Съел малышек детский сад. Съел в лесу я всех зверят. Скушал белок и зайчат. Ем теперь я все подряд, даже то, что не едят.

Ем я хворост и ботву. Ем пожухлую траву. Ем зеленую листву словно чайную халву.

Истощал я, исхудал. В рот сосисочки не брал. Я ж ночей не досыпал, — Красну Шапочку искал да зайчаток поджидал.

А теперь – наоборот. Наступает Новый год. Если очень повезет – я набью себе живот. Съем из зайки бутерброд.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА (протестует и возмущается):

Серый Волк, Серый Волк, хоть сегодня б ты умолк. Не боюсь твоих угроз! Слышишь, едет Дед Мороз? С ним Снегурочка с косой, словно месяц, золотой. Белый конь летит стрелой. Колокольчик под дугой.

К нам спешит издалека Рыцарь – Верная Рука. Чтоб катился ты слегка, он намнет тебе бока. Убирайся – цел пока!

Он – Охотник. Глаз – алмаз. У него наметан глаз. Из двухстволки пару раз он пальнет хоть сей же час.

Подобру и поздорову убирайся в чащу снова. Чтобы духу твоего не слыхать ни от кого.

СЛЕДОПЫТ-ОХОТНИК, ОН ЖЕ РЫЦАРЬ ВЕРНАЯ РУКА (слышен его приближающийся голос):

Я Охотник из тайги. Средь метели и пурги не слышны мои шаги. Спят в лесу мои враги.

Только Серый Волк не спит. Потрошками все урчит. По тропиночке кружит нагулять свой аппетит.

Ох, уж выведу на свет я его коварный след! Серый Волк мне даст ответ, что он кушал на обед?

Следопыт я хоть куда. Проучу же навсегда сероглазого плутишку как мерещиться детишкам.

ЛИСИЧКА-НЕВЕЛИЧКА (пробегает на опушке):

Я Лисичка-Невеличка. Золотистая косичка. Я стройна собой как спичка. Я артистка и певичка.

Хохотунья и шалунья. Беззаботная певунья. Я не прочь на новолунье съесть цыпленка в сулугуне.

Я завидная плутовка. Для меня вся жизнь в обновках. При смекалке и сноровке проведу любого ловко.

Петушки на сельской ферме по утрам поют на нервах. Обожаю их безмерно в маринаде и консервах.

ДЕД МОРОЗ

(показывается на тройке из леса):

Я бывалый Дед Мороз. У меня румяный нос. Я подарки всем разнес и теперь пойду вразнос.

Всем подарочки нужны. Я объездил полстраны и протер себе штаны. А детишкам хоть бы хны.

Я на озере Байкал весь мешок конфет раздал. Со Снегуркой танцевал до упаду. Ох, устал!

Вот и шляюсь по гостям. Нынче – здесь, а завтра – там. Тут – сто грамм, и там – сто грамм я за Новый год поддам.

СНЕГУРОЧКА:

Я красавица Снегурка. У меня из меха куртка. Шита ладно, по фигурке. Дед Мороз шил как дочурке. Растоплю я взглядом льдинку. У меня во лбу снежинка как на праздничной картинке. Я спляшу на вечеринке вам калинку и малинку.

С нашим Дедушкой Морозом, не страшась зимы угрозы, привезли мы на обозе вам поделки из березы.

Папы, мамы и ребятки! Получайте шоколадки, мармеладки и помадки. А теперь пошли вприсядку.

(Гости идут вприсядку, включая Серого Волка. Все счастливы.)

KPACHAЯ ШАПОЧКА (исполняет у елки):

А у нашей елочки шубка вся с иголочки. Спит моя красавица. Сладко ей вздыхается.

Баю-бай, баю-бай. Огонечки зажигай!

И гирлянды и шары – все уснуло до поры. Собираются детишки почитать стихи из книжки.

Баю-бай, баю-бай. Новый год не прозевай! Вот часы двенадцать бьют. Гости радостно встают. Начинается веселье – Дед Мороз пришел к нам в келью.

Баю-бай, баю-бай. Сердце людям согревай!

(Веселится и ликует весь народ.)

Занавес

24 – 28 декабря 2006, Москва

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ (ПОЧТИ ПО ГОГОЛЮ)

Смотрят звездочки в окно. На дворе темным темно.

Где же месяц? – Не видать. Черт его за рожки – хвать!

Хлопцы песенки поют. Спать девчатам не дают.

Колядуют до утра. Замуж дивчинам пора.

Свет-Оксана то вздохнет, то к окошечку прильнет.

ПРИЧИТАНИЯ ОКСАНЫ

«Где ж Вакула, где кузнец? Где силач и молодец?»

«Только солнышко встает, милый в гости к нам идет.

Белы рученьки возьмет да тихонечко вздохнет.

Ничего не говорит. Все в глаза мои глядит. Я ж Вакуле вопреки говорю все пустяки.

Ах, Вакула, мой кузнец. Всем пригожий молодец.

Что ж дивчину под венец не ведешь ты наконец?

Я сама тому виной, что Вакула холостой.

Видит хлопец цельный год от ворот да поворот.

Ах, зачем же я сама кузнеца свела с ума?

На весь хутор отчего я ославила его?

Надсмехалась перед ним перед батюшкой своим.

Приходи Вакула в дом. Сядь с любимой под окном.

В очи милой погляди. Хмурить брови погоди.

Вмиг Оксана, маков цвет, приготовит вам обед.

Знойных плюшек напечет. Пирогов наперечет.

Да вареников горшок. Только кушай мой дружок.

Буду нежною женой я Вакуле день-деньской.

Буду, ласковая мать, деток в люлечках качать.

Ах, Вакула, мой кузнец. Я согласна под венец».

.....

Входит в горницу кузнец. Бъет поклоны удалец.

«Ах, Оксана, чернь-коса. Непокорная краса.

Ярок свет твоих очей. Сладок мед твоих речей.

Хочешь – милуй. Хошь – казни. Стань мне жинкой в эти дни».

Дева бровью повела, белу ручку подняла.

«Прочь из горницы моей лоботряс и дуралей!

Я тогда лишь под венец соберусь с тобой, кузнец,

коли сможешь отыскать мне черевячки подстать

государыне самой. Шитых золотом, парчой».

Опечаленный вельми, поклонился до земли

наш Вакула, сам не свой, и пошел к себе домой.

По дороге, черт-те что, — ковыляет черт в пальто.

И кузнец – вся недолга – хвать бесенка за рога.

«Отвези-ка, лысый черт, в Петербург как на курорт.

Предоставь меня к дворцу августейшему лицу.

Чтобы смог я наконец свесть Оксану под венец».

Кузнецам сам черт не брат. Вмиг рога укоротят. Бес за ухом почесах. Tопнух, свистнух u - nомчах!

Оседлав чертка верхом, правит Вакула хвостом.

Миновали полстраны, светом звезд озарены.

Hem России краше мест, что с небес видны окрест.

Город, светом залитой, пред Вакулой стал горой.

Весь дворец горит огнем словно месяц над крыльцом.

Онемел Вакула вмиг. На плечо повис язык.

Молвить может он едва для приветствия слова.

Тут велит царица-свет кузнецу держать ответ.

«Озаботил почему государыню саму?»

Хлопец в ножки ей упал. На духу все рассказал. Ничего не утаил. Что не ворог, не зоил.

Чтоб к венцу Оксану свесть, надо обувь ей принесть.

Да на царский чтоб манер подходил ее размер.

Разобрал царицу смех. А придворных – пуще всех.

«Я сама в любви грешна», — строго молвила она.

«С государевой ноги сшить по мерке сапоги!»

С царской милостью поднос парню двинули под нос.

Августейших от щедрот хлопец аж разинул рот.

И не мешкая, тотчас испарился с царских глаз.

Закусил черт удила да подался до села.

Глядь, Диканька над холмом. Парень к милой входит в дом. Пред возлюбленной своей в ноги падает скорей.

«Вот тебе заместо слов щедрость царских сундуков.

Черевячки из парчи, златотканой чесучи.

Ах, Оксана, свет очей! Будь супружницей моей.

Не томи, моя душа», – молвил хлопец не дыша.

И на утро все село в церковь суженых свело.

Чтобы радость да любовь молодую грели кровь.

Так любовь который год сердце девичье берет.

2 – 5 февраля 2008, Москва

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ ...

(НОВОГОДНЯЯ СКАЗОЧКА-РАССКАЗОЧКА)

Действие происходит во саду ли, в огороде (во садочке - на лужочке) семьи Григорьевых.

Некий странник прибывает из дальнего северного края (возможно, из культурного стольного града Санкт-Петербурга) в город Казань и видит чудесный садик, очень похожий на Райские кущи из сновидений.

Садик зело чуден своими красотами. Пышно зеленеют лужочки, по их склонам пестреют и благоухают дивные цветочки. Журчит серебряным колокольчиком ручеек. Тут и там на лужочке пасутся трепетные лани. В воздухе носятся небесные ласточки и порхают атласные бабочки. Слышится щебет редкостных птиц. И повсюду разливаются дивные благовония диковинных цветиков.

Среди всего этого райского видения взгляд путника приковывают два прелестных цветочка красоты не виданной и слыхом не слыханной. Путник, оторопев от сказочного видения, не дыша взирает на два редкостных цветика — Фиалочку и Маргаритку, которые чудным образом благоухают средь благолепия цветника. Придя в себя, странник пытается познакомиться с чудесами природы и, заодно, с садовниками сего вельми дивного палисадника.

Действующие лица и исполнители:

ФИАЛОЧКА - Виолетта Григорьева,

старшая сестренка

МАРГАРИТКА - Маргарита Григорьева,

ея младшенькая сестричка

MAMA- Ирина Григорьева,

мама, супруга садовника

ПАПА - Сергей Григорьев, отец семейства,

садовник и хозяин сего садика

ПУТНИК - Дядя Витя, странник, он же

Виктор Григорьев. Дядя - племяшкам,

свояк - Ирине, брат (старшой) отцу

семейства

ПУТНИК:

Что за сад – палисад? Дивны очи глядят.

Все как есть – маков цвет. Что ни цвет – то рассвет!

Эт куда ж я попал? Лепесточки – коралл. A бутоны – опах.

Яхонт цветики мои, украшенье всей семьи! Кто ж се чудо сотворил да цветочки насадил? Я ж поездил тут и там по заморским по краям. Но такой красоты вряд ли где свидишь ты. Расцветают во садочке диво-дивные цветочки. Красоты не виданной. Краем уха слыханной.

Ноготочки ясные. что ни есть прекрасные. Лютики рассветные взоры шлют приветные. Георгины страстные что рубины красные. От росы с туманами розы смотрят пьяными. Шелковисты лилии слезки все повылили. Незабудки синие полыхают инеем. Ирисы напраслиной строят глазки масляны. Ландыш в ожерелии что хмельное зелие. В локонах атласная свет-мимоза ясная. Россыпь колокольчиков зазвоните бойче-ка! В белые рубашечки вышиты ромашечки.

И куда неведомо подорожник бегает? Все поют, все светятся посветлее месяца.

Среди райского расцветья два небесные соцветья. Две жемчужины рассвета – Маргарита с Виолеттой. Что за ангельские глазки во причудливой раскраске? Шелковисты лепесточки. Бархатисты стебелечки. Ясны очи – Маргаритка – смотрит ангельски на Витку. Виолетта в хороводе с Маргариты глаз не сводит. Виолетта – свет очей – ярче солнышка лучей. Маргарита – мед речей – голосистей чем ручей. Так и кружат во садочке лепесточек к лепесточку. Маме песенку поют. Папе сказочку несут. Дяде Вите будет в радость тульский пряник, или сладость. Сколь не елось, не видалось. Перепало в детстве малость.

ФИАЛОЧКА:

Что за дивный цветочек Фиалочка, расцвела новогодним подарочком?

Во садочке лелеем цветочки мы. На лужочке пестрим лепесточками.

Виолетта, Фиалочка нежная. Украшение склонов заснеженных.

В декабре Виолетта рожденная. Не страшны ей бураны с циклонами.

Нипочем все морозы трескучие и ветра, на ночь глядя, плакучие.

Не боимся поземки-метелицы, что лебедушкой по двору стелется.

Во садочке прелестным растеньицем расцветаю всем на загляденьице.

Лепесточки мои шелковистые. А бутончиком – яхонт искристый я.

Лучезарным своим появлением создаю всем букет настроения.

МАМА – Ирина (держит на руках МАРГАРИТКУ):

Цветики-рассветики. Многая вам летики. Милые девчоночки, добрые сестреночки.

В колыбельке Ритка спит. Ясным солнышком глядит. Глаз не сводит вся семья – папа, Витка, Витя, я.

Маргариточка, проснись! Красным солнышком светись. Утро, божия роса, смотрит в детские глаза.

Мама квохчет день-деньской вместе с доченькой родной. Все по комнаткам кружит. Приголубит, пожурит.

Папа в рученьки возьмет. Добрым молодцем взметнет Маргаритку высоко. Да споймаети легко.

Витка песенки поет дни и ночи напролет. Заводные все, тотчас чтоб семья пустилась в пляс.

Дядя Витя не дыша только молвит: «Хороша Маргаритка, маков цвет. Как небесной зорьки свет».

ПАПА:

Ах вы, доченьки мои! Цветики душистые. Загляденье всей семьи. Светлые, пречистые. Радуется папенька. Веселится маменька. Свет над вашей спаленкой ранненький, румяненький.

Цветики-рассветики. Всей семьи приветики. Светик наша Виточка. Цветик-Маргариточка.

Две девчоночки – плясуньи. Две сестреночки – певуньи. Маме с папой радостно от мелодий сладостных.

Расцветают во садочке два возлюбленных цветочка. Лепесточек Виточка да бутончик Риточка.

Золотое солнышко выглянет подсолнушком. Смотрит с лаской Риточке. Строит глазки Виточке.

ПАПА

(приносит и подает Виолетте открытку):

Получите Витка с Риткой новогоднюю открытку.

Из далека-далека, Петербурга-городка. Что там пишут? Вот те на! Здравствуй, Новый год – страна!

НОВОГОДНЕЕ (НА 2009 ГОД) ПОСЛАНЬИЦЕ СЕМЬЕ ГРИГОРЬЕВЫХ: ВИТОЧКЕ, РИТОЧКЕ, МАМЕ, ПАПЕ ОТ ДЯДИ ВИТИ

С Новым годом, с Новым годом. Праздник скоро у народа.

В Петербурге и в Казани. В Туле, Пензе и Рязани.

Вы – казанские ребята. Вам подарочки до хаты

Дед Мороз везет из леса. По-татарски – ни бельмеса.

Переводчица – Снегурка. Ходит в норковой тужурке.

Говорит на всех наречьях. Зажигает как картечью.

Торжество стоит в природе. Все сойдутся в хороводе.

И лисички – хлопотуньи. С ними белки – попрыгуньи.

Оленятки – плясуны. Медвежатки – топтуны.

И зайчатки – брехуны, да бобрятки – грызуны.

К ним слетятся божьи птички. Сойки, дятлы и синички.

Будут радоваться все словно белки в колесе.

К вам из города Петрова дядя Витя едет «скорым».

С поздравленьями, стихами, новогодними речами.

В предстоящий Новый год всем нам очень повезет.

Грузовик прибудет счастья. Взрослым – радость. Детям – сласти.

ПУТНИК – дядя Витя:

Вот он – я! Весь – тут как тут. Там всегда, где меня ждут.

17 - 24 декабря 2008, Санкт - Петербург

ПЛЕМЯШКИНЫ ВИРШИ

ПЛЕМЯНІКЕ ВИТОЧКЕ

Как у нашей Виточки подросли улиточки.

Забодали рожками, застучали ножками.

Виточка опешила. Тумаков навешала.

Рассказала папочке. Он прихлопнул тапочкой.

Обратилась к мамочке. Маме все до лампочки.

А бабуле с дедою некогда – обедают.

Плачет наша Виточка. «Где мой дядя Витечка?

Без него не сможем мы справиться с негожими.

Мучают нас с мамою ракушки упрямые.

Произносят гадости. Поедают сладости. Ползают по комнате. Говорят нам: «Полноте!»

На Симону искоса смотрят с пальм и фикусов.

Только дядя Витечка даст ремня улиточкам».

Из Москвы – красавицы, что валютой славится,

дядя Витя собственно прибыл в чувствах родственных.

И теперь улиточки перед нашей Виточкой

строятся по ниточке, ползают на цыпочках.

8 августа - 27 ноября 2006, Москва

ПЛЕМЯШКЕ ВИТОЧКЕ

Дорогой племяннице, Виточке – жеманнице,

в День ее рождения шлю я поздравления.

Пожелаю только пять на уроках получать.

Я желаю сотен пять от папани принимать.

Пожелание опять с мамой в споры не встревать.

Я желаю ни на пядь от мечты не отступать.

Пожелаю вскользь и вспять слов на ветер не бросать.

Если это знать на ять – будешь жить и припевать.

Если станешь вспоминать дядю Витю – ставлю пять!

Поздравляю Виточку от души открыточкой.

27 ноября 2006, Москва

ПЛЕМЯЩКЕ ВИТОЧКЕ

Виолетта, Виолетта, – ни ответа, ни привета.

Хоть открыточку черкните для родного дяди Вити.

Отпишите мне стихами, или добрыми словами, –

телеграммку, письмецо, на открыточке словцо, —

как живется вам в Казани? Книг прочитанных названье?

Про отметки ваши в школе. Кто вас дразнит поневоле?

Кто вас дернул за косичку на уроке по привычке?

Что рисуете в тетрадках? Как танцуете «вприсядку»?

Что смотрели с папой, с мамой в новогодние программы?

По каким таким законам Лолка мучает Симону? Обо всем, но понемногу. Понарошку, или строго.

Дядя Витя в нетерпеньи вам черкнет стихотворенье.

8 января 2007, Москва

ДЕНЬРОЖДЕНЧЕСКАЯ ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ДОРОГОЙ ПЛЕМЯШЕЧКЕ

Плачет наша Виточка: «Где мой дядя Витечка?

Дорогой племяшечке купит он тельняшечку.

Купит распашоночку махонькой девчоночке.

Кофточки и платьица, что ночами снятся ей.

Юбочки, колготочки шаровары, лодочки.

Туфельки с застежками, пряжки с босоножками».

Плачет, плачет Виточка: «Где же, где мой Витечка?

Кто пришлет стихотворенье Виолетте в День рожденья?»

Кто у нашей Виолетты лучший друг зимой и летом?

Дядя Витя! - тут как тут, словно праздничный салют.

Шлет племяшке письмецо как пасхальное яйцо.

«Я желаю в этот день веселиться, сколь не лень.

Чтобы твой задорный смех сердце радовал у всех.

Только света и добра – как Афонская гора!

Я желаю всей душой быть единственной такой,

дорогая Виолетта, — слаще меда, краше лета!»

8 – 9 декабря 2007, Москва

ПЛЕМЯШКЕ ВИТОЧКЕ

Как копилочка душа только дружбой хороша. Согревает вновь и вновь сердце вечная любовь.

Погляди на небеса. Дождик – божия роса – плачет только об одном. Вся земля – наш добрый дом.

Как на праздник детвора в школу тянется с утра. Узнавая день-деньской о стране своей родной.

Мама, папа, вся семья – это родина твоя. Реки, горы и моря. Не сиди за партой зря.

Станешь взрослым ты, дружок. Не забудь простой урок. Где б ты ни был, нет святей сердца родины твоей.

20 февраля 2008, Москва

МОИМ ДРАГОЦЕННЫМ ПЛЕМЯШЕЧКАМ НА 8-е МАРТА

Ах, мои девчоночки! Нежные сестреночки, чудные ребеночки.

Крохотульки-скромницы, красотульки-томницы, непоседы-школьницы.

Цветики весенние, светики осенние в утро воскресения.

Ой, мои племяшечки. Соловейки-пташечки в пестреньких рубашечках. Лапушки-проказницы. Дяде Вите праздники что со мной вы дразнитесь.

Ласковые деточки, сладкие конфеточки Рита с Виолетточкой.

Риточка и Виточка! Ходит как по ниточке перед вами Витечка.

Поздравляю Риточку, поздравляю Виточку письмецом-открыточкой.

ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ

Дай вам Бог здоровьица. Никогда не ссориться. Жить в любви как горлицам.

8 марта 2008, Москва

МАСЛЕНИЧНЫЕ ЧАСТУШКИ ДЛЯ ВИТОЧКИ

Как на масляной неделе всласть оладушек поели. Мы на праздник всей семьей закатили пир горой.

На меду оладушки как у нашей бабушки. Со сметанкою блины по рецептам старины.

Ели-пили, пили-ели. Вместе с мамой песни пели. С папой польку танцевали до упаду, ох, устали!

1 апреля 2008, Москва

МОИМ ДРАГОЦЕННЫМ ПЛЕМЯШЕЧКАМ ВИТОЧКЕ И РИТОЧКЕ

1

Не будьте упрямы с папой и мамой. Растите, светите и радуйте Витю.

2

Будьте столько радостны, сколько будьте счастливы. Пусть под небом благостным не видать ненастья вам.

14 мая 2008, Москва

ЗДРАВИЦА ВЕЛИЧАЛЬНАЯ АНГЕЛЬСКОМУ ЦВЕТОЧКУ ПЛЕМЯШЕЧКЕ МАРГАРИТОЧКЕ НА ОДНОЛЕТИЕ ОТ ДЯДИ ВИТИ

Соловейки-пташечки ах, звенят, звенят. Славят нашу Риточку, спать ей не велят.

Солнышко небесное ах, горит, горит. Светит в глазки Риточке, спати не велит.

Просыпайся Риточка, аленький цветок. Годик нашей Риточке, славненький годок.

Пчелочки медовые ах, жужжат, жужжат. Величают Риточку, с медом к ней спешат.

Цветики-рассветики радостно поют. Поздравляют Риточку, баю не дают.

Зазвенела Риточка звонче соловья. Годик как на цыпочках ходит вся семья. Мама, папа, Виточка ножками топ-топ вместе с Маргариточкой водят хоровод.

Жмурит глазки Риточка, ангельский цветок. Дарит всем улыбочку словно лепесток.

Светлую молитвочку ангелы творят. «Славься Маргариточка! – наш цветущий сад.

Рита, Маргариточка – всех жемчужин цвет. Словно на открыточке ясной зорьки свет.

Ладушки-оладушки. Баюшки-баю. У Христа за пазушкой сладких снов в Раю».

18 - 25 сентября 2008, Санкт-Петербург

ДОРОГОЙ ПЛЕМЯШЕЧКЕ ЦВЕТИКУ ВИОЛЕТТЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОТ ДЯДИ ВИТИ

Фиалочка душистая в садочке расцвела. И солнышко лучистое поет ей: «Тра – ла – ла».

С Днем рожденья, с Днем рожденья, наша Виолетта. С Днем рожденья, с Днем рожденья наш цветочек света.

Фиалка расцветающая, сердце, душу греющая, светом взгляд ласкающая, добрым людям верящая.

С Днем рожденья, с Днем рожденья цветик Виолетта. С Днем рожденья, сотворенья лепесток рассвета.

И ласточки небесные, и бабочки атласные мелодию прелестную поют цветочку ясному.

ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ

С Днем рожденья, с Днем рожденья, радость Виолетта. Светлых дней, как воскресенье. Многая Вам Лета.

9 декабря 2008, Санкт-Петербург

ЦВЕТИКУ МАРГАРИТКЕ НА 8-е МАРТА

Маргариточка – цветок в ясный солнечный денек расправляет на бочок к лепесточку лепесток. В семь ключей звенят ручьи. В семь свечей горят лучи над тобою, мой дружок, Puma – ангельский цветок. Ясных солнышка лучей светлой спаленке твоей.

8 марта 2009, Санкт-Петербург

ДРАГОЦЕННЫМ ПЛЕМЯШЕЧКАМ ВИТОЧКЕ И РИТОЧКЕ

Дай Бог деткам, Маргаритке и Виолетке, светлого неба, душистого хлеба.

2009, Санкт-Петербург

ТРЫН-ТРАВА

Что посеешь, то и пожнешь. Пословица

ТРЫН-ТРАВА

 $1990 - 2010 \ z$.

1

На родину обратно поезжай. Давно пора. Да кто особо ждет? Живая ни одна не подойдет душа приветить запросто. Пускай...

1990, Казань

2

Особняком на пахоте стога. На поле воронье клубится сажей.

Осень 1992, Нурлат

3

В ночном лесу ночной костер. В кружок собравшиеся люди ведут неспешный разговор о том, что было, есть и будет.

1 апреля 1995, Нурлат

4

Уходят в вечность корабли, влекомые безбрежным морем. В бесплодных поисках земли с стихией неспокойной споря.

Середина 1990-х г., Казань

5 НА СМЕРТЬ ИОСИФА БРОДСКОГО

Поэта жизнь есть всепрощенье. Поэта смерть есть правота к грядущим дням по отношенью, коль душу Бог вложил в уста.

3 февраля 1996, Казань

6 ПОСВЯЩАЕТСЯ ЗООСТАНЦИИ КГУ

Здесь тишина, покой и нега. Рыбалка, ввечеру уха...

Не слышно шума городского. Нет места спешке, суете. Природа есть вещей основа в своей безгрешной наготе.

Июнь 1998, Зоостанция КГУ (Дачная)

7

Отсюда Грозный брал Казань. Отсюда русские доспехи всей татарве явили длань неукротимого успеха.

1990-е годы, Казань

Звезда полуночи трепещет тщедушным тельцем мотылька.

26 января 2001, Казань

9

Постарели мои старики. Отшумели года – исполины. Нету горше на сердце тоски, чем увидеть родные седины.

18 февраля 2001, Казань

10

Восьмая комната с утра. С похмелья на душе тоскливо. Берешь с собою два ведра и в «Стрелку» двигаешь за пивом.

24 февраля 2001, Казань

Замуж тетя Беся снова собралась. С неким политесом получилась связь.

1 марта 2001, Казань

12

Душа тоскует не любя, ведь не любить она не может.

17 ноября 2001, Нурлат

13

В часы нетленного заката люблю без устали бродить по улочкам твоим мощатым, где отстоялась жизни прыть.

17 января 2002, Санкт-Петербург

По кабакам, по кабакам несут меня дороги в хлам. Упившись вусмерть, до зари считать я буду фонари.

И не одной в пути-дороге в любви признаюсь недотроге. Пускай ты ангел или бес, пускай ты в юбке или без...

8 мая 2002, Казань

15

Я служу другому ремеслу – избранных провиденьем к числу.

Май 2002, Казань

16

Все суета и спешка, все мишура и блеф. Жизнь выпадает решкой, а, чаще, – дамой треф.

19 июня 2002, Казань

У вод летейских Летний сад вместил в себя всю меру мира, чтоб сонмом мраморных наяд воспетым быть чрез звуки лиры.

6 августа 2002, Казань

18

В нашем планетарии в прошлом пролетарии нынче стали звездами, заработав пездами.

Пой, гуляй моя страна. Проститутки и шпана. Все мы вместе заодно здесь хозяева давно.

Чистим, чистим перышки. Пустим, пустим кровушку.

13 февраля 2003, Нурлат

Вся жизнь в Казани — это сон. Подумать только, был влюблен и я когда-то. Все прошло. Травой забвенья поросло.

18 марта 2003, Нурлат

20

Невезуха и непруха – бракодельница судьба – оплеуху мне по уху: «Изживай в себе раба».

25 апреля 2003, Казань

21

Тишь да гладь. Мышь да вошь. Кто-то, блядь, точит нож.

28 апреля 2003, Казань

Я в долгах, как в шелках. Денег нет. Всюду – крах. Я сижу на бобах.

За жизнь, которую веду, ее величество беду – хочу к суду!

3 марта - 5 мая 2003, Нурлат

23

Вся жизнь моя – брусничная вода. С кислинкою, с горчинкой, нелюдима. Осеннею листвою на года легла печаль в душе неутолимой.

От мира вдалеке я бедовал и воздухом ворованным дышал.

5 мая 2003, Казань

24

Отшумели года. Поседели власа. Мне не быть молодым. Не слышны за бутылкой друзей голоса. Все исчезло как дым.

2 июня 2003, Казань

Сколько лет потеряно, сколько лет загублено. Как в бору серебряном все стволы порублены.

Где ты, моя молодость? Где вы, ночи резвые? В голоде и холоде напролет нетрезвые?

11 июня 2003, Казань

26

Все музеи и столицы обошел с цветком в петлице.

26 июня 2003, Казань

27

Что это было? Жизнь не жизнь? Все девяностые в запое. Химера? Тяжкий сон? Трюизм? Душа и мысли в разнобое.

3 июля 2003, Нурлат

Есть божество. Нет вдохновенья. Нет сил зевоту побороть. Не стоит йоты сожаленья дряхлеющая мира плоть.

13 июля 2003, Казань

29

Тоска, тоска, ты в меру мира прямая речь моей души, под неусыпным оком лиры стихи творящая в тиши.

Тоска сродни живому слову, что замирает на устах, нерукотворный Спас Рублева узрев на липовых досках.

13 августа 2003, Казань

30

Так выпьем, друзья, за сосновый наш бор. За лунную в небе дорожку. Хрустальные чаши марийских озер и пьяное утро в морошке.

30 сентября 2003, Казань

Поэзия не терпит предрассудков при пустеньких карманах и желудках.

9 октября 2003, Казань

32

Над часовыми поясами Стожары внемлют небесам намоленными голосами в единосущный божий храм.

Все это было не однажды и повторится тыщи раз: духовною томимый жаждой спасается чрез божий глас.

Слова текут, впадая в Лету. Но остается ремесло. Душа – удилище поэта. Его кормило и весло.

23 ноября 2003, Казань

Мы будем жить на берегу незамерзающей реки.

Декабрь 2003, Казань

34

Лучшие года ушли в никуда.

8 января 2004, Нурлат

35

Дай мне, Боже, в году новом избавленья от скверны слова.

Январь 2004, Нурлат

Безвременье сгубило водкой нас.

...

Все помыслы, поэзия, тебе мной поверялись денно и полночно. В глаза судъбе на ставке очной.

23 февраля 2004, Казань

37

Знакомства нашего на склоне, душевным мукам вопреки, возникла ты на небосклоне как исцеленье от тоски.

16 мая 2004, Москва

38

Над околицей месяц колется. Добрым молодцам не до сна. По метелице стелькой стелятся к красным девицам вполпьяна.

По Москве с рюкзаком, в голове с ветерком, на высотную нашу работу я спешу налегке по пустынной реке одолевшей столицу дремоты. А кругом — красота. Теплых дней маета...

31 июля 2004, Москва

39

Филя Коров мочит коры над семейством Пугачевых.

Май 2004, Москва

40

Сколько мне бродить по свету без копейки за душой? То – в Самаре за монетой. То – в Норильске за деньгой.

21 июня 2004, Москва

Заграница мне не снится Заграница – вот она! Жизнерадостные лица, а родного – ни хрена.

Мы с тобою, заграница, словно месяц и звезда, — одного полета птицы, но из разного гнезда.

28 июня 2004 - 14 сентября 2008, Москва - Санкт-Петербург

42

Россия, грусть моя, тоска, — что кельи гробовой доска.

17 июля 2004, Нурлат

А в чистом поле кабак да неволя на бедовую мою долю.

31 июля 2004, Москва

45

НУРЛАТ

Провинциальный городок, каких сто тысяч по России, меня от смерти уберег в алкоголической стихии.

Июль 2004, Москва

ПЕСЕНКА НИМФЕТКИ

Забыла, когда девочкой была. Забыла, как пешком под стол ходила. По всей Тверской я по рукам прошла. Со всем Арбатом хоровод кружила.

А в Москве – красота. На Тверской – суета. Как мехами торгуют натурой. Пару сотен за час, и получишь атас за любовную нашу халтуру.

Раскосые и хищные глаза достались мне от маменьки в наследство. Сбежал папашка, что моя слеза к валютной продавщице по соседству.

3 августа 2004, Москва

Стойкий запах анаши – петербургский груз души.

4 ноября 2004, Санкт-Петербург

48

Проходные дворы Петербурга как бессонные ночи хирурга. Достоевского слезы и кровь. Мармеладовой Сони любовь.

7 ноября 2004, Москва

49

Хороша эта ночь, хороша. Вся в сиянии лунного света. К небесам воспаряет душа заплутавшего в думах поэта.

8 ноября 2004, Москва

От пьяной спячки пробудясь, очнулся я с пустым карманом. Моя с бутылкой водки связь окутана хмельным туманом.

20 января 2005, Казань

51

Душа моя, рыбалка. И вдоль и поперек с бамбуковою палкой исхожен бережок.

22 января 2005, Москва

52

«Что в вымени тебе моем?» – спросила примадонна Галкина...

1 февраля 2005, Москва

«Беру с собой я пистолет и финку для ручной работы. Есть божий суд. А, если, – нет, то есть закон морской пехоты».

1 февраля 2005, Москва

54

Где-то ходит человек-чудак. Все ему не эдак и не так.

1 февраля 2005, Москва

55

Проза жизни – роза жизни – до чего ж ты холодна. Над болезною отчизной расползается война.

19 февраля 2005, Москва

Как рано сердце поседело, как поздно ожила душа.

1 февраля 2005, Москва

57

Никакой суеты. Все по распорядку. Были б яйца круты, а никак не всмятку.

28 марта 2005, Москва

58

Крушенье жизненных основ рождает кризис оптимизма, усиленный алкоголизмом от сотворения миров.

21 апреля 2005, Москва

«Братан, – он мне сказал, – в натуре бывает член в комендатуре. Не верь, не бойся, не проси... Есть только Бог на небеси».

2 мая 2005, Москва

60

В бронетанковые латы облачись, чтоб жить в Москве. Ниц престольная пред златом распростерлась в СКВ *.

Евро, доллары и фунты стерлинги, ебена мать, — вся финансовая хунта в воровскую вышла рать.

^{*} СКВ – свободно конвертируемая вальта

Москва — сегодня, завтра — Питер. Вот так и жизнь твоя пройдет, при свете станционных литер пред вечностью разинув рот.

2 мая 2005, Москва

62

Как память, Боже, мне избыть? Моих деяний мертвечину в твоих очах не утаить пути земного на средине?

2 мая 2005, Москва

63

Мне жить хотелось как и все, но чем-то большим быть при этом. Увы! на внешней полосе дороги путь лежит поэта.

Мне где-то не хватило сил. А где-то, расплескал с избытком...

Обожествляй свое столетье, чтоб парой сотен лет спустя классических искусств соцветье произвело на свет дитя.

3 мая 2005, Москва

65

Конец изящной перспективы. Все трын-травою поросло. Стоят в воспоминаньях дивы и чаровницы наголо.

3 мая 2005, Москва

66

Мы целовались на рассвете до полного забвенья сил. Самонадеянно, как дети, истомы утоляя пыл.

И прозревали батальоны от вспышек шквального огня на сопках безымянных склонов. За скобки вывел Бог меня.

9 мая 2005, Москва

68

Светлы как ночи Петербурга поэтов души над Невой...

15 мая 2005, Москва

69

Нет, не тебя так страстно я любил, а образ твой в полночных сновиденьях...

Сквозит во всем дешевизна – в деяньях, в помыслах, в кручине...

24 мая 2005, Москва

71

Душа как вьючная обуза в заоблачную рвется высь...

29 мая 2005, Москва

72

Слова ложились словно пули на груди выжженных холмов...

26 июня 2005, Москва

Я возвращался с дружеской попойки. А поутру проснулся в женской койке...

30 июня 2005, Москва

74

Пусть образ твой меня обманет – я сам обманываться рад...

10 июля 2005, Москва

75

Загулял я вчера, загулял.
Просыпаюсь – глаза васильковые и Венеры Милосской овал подают мне стакан с пепси-колою

31 июля 2005, Москва

Когда в карманах денег нету – куда податься жрать поэту?

2 сентября 2005, Москва

77

Согласно представлению о жизни холостой – по щучьему велению я ухожу в запой.

26 сентября 2005, Москва

78

Ни хвастовства, ни спеси, – в глазах немой укор по городам и весям носил он как топор.

17 октября 2005, Москва

Сегодня выпал первый снег и на душе похорошело...

19 октября 2005, Москва

80

Покуда Муза на сносях – не дышится, не пишется...

26 октября 2005, Москва

81

Благодать небесная, не покинь меня. Силушки телесные дай в исходе дня.

9 декабря 2005, Москва

Рассыпчатость, крупитчатость, слоистость – вот русской речи остов и мясистость.

17 декабря 2005, Москва

83

Не подохнуть с голоду, не опухнуть с холоду...

20 декабря 2005, Москва

84

Зашибают нынче бабки теща с кумом, дедка с бабкой.

Куролесят, будь здоров, чтоб не выпасть из портков.

23 декабря 2005, Москва

Тени молчат, отзываются камни...

23 декабря 2005, Москва

86

Без денег жизнь не удалась. С деньгами – кит. Без денег – язь.

26 декабря 2005, Москва

87

Я книжный червь, бумажная душа. Не звякает в карманах ни гроша.

26 декабря 2005, Москва

Минуя стадию запоя, не обретешь в душе покоя, не наживешь себе добра, не скопишь злата-серебра.

5 января 2006, Москва

89

В те дни на рынке торгаши по шкаликам плескали водку и обмывали барыши, продажную разинув глотку.

И я вертелся среди них, классический забросив стих.

23 января 2006, Москва

90

Жили-были дед да баба на бобах да на ухабах.

Репу парили зимой. Самогон бежал слезой.

18 февраля 2006, Москва

Шлюхи прыгают в кроватки. Кто за бабки, кто за взятки. В потных пальчиках мулатки тают словно шоколадки.

Педерасты в Ламборджини весь эфир заполонили.

Мертвецы плывут по рекам крови в двадцать первом веке, обращая к небу веки – кто придумал человека?

Упыри поют народу элегические оды о божественной природе демократии свободы.

18 февраля 2006, Москва

92

В ситуации критической, нулевой, катастрофической, близкой к апокалипсической — не горюй!

18 февраля 2006, Москва

Как из рога изобилия плещет на людей идиллия.

Будто манна то небесная стала трапезой воскресною.

21 февраля 2006, Москва

94

Так давно уже дома я не был, что спешу воротиться в наш дом, чтоб наесться пшеничного хлеба, с мамой чаю напиться вдвоем.

22 февраля 2006, Москва

95

РАЗГОВОР КНИГОТОРГОВЦА С ХРИСТОПРОДАВЦЕМ

Христопродавец:

Вот мы и встретились, издатель. Ну что, каков теперь писатель?

Глашатай совести, бунтарь, страдать способный за сухарь?

Все также резов его нрав при виде попиранья прав?

Книготорговец:

Увы! Не купишь, не продашь товар душевный даш на даш.

С душой и совестью развод – народ болеет за живот.

Писатель сутки напролет страдает только за доход.

Читатель слушает на бис с телеэкрана мыльный визг.

Душа и совесть как товар пошли кормиться на базар.

28 февраля 2006, Москва

96

Намедни я пришел с покоса, стакан сивухи засосал. Мы можем гнать из купороса первач что божия роса.

Залез на Дуню. Мне не спится. И так, и сяк... А тяги нет. Дуняша ерзает телицей взбодрить поникший шпингалет.

9 марта 2006, Москва

97

Все, что было-не было, поросло быльем.
Только я все небылью шляюсь бобылем.

10 марта 2006, Москва

98

Метро Сокольники. С утра свекольники под видом дворников метут листву.

С Центральной Азии состав с оказией орду чумазую привез в Москву.

И те соколики бритьем «под нолики», как трудоголики, стригут братву.

10 марта 2006, Москва

99

Всюду деньги, кровь и тьма. Лихоманка-кутерьма. Вся Россия как тюрьма.

Человека не видать. Это божья благодать обратила время вспять.

31 марта 2006, Москва

100

Садовым кольцом окольцованный...

10 апреля 2006, Москва

101

Жизнь пошла направо, мысль пошла налево...

10 апреля 2006, Москва

Тряхнем стариной, чтобы бросило в дрожь от дури хмельной на кабацкий нож.

12 апреля 2006, Москва

103

Человек уходит в никуда, обрывая с жизнью провода. 14 апреля 2006, Москва

104

БАЙКИ-БАЛАЛАЙКИ

Вы живите, как хотите. А я буду водку пить. При джигите и бандите надо денюжки копить.

17 апреля 2006, Москва

В жизни все бывает – горе и беда. Тихой свечкой тают за спиной года.

21 апреля 2006, Москва

106

Дождь льет как из ведра – прости, прощай. Я буду до утра пить крепкий чай.

И думать о тебе как о судьбе.

Как музыка небес звучит капель. И золота на вес души купель.

17 мая 2006, Москва

107

Проходит год, проходит два. Моя седеет голова. Былое теплится свечой и тает на глазах слезой.

Я часто думал по ночам, что ты – мой ангел, я – твой храм, который был доселе пуст без твоего дыханья уст.

Я жизнью мало дорожил в которой до тебя я жил. Мне было на роду дано увидеть пьяной жизни дно.

18 мая 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

108

Все, что я могу, вспомнить о тебе – воротник в снегу и глаза в мольбе.

1 июня 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

109

О человеческих страстях романы пишутся в частях.

11 июня 2006, Холодная Речка, Абхазия (Ботанический сад)

А мне бы водочки стакан. А мне бы рубликов карман – махнуть в шикарный ресторан, где пляшут девочки кан-кан.

21 июня 2006, Москва

111

Душу вкладывая в рост, нахватаюсь с неба звезд.

Одиночество – мой друг, ты мое пожатье рук.

Ты – печаль моя в ночи при огарочке свечи.

26 июля 2006, Москва

112

Ночные посиделочки с листочками стихов как на деревне спевочки до первых петухов.

8 августа 2006, Москва

ПЛЕМЯШЕЧКЕ

Как у нашей Виолетты истопталися штиблеты.

Ни в Самаре, ни в Казани, ни в Москве и ни в Рязани

нет других таких штиблет. Плачет Виточка, мой свет.

Не ходить же с ветерком в минус двадцать босиком.

8 августа 2006, Москва

114

СОБУТЫЛЬНИКАМ

Как рано вы меня похоронили. А было время – хлеб и кров делили. Из одного стакана спирт глушили. Но юности свечу мы затушили.

12 августа 2006, Москва

В жизни «задом наперед» что-то мало мне везет. Кабы долларов карман, – я б объездил кучу стран.

28 августа 2006, Москва

116

Девяностые года словно мутная вода.

29 августа 2006, Москва

117

Уходит время драгоценное. А жизнь на месте – топ да топ. Приходят мысли сокровенные: сегодня – жив, а завтра – в гроб.

И зажурчат ручьи весенние на улочках не для тебя. И снова будут петь Есенина, хмельную юность возлюбя.

18 сентября 2006, Москва

И в новый, двадцать первый век, я просто русский человек.

Сегодня славно быть хохлом, татарином иль пермяком.

Душою русской назовешь себя – погибнешь не за грош.

Прощай – великая страна! Салют – кремлевская шпана!

Сыны масонские творят в России бесовской обряд.

19 сентября 2006, Москва

119

Надо жить согласно кодексу уголовного – без комплексов.

По закону демократии – к человеку без симпатии.

20 сентября 2006, Москва

Деньки стоят погожие, как девочки пригожие.

Осиновые талии – за вас идут баталии.

По доброму завидую окрестностям Завидово.

22 сентября 2006, Москва

121

Не к добру наживаем добро. Отольется слезой серебро.

Сребролюбие ныне в чести. Но останется пепел в горсти.

24 сентября 2006, Москва

122

Благодарю за хлеб и соль. За беспробудный алкоголь, дарующий на сердце боль.

Благодарю за час ночной, челом застывший над строкой с неопалимою свечой.

Благодарю за небеса, в которых пели голоса чисты как божия роса.

10 октября 2006, Москва

123

Не могу понять – в чем дело? Мир несется обалдело

по ухабам, под откос. Но никто не скажет: «SOS»!

11 октября 2006, Москва

124

Говорит без устали милая моя. Проживает в Суздале вся ее семья.

Речи дефективные. На одно лицо братья детективные выйдут на крыльцо. Токмо глянув искоса, спросят: «Как зовут?» Золотыми фиксами в челюстях сверкнут.

11 октября 2006, Москва

125

Человек уходит в никуда. Человек уходит под дождем. Все, что было, – талая вода. Все, что будет, – мерзлый водоем.

Отыграла музыка дождя. Отбродило юности вино...

13 октября 2006, Москва

126

Я любил людей, как брат. Я хвалил людей, как сват. Кто же в этом виноват, что я был придурковат?

Все, что нужно в этой жизни – посвятить себя отчизне. Остальное – трын-трава. Дело – все. Ничто – слова.

16 октября 2006, Москва

128

Я слышу голоса, которых нет. Я вижу в их глазах нездешний свет.

Я помню имена моей любви, когда клялись друг другу на крови.

Я помню сокровенные слова. Их разметала по свету молва.

22 октября 2006, Москва

129

Только тьма и мир вещей занимают в жизни сей все сознание людей.

Мыслительный процесс куда-то вдруг исчез. И понеслась душа по кабакам греша.

6 ноября 2006, Москва

131

Кабы денег мне – будет жизнь вполне. Кабы денег тьма – жизнь была б весьма.

9 ноября 2006, Москва

132

Словно гаснет свеча на ветру, словно лист опадает осенний, я безмолвно однажды умру и отправлюсь в небесные сени.

Все двери спозараночку открыты в кабаки. И я возьму тальяночку, и выпью вопреки

корыстным наставлениям супружницы моей, что: «Пьянство - преступление законченых бомжей».

«Э, не скажи сударушка любезная моя.

здесь вся моя семья».

12 ноября 2006, Москва

134

Мне не нравится подход что мне в жизни не везет. Одиночество всегда благодатная звезда.

Попить чайку, вперяя взгляд в душевный ад, как гвоздь в доску.

Глотая боль моих невзгод, я шел как скот на алкоголь.

За темнотой кромешных лет пылится след души больной.

21 ноября 2006, Москва

136

Огонечки-огоньки. Мне ли чахнуть от тоски?

Ой вы, рублики, рубли. Паруса в морской дали.

Когда мне стукнет сорок лет, я повидать отправлюсь свет.

27 ноября 2006, Москва

138

Как хорошо бродить по вечерам и проклинать былые прегрешенья...

7 декабря 2006, Москва

139

Из глубины сознания как дымка мироздания всплывают обладания небесные создания.

Закурю я сигарету, выпью рюмочку вина. И пойду искать по свету в чем души моей вина?

8 декабря 2006, Москва

141

А жизнь бежит, а жизнь течет. И кровь кипит который год.

9 декабря 2006, Москва

142

Стишок проглянет как опенок среди листвы. Придаст силенок.

Сыпал снег и все живое стало царствием покоя,

невесомых белых кружев красотой обезоружив.

21 декабря 2006, Москва

144

Напевала песню дева у раскидистого древа.

Опечалила кручиной дева красную калину.

21 декабря 2006, Москва

145

Я сам такой же, только хуже, чем отраженье в грязной луже, когда берусь критиковать людей в их «бога—душу-мать».

Как-то раз на сеновале мы с милашкой ночевали.

Ну, никак не блазнится на любовь проказница.

Во грехе, во блуде ли, в ступе ли, в сосуде ли...

23 декабря 2006, Москва

147

Когда весь мир у твоих ног лежит как кирзовый сапог, ты, прежде чем его обуть, портянку не забудь свернуть.

25 декабря 2006, Москва

148

Стабфонд в Америке. Жиды в истерике. А мы на береге глотаем пыль.

Расправьте плечи, старики. Зажгите свечи, ветераны.

...

и ваши боевые раны.

27 декабря 2006, Москва

150

Он пришел издалека. Он подсел у костерка. Он лишь искоса взглянул на полночный караул.

Руки вытянул к огню и опять ушел во тьму.

28 декабря 2006, Москва

151

Год закончился ничем. Денег – нет. Как нет проблем. Заклинаю – надо жить! Новый мир в себе творить.

Без песенного лада – никуда. Пускай звучат рулады – навсегда.

6 января 2007, Москва

153

Когда весь мир во все глаза по нисхожденью благодати взор устремит на образа, покинув брачные кровати,

когда весь мир сойдет на нет – одно лишь Слово явит свет. И окрестит его святитель. И осенит его Спаситель.

9 января 2007, Москва

154

Весь вечер и весь день дурачиться не лень девчонкам и мальчишкам, забросив в парты книжки.

11 января 2007, Москва

Тоска вселенского масштаба. Вся жизнь кюветы и ухабы. Пора в кабак. Пора по бабам. Пора, то бишь, по баобабам.

16 января 2007, Москва

156

Вся жизнь – обман. Мираж. Туман. Махнешь стакан, и жизнь – канкан.

16 января 2007, Москва

157

«И скучно, и грустно...» Печатно и устно. И постно, и пусто когда нет «капусты».

16 января 2007, Москва

Вся жизнь – оптический обман. Смотри на жизнь через стакан. Тогда и люди, и предметы предстанут в ореоле света.

16 января 2007, Москва

159

Все мы где-то пародисты, акробаты и артисты. Кто-то в большей, кто-то в меньшей, — лицедействуем для женщин.

22 января 2007, Москва

160

Стихов критичесая масса есть признак красноречья асса. Но если асс – в культуре пас, то он в стихах «халиф на час».

26 января 2007, Москва

Мы живем в потемках – горе не беда. Стелются поземкой годы в никуда.

Бренные пожитки забубенных лет...

17 февраля 2007, Москва

162

Есть в природе часы, не часы – состояния, что колеблют весы всех основ мироздания.

9 марта 2007, Москва

163

Два одиноких существа, в которых больше естества, чем мыслей о самих себе, уз предначертанных в судьбе.

9 марта 2007, Москва

Проливают сто грамм мне на сердце бальзам, дабы спиртом слеза окропила глаза.

10 марта 2007, Москва

165

Босяки, бродяги – ушлая братва.

10 марта 2007, Москва

166

Я людям отдал все сполна за чашу мутную вина.

Я первым поднимал стакан за лицемерных уст обман.

12 марта 2007, Москва

НА ИЗДЫХАНИЕ ЕЛЬЦИНА

Сдох жиденок и масон. Демократы бьют поклон фарисейскому мессии и растлителю России.

Патриарх опал челом. Президент увял мурлом. Все кремлевские масоны провожают в путь патрона.

Что ни кремлядь, то – масон. Все из ленинских колонн коммуняки-партократы окрестились в демократы.

25 апреля 2007, Москва

168

Душа моя, хворобушка, болезная душа. Нахохлилась воробушком и смотришь не дыша.

12 июня 2007, Москва

Есть в природе крик души в час полуночной тиши. И тогда ночной порой на луну хоть волком вой.

6 августа 2007, Москва

170

Пьяночки-гуляночки. Запойная душа. Не звенит в карманчиках. На водку ни гроша.

Дружбаны-касатики с похмелья тут как тут. Страждущему братику сто грамм всегда нальют.

Ни забот и ни хлопот. Кто-нибудь всегда нальет. Надо жить играючи. Лучше – припеваючи.

8 августа 2007, Москва

Кляни превратности судьбы. Гони тугу печаль в гробы.

11 августа 2007, Москва

172

Наивный человечек жил был и не тужил. Не ставил Богу свечек — сам небеса коптил.

12 августа 2007, Москва

173

Душа ты моя, окаянная. Бедовая доля моя.

12 августа 2007, Москва

Жизнь хороша и без гроша, когда душа пьяна с ковша.

18 августа 2007, Москва

175

Без денег человек вполне осознает себя в говне – не на коне, а на волне.

Без денег жизнь самообман. Житейской истины стакан вкусить не даст пустой карман.

Без денег жизнь погружена в трясину черную вина, чтоб исчерпать себя до дна.

Без денег жизнь болит тоской пророческой, как смертный вой.

Без денег жизнь горит звездой кромешной, волчьей, кочевой.

Без денег жизнь коптит свечой и тает на глазах слезой.

18 августа 2007, Москва

Я почитаю вам стихи, в плоть облеченные грехи. Пока вы дуете вино, швырнув окурочек в окно.

18 октября 2007, Москва

177

На исходе сил журавлиных крыл

На семи ветрах журавлиный клин заключил в сердца родину осин.

18 октября 2007, Москва

178

Людмиле Васильевне Максаковой

Зачарованной птицей на подмостках судьбы бьется сердце певицы, как в силках ворожбы.

2007, Москва

Жизнь как во сне. Что ты приснилась мне? В красках заката, в ласках раската и золотом огне.

14 марта 2008, Москва

180

Что душа и что плоть? – знаем я да Господь.

22 марта 2008, Москва

181

Средь застывших теней отпрыск певчих кровей, все торопишься жить – петь, дышать и любить.

Это чьи-то глаза прорасли в образа корневищами слов из молитвенных снов.

И глядят на тебя певчих уст возлюбя...

17 апреля 2008, Москва

Тебя встречают в лимузинах во фрак одетые мужчины. И открывает дверь дворецкий всех кабаков замоскворецких.

Ах, Маша, Машенька! Теперь не с нашими парнями водочку ты хлещешь лодочкой.

5 июня 2008, Санкт-Петербург

183

Поцелуи, поцелуи раздаются тут и там. Словно с неба аллилуйя благоволит по утрам.

Преподносит нам сюрпризы что ни день прекрасный пол.

15 июня 2008, Москва

Блондинки, брюнетки. Шатенки – кокетки. Нам с вами по дороге, красотки-недотроги.

26 июля 2008, Санкт-Петербург

185

О, тоска! О, хвороба! Не жена, не зазноба. Мы с тобою повенчаны как с брюхатою женщиной.

Мы плетемся вне времени из босяцкого племени непутевых создания в хвосте мироздания.

7 сентября 2008, Санкт-Петербург

186

Холостяцкие байки у квартирной хозяйки под бутылочку водки травим стопка за стопкой.

8 сентября 2008, Санкт-Петербург

Как можно быть не пьющим? Да при такой работе?

Жена, как барракуда, с утра до ночи пилит. «Ты, – говорит, – паскуда, решайся: или-или?..

Семья, работа, дача по выходным у тещи».

9 сентября 2008, Санкт-Петербург

188

И звонит звонарь, и косит косарь. И течет рекой все, как было встарь.

10 сентября 2008, Санкт-Петербург

189

И пройдет опечаленный путник млечной тропой, волочась за отъявленной вороватой клюкой.

10 сентября 2008, Санкт-Петербург

Сердце хочет рапсодии, прочит душу мелодии.

15 сентября 2008, Санкт-Петербург

191

Забудем наши распри. Простим долги друг другу.

19 октября 2008, Санкт-Петербург

192

Мы, Петербург, одних кровей. Клюем себе по зернышку росу на майском солнышке.

19 октября 2008, Санкт-Петербург

193

Светлы очи во мне пребывают на дне и потемках души, огоньком хороши.

4 ноября 2008, Санкт- Петербург

Рыщет сердце горячее в закоулках души словно око незрячее в беспросветной глуши.

Отрекаясь от истины, отрешаясь от бед...

13 ноября 2008, Санкт-Петербург

195

Ночка моя, ноченька, светлая душа. Дай напиться, доченька, с божьего ковша.

30 ноября 2008, Санкт-Петербург

196

Ночь моя, дочь моя, черноокая.

1 декабря 2008, Санкт-Петербург

Не будучи искренним – не улыбнешься. Не будучи выспренним – не рассмеешься.

И только две истины...

3 декабря 2008, Санкт-Петербург

198

В радости ли, в горе ли и в муке ли, крякаем мы, хмыкаем и хрюкаем.глюками с гиками, и гаками, и хлюпами.

4 декабря 2008, Санкт-Петербург

199

Темнота на душе и в колодце двора. Пустота в неглиже входит в гости с утра.

4 декабря 2008, Санкт-Петербург

Полыхни мне зрачком, всполоши светлячком. Чтобы в душу запал глаз прекрасных опал.

5 декабря 2008, Санкт-Петербург

201

Жизнь забавами полна. Смотрит полная луна, как одесская шпана выметает банк до дна.

5 декабря 2008, Санкт-Петербург

202

Завтра будем ворошить, ворошить.

В тыщи глаз в тыщах верст, в тысячу чертей мне мигает, полыхает небосвод очей.

5 декабря 2008, Санкт-Петербург

204

Или сдохнуть, иль запеть про себя, вполголоса.

5 декабря 2008, Санкт-Петербург

205

Невмоготу и не под силу ноша, которую несу, пока не брошу.

Дыхание спирает против ветра, что хочется залечь в грунт на два метра.

За грехи мои тяжкие, речи в бреду, за дела мои скорбные, с ночи в беду, ниспошли мне Господь утоленья отдушину, что не впрок сбыл свой срок

6 декабря 2008, Санкт-Петербург

207

Человек человеку не ворог, не ворон. Не выклюет глаз и на печень не скор он.

6 декабря 2008, Санкт-Петербург

208

Ангел света и тьмы не слагает крыла...

Ни сердца, ни уста не колеблют твой слух...

Отыграло вино. Отрезвилася кровь. Ягодой волчьей не вскинется бровь.

Выпь поет на болотах...

7 декабря 2008, Санкт-Петербург

210

Вставай кулема, жизнь проспишь! Вытачивай, выкучивай, вышучивай растрачивай, выкруживай, выщучивай...

12 декабря 2008, Санкт-Петербург

211

Небеса, небеса! Это божья роса теплит нам очеса.

Есть – слова и слова. Как крапива – молва и хула – полова.

В изголовьи свеча как уста горяча у родного плеча.

О юность, как же ты светла была со мною и тепла! Как два лебяжия крыла свечу держали у чела.

О юность, ты была права в своем неведеньи
Твои напутствия слова седая теплит голова.
Как, юность, ты была добра со мной: «Ни пуха, ни пера!»
Да, юность, ты была бедна.
Все ж, юность, ты была строга. И два армейских сапога топтали об ногу нога вширь байконурские луга.

И ноша моя легка. Божья под облака незримо ведет рука.

Мой ангел всегда со мной, в час утренний и ночной.

Штиблеты не износить.

Подметки не уходить.

Мне соколом не парить. И лебедем мне не плыть. Синицей гнезда не вить.

Касаткою не витать...

10 января 2009, Санкт-Петербург

214

Жизнь проходит очень странно. Утром — поздно. Ночью — рано.

Я глазам своим не верю – почтальон стоит за дверью.

Зорькой за оконной рамой получаю телеграмму.

«Получите, распишитесь. Утро божье не проспите».

10 января 2009, Санкт-Петербург

215

Прядь смоляных волос в гуще кофейных кос словно букет из роз, или ноктюрн из рос.

 Λ илии на плече...

24 января 2009, Санкт-Петербург

216

Честнягу и чекиста, скромнягу, атеиста, премировали на море путевочкой от лагеря.

25 января 2009, Санкт-Петербург

Забухали – ладно. Загуляли – видно такова планида у животных стадных.

Не кусай дружочек ты свой локоточек. Не кляни судьбину за свою кручину.

Дюже разудалый...

13 февраля 2009, Санкт-Петербург

218

На дремучей версте, на лихой бересте, ворон ворону сказ говорил без прикрас.

19 февраля 2009, Санкт-Петербург

219

Расправь мои седины. Разгладь мои морщины.

9 мая 2009, Москва

Выпил, запил и запел. От натуги аж вспотел. Мой родной репертуар – самогон и самовар.

9 июня 2009, Санкт-Петербург

221

Блажен рожденный в Петербурге, как светлоокая душа.

19 июня 2009, Санкт-Петербург

222

Чаша жизни полна, полна. Как прибоем волна, волна. И слезой солона горьких дум пелена.

Не оставляй меня, любимая. Не покидай меня, родимая. Не забывай меня, родная. неистовая, дорогая.

Еще не все пропеты песенки и не охожены все лесенки.

3 июля 2009, Москва

224

Надо быть прямым, как гвоздь. Надо быть стальным, как дождь.

Надо песенки писать. Надо лесенки считать.

Плакать истово, навзрыд, – ежли вся душа болит.

Повилика с поволокой — диво девы черноокой.

Мне нужна работа до седъмого пота. Мне б охапку денег словно банный веник.

Я сижу без дела, разминаю тело. Мне не много надо. Труд – моя отрада.

Денюжки мне в радость. Изобилья кладезь. Пачка ассигнаций лучше Лиги наций.

9 июля 2009, Москва

226

Вся жизнь – запорота. Я на два города существование веду сознания.

И с деньгами – голяк. И с работой – напряг. Мне же, чудику, чудится – все хорошее сбудется.

Телевизор – окно в паровое оно.
Только мне как-то верится – эта нечисть изменится.

Перемелится, переменится...

12 июля 2009, Москва

228

Ветренница школьница – ветряная мельница. Дворовая вольница даровой изменницы.

13 июля 2009, Москва

229

Распоясолося во лесу зверье числом несметное.

Не грусти, дорогая, про себя у окошка.

И певуньи стрекозы, на щеках догорая, обращаются в слезы благодатного Рая.

14 июля 2009, Москва

231

Растрепалась ты моя головушка. Истаскалась ты моя обновушка.

18 июля 2009, Москва

232

Это были упоительные ночи. От веселья становились дни короче.

Это были удивительные встречи. Это были умилительные речи. Это были ослепительные плечи.

Камеристки и хористки, *артистки.*

19 июля 2009, Москва

234

Я сама не своя. Во хмелю голова. Мне родная семья что сорняк-полова.

25 июля 2009, Москва

235

ПИСЬМО А.С. ПУШКИНУ

Александр Сергеевич, здравствуйте. Жизнь не заладилась, свадьба не сладилась.

Закатилась ты моя головушка
раньше времени, как песня у соловушка.
Обветшала, оскудела, пригорюнилась.
О былом ли невеселом призадумалась.
Поседела
Облетела
И неведомое смутной думой чудится,
словно ясеню в осеннюю распутицу.
Истрепалась, износилась
27 июля 2009,
Москва

237

Любовь, любовь, что ты делаешь с нами?

Разверзлися хляби небесные. Поверглися воды отвесные.

27 июля 2009, Москва

239

31 июля 2009, Москва

240

Отвлекает сознанье от проблем мирозданья недостаток питанья.

17 августа 2009, Москва

В представителей закона ходит по уши влюбленный весь прекрасный женский пол.

Без ума от униформы...

21 августа 2009, Москва

242

Tы – в Петербурге. Я – в Москве.

21 августа 2009, Москва

243

Под звездой голубой вечер стих над рекой. Даже ветер впотьмах задремал в камышах.

Как во сне, в глубине, звезды гаснут на дне.

От небесных огней стало взору светлей, как с любимой моей было сердцу теплей.

22 августа 2009, Москва

Затрепавши до дыр свой походный мундир, капитан без прикрас отдает свой приказ.

22 августа 2009, Москва

245

Это было петербургскою весной. На Фонтанке повстречались мы с тобой.

22 августа 2009, Москва

246

Запоздалой петербургскою весной на Фонтанке попрощались мы с тобой.

В поднебесьи, как на выпасе стада, облаков клубилась тучная гряда.

23 августа 2009, Москва

Сердце сердцем живет. Сила к силе идет. Радость к благости льнет как закат и восход.

24 августа 2009, Москва

248

Закури Беломор и в дощатый забор невеселый свой взор опрокинь как топор.

И тебе невдомек, как свинцовый дымок входит пулей в висок, разорвав мозжечок.

Как невес влагодать
полной грудью вдыхать

Всюду люди живут. Чтут и совесть и труд. Светлых душ изумруд среди шлаков и руд.

17 сентября 2009, Москва

Дорогая! Ты – другая. Как святая и родная красота и простота.

19 сентября 2009, Москва

250

Он был с законом не в ладах. Он жил с людьми как на ножах. А в кабаках, да, в кабаках, глушил он совесть, а не страх.

Он был опасный человек.	
Он обуздать сумел свой вет	С.

Он был по жизни вертопрах. Он бил наотмашь второпях. И в кабаках, да, в кабаках, он пил и плакал при свечах.

20 сентября 2009, Москва

Пускай – коряво. Нехай – слащаво. Иной раз – въедливо. Другой – приветливо, стиха кореженье по гладкой роже мне.

Душа не слышится пока не дышится.

27 сентября 2009, Москва

252

Грубоватые манеры. Мысли – задом наперед. Не знакомо чувство меры...

9 октября 2009, Санкт-Петербург

253

В спорной агрессии, в черной рецессии, – не унывай.

9 октября 2009, Санкт-Петербург

Все думы о себе, родном. Нет бы подумать о былом.

14 октября 2009, Санкт-Петербург

255

Хоть еще не пьян, ты глядишь в стакан. Без гроша в кармане, с головой в тумане.

11-14 октября 2009, Санкт-Петербург

256

Потливость, сонливость и малость ленивость, — вот три составляющих для праздно гуляющих.

Ежели толику дать алкоголику...

21 октября 2009, Санкт-Петербург

А дождичек накрапывает. А мозжечок посапывает.

24 октября 2009, Санкт-Петербург

258

Мы вагоны разгрузили. На горбу перетащили тьму мешочков, эх, с песочком. С придыханьем, отдыханьем, тыщу ящиков заказчику.

В перекурах балагуры...

26 октября 2009, Санкт-Петербург

Что ни день, то – шедевр. Что ни ночь, то – маневр. То – находит беда. То – восходит звезда.

Ты, конечно, не первый прожигаешь на нервах свою жизнь на ветрах на семи, – вертопрах.

Невечерний мой свет, пронеслись сорок лет по ухабам в кювет. Денег – нет, счастья – нет.

Вразнобой, вкривь и вкось, вся судьба под откос.

6 ноября 2009, Санкт-Петербург

260

Во что бы то ни стало, связать концы с началом.

Не надо пъедестала, – найти б большое в малом.

6 ноября 2009, Санкт-Петербург

Все скрипит и скрипит рулевое весло. Кормчий спьяну сипит: «Эк, тебя занесло!

Ты и впрямь, дуралей, в голове без затей, коль душа без соплей да язык без костей».

27 декабря 2009, Санкт-Петербург

262

У высотников – спешка. Скоро сдача объекта. Не орел и не решка – а, запарка субъекта.

Улыбнись, трудоголик, до конвульсий, до колик.

В перекрестье дорог весь мой полк занемог. Занедужила, вша, восковая душа.

13 января 2010, Санкт-Петербург

264

Облетают дремучие рощи. Облекаются в траур леса. И селений нетленные мощи осеняют дождем небеса.

Не грусти о минувшем, не надо. придут времена. прохлада имена.

Не твое это было жилье.

17 января 2010, Санкт-Петербург

Спасибо, мой друг, за нелепость. Спасибо, мой ангел, за труд, души не осилившей крепость, как чистой воды изумруд.

Пребуду с тобою до века я сердцем своим обручен.

19 января 2010, Санкт-Петербург

266

Не торопи события. Вся жизнь начнется сызнова. По вере, по наитию счастливцев избранных.

Трусцой к стихосложению. Рысцой к бытописанию.

19 января 2010, Санкт-Петербург

Десять тысяч – и свет появился в оконце.
Двадцать тысяч – и нет
Тридцать тысяч – сюжет
Сорок тысяч – рассвет за полярьем чухонца.
Полста тысяч –
Шесть десятков –
Семь по десять –
Восемьдесять
Девяносто –
Сотня тысяч –
4 февраля 2010, Санкт-Петербург

Злыдня и сводня, куды ты сегодня намылилась, тля, забавы все для?

7 февраля 2010, Санкт-Петербург

269

Плещет в сваи вода. Хлещут стаей года. Погоди, не спеши, загляни в глубь души.

У причала баркас...

10 февраля 2010, Санкт-Петербург

270

Это было со мной. Это будет с тобой, словно позавчера у ночного костра. Не садись отдохнуть, пролагая свой путь сквозь потемки души потаенной глуши.

11 февраля 2010, Санкт-Петербург

Было счастье, да прошло. Вспоминать не надо. На пригорке то село отрада.

И купанье в летний зной с берега обрыва...

19 февраля 2010, Санкт-Петербург

272

Радость наверняка ждет тебя за углом, смотрит исподтишка за соседним окном.

Дорогие мои...

23 февраля 2010, Санкт-Петербург

Приличная работа, отличные друзья. Не теплится забота о том, чего нельзя.

Не надо слов на ветер. Все это шелуха...

28 февраля 2010, Санкт-Петербург

274

Давно пора, давно пора тугу печаль гнать со двора.

17 марта 2010, Санкт-Петербург

275

А где-то музыка звенит, звенит. А где-то музыка поет, поет. И песнь в заносчивый зенит свершает мысленный полет.

И поминутно хлещут струи хлипцой весеннего дождя, как с губ ночные поцелуи резвятся, душу бередя.

3 апреля 2010, Санкт-Петербург

По ночному Петербургу...

12 апреля 2010, Санкт-Петербург

277

По Восстания, по Восстания поспешаю как на свидание на работу без опоздания, шествуя по расписанию.

28 апреля 2010, Санкт-Петербург

Отравленным воздухом дышим. Источник отравленный пьем. И жизнь, что дарована свыше, отъявленной жизнью зовем.

3 мая 2010, Санкт-Петербург

279

Если вы спросите, осенью с просинью тучи и с проседью.

5 мая 2010, Санкт-Петербург

280

Все давно устаканилось. Чаша жизни полна. И душа затуманилась от вины без вина.

Жил не праведно, скаредно. Будто не жил совсем.

9 мая 2010, Санкт-Петербург

Были молоды. Мыли золото. И делили его на троих.

13 мая 2010, Санкт-Петербург

282

Сорок и один год. Уже не мало. До сих пор один с проблеском седин вместо пьедестала.

Сорока как нет. Единицы тоже. Высохший скелет с кожею на роже.

Сорок не полста. Единица с боку...

16 мая 2010, Санкт-Петербург

Гляжу в твое окошечко, где ты свернулась кошечкой на плюшевом диванчике, вдыхая одуванчики.

И все-то мне не можется...

14 июня 2010, Санкт-Петербург

284

Десять тысяч раз прав тот, кто шел вслед за мной, – стеклодув, костоправ, не храбрец, не герой.

Кто не лез на рожон. Человек, не пижон...

Не вступал в жаркий спор за кусок пирога, полемический вздор...

30 июня 2010, Санкт-Петербург

Встал вопрос дня на повестку остро. «За пятнистых, душегубец, аль за пестрых?»

Не возьму я в толк, граждане, хоть убейте. (С похмелюги хоть «боржому» мне налейте.)

1 июля 2010, Санкт-Петербург

286

До сентября, до сентября прощаемся, авось, не зря.

2 июля 2010, Санкт-Петербург

287

Давайте потопаем, в ладоши похлопаем. А ежели надобно – стакан лимонаду нам.

Сегодня мы веселы. Мир тесен без песенок.

6 июля 2010, Санкт-Петербург

Резвились мы как дети малые на ферме с кровлей обветшалою.

10 июля 2010, Санкт-Петербург

289

Море не ждет. Море зовет.

10 июля 2010, Санкт-Петербург

290

Все в добром здравии в кают-компании. От славных песен мирок наш тесен.

Гуляет вьюга в гостях у друга...

Кто я и кто ты? Королева мечты.

11 июля 2010, Санкт-Петербург

292

Не вышел ростом? Не все так просто. Давайте, братцы, разбираться.

11 июля 2010, Санкт-Петербург

293

Березки да клены, клены да березки на сопках и кленах...

Окуклились твои глаза. Его величество слеза скатилась, как по мостовой, усекновенной головой.

Стояла осень на дворе. Все человеки в сентябре ложатся в спячку...

Проулки скрадывала тьма. И в проходных дворах зима подслеповатых фонарей пройдох не видела бровей.

12 июля 2010, Санкт-Петербург

295

Во светлице моей негде яблоку пасть. Аж душа соловьем заливается. Други пьют и поют. Гости кушают всласть. И золовка с кумой потешаются.

ПЕСЕНКА СТАРАТЕЛЯ

Как в серебряны копи ступала нога человека, бежавшего с-под батога.

От людишек, страстишек бежал человек. Без вина и картишек закончить свой век.

Чтобы сдохнуть свободным...

Глинобитные домики, мазанки, ичельники...

25 июля 2010, Санкт-Петербург

297

Мимо кителей в сливу, мимо личностей в штатском, мимо френчей с отливом и мундиров не братских.

Ты проходишь все мимо, ото всех нелюдимо.

Я все время куда-то спешил. Вспарывал брюхо текучке буден. Чудил с алкоголем. Шибко судил. Зело полагая, что я не подсуден.

Тормошил время и вкривь, и вкось...

28 июля 2010, Санкт-Петербург

299

Нервно чиркает спичка и скользит по лицу.

30 июля 2010, Санкт-Петербург

300

Навсегда, навсегда в ночь бегут поезда. Только ты никуда в поздний час не спешишь. В даль куда-то глядишь. Нервно куришь, молчишь.

Провожая друзей по сезону дождей...

Мальчишки играют в «солдатики». Девчонки играют в «классики».

30 июля 2010, Санкт-Петербург

302

Только тронь ветвь души, - закачается.

4 августа 2010, Санкт-Петербург

303

Когда идет дождь, дорогая не спит и в окошко глядит. Когда идет дождь.

Дождь в окошко стучит и о чем-то грустит.

8 августа 2010, Санкт-Петербург

С надеждой робкой, затаенной, глядел я на тебя, влюбленный.

25 августа 2010, Санкт-Петербург

305

Во имя живущих грядущих веков, и ныне всех сущих...

25 октября 2010, Санкт-Петербург

306

Задерни занавеску, сыми трусы в полоску. И лифчик одним махом сымай через рубаху.

Мы малость помилуемся, на старость побалуемся.

Отличная работа, приличные друзья. У всех одна забота, – как выбиться в князья.

Был уличной шпаною. А ныне – джентльмен...

1 ноября 2010, Санкт-Петербург

308

Эй, вы, там!

Не курящие и не пьющие. Вперед смотрящие, задом идущие.

1 ноября 2010, Санкт-Петербург

309

Не грехи, а страстишки. Не дела, а делишки. Не стихи, а мыслишки.

Отцветает закат, алым вышитый плат. Зацветает рассвет, талым выжатый плед.

Восемнадцати лет я любил этот сад.

11 ноября 2010, Санкт-Петербург

311

Небеса благосклонны к чистым сердцем влюбленным.

11 ноября 2010, Санкт-Петербург

312

Куда ушло тепло родного дома? Где мой очаг, где б угли не погасли? Где вьюга шерудит в хлеву соломой, скулит дворняга, покидая ясли.

«Сынок, – я слышу голос воспаленный. – Садись за стол...»

«Дверь в отдельный кабинет?» – завсегда пожалуйста. Ваших сбоку наших нет. На судьбу не жалуйся.

14 ноября 2010, Санкт-Петербург

314

Враскоряку, враскосяк время тикает: тик-так. И вразнос идет, вразброс. Поцелует коль, – взасос.

17 ноября 2010, Санкт-Петербург

315

Звезды падают на изголовие сна.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДНЕВНИК Λ ИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ 2008 ГОДА

1

В Петербурге жара. Люди маятся скукою. Не сомкнуть до утра глаз, налившихся мукою.

Белой ночи дурман, словно доза снотворного, погружает в туман бытия иллюзорного.

Петербургский фантом как дыхание вечности...

5 июня 2008

2

Говорю вам пророчество от лица одиночества – отголосок сознания из глубин мироздания.

И разверзнутся воды, и откроется мгла. И исчезнут народы как песок – без числа.

23 июля 2008

Продлись мое очарованье любовью, сущей мирозданью. Во всем, что дышит и живет, есть свет божественных щедрот.

30 августа 2008

4

Страсти томление, духа смятение – жизнь есть горение от вдохновения.

Включай фантазию – Европа-Азия. Пиши, пиши. Топи критически в стихе лирическом порыв души.

Не много надобно для воплей жалобных — ямб да хорей. Вся жизнь пред вечностью в своей беспечности есть песнь страстей.

За катаклизмами процессов жизненных и желчь в крови твори в гармонии души симфонию своей любви.

11 сентября 2008

6

Ах, мать-перемать... Никого не видать. Вид живого лица словно тень мертвеца.

Горьких дум пелена как печаль солона,

что слезою вот-вот в семь ручьев заревет.

11 - 12 сентября 2008

7

Все дожди и дожди. Перемены не жди. У природы свои грозовые бои.

Я в колодец двора утыкаю свой взор, будто есть в нем дыра иль бухарский узор. Ничего. Пустота. Как лица красота дорогого тебе по минувшей судьбе.

Пропадешь не за грош – не продашь даш на даш.

12 сентября 2008

9

Без стиха – не житье. Без строки – колотье и в висках, и в боку. Где ты, сердце, ку-ку?

От строки – вдохновенье. От стиха – потрясенье всех житейских основ.

Хоть язык на засов – нет ни мыслей, ни слов.

Влечение, борение, сомнение, смятение есть плоть и кровь.

Свет и любовь – моление, боление, радение, терпение.

13 сентября 2008

11

Ускоритель сознания как основа познания есть предмет созидания твоего мироздания.

13 сентября 2008

12

Прострочи пулеметной шлеей беспросветную жизнь за спиной и на бруствер лицом упади от сквозного раненья в груди.

Никого не слушаю, ничего не кушаю. Жду стихов.

Тают белы ноченьки, бают светлы оченьки тайну слов.

24 сентября 2008

14

Грехам моим покрышка, заслонка и задвижка — не пухлая сберкнижка, а светлые мыслишки в деяньях и делишках, рифмованных письмишком.

Дождь льет и льет. Не бережет

попутчиков, лазутчиков,

распутников в лоскутниках,

красавицу во здравьице.

Все на одно лицо давно

похожие прохожие.

Запахнуты на вахтенных

воротнички в колоснички,

подрясники в атласники,

подгузники в рейтузники,

воланчики в розанчики, околышки по горлышко.

Под зонтиком афронтиком

милиция по лицам их

свинчаточкой в перчаточке разводит: «Кто здесь конь в пальто?»

24 сентября 2008

16

Распахнутые настежь лица давно преданий небылицы.

Теперь все будки на засов задвинуты без лишних слов.

Поздравляю себя.
Никого не любя
дотянул до седин.
Рубероид морщин
замостил все чело.
Без костей помело
в червоточинах ржи
от распаренной лжи.
В Летний сад воротясь,
на скамью взгромоздясь, —
осеняет, что — влип
в мед желтеющих лип.

24 сентября 2008, Летний сад

18

Все сперва – поклонение божеству вожделения. А потом – охлаждение и тоска несварения.

И любовь после голода не спасает от холода.

1 октября 2008

Хорошо вечерком нам с тобою вдвоем коротать под хмельком жизнь с токайским вином.

Я в грустинке шучу. Подношу горячу к твоей челке свечу со словами: «Хочу...»

И в худые глаза, что согрела лоза, протекает слеза откровенья: «Я - за...

то, что б заняли мы из душевной сумы друг у друга взаймы теплоты до зимы».

4 октября 2008

20

Тишина за окном заступает в мой дом дорогим пришлецом с близоруким лицом.

14 октября 2008

Я умру поутру

не лежа на ложе,

не стоя у аналоя,

не сидя в болиде,

не скорбя за себя,

не в злобе по судъбе,

не реясь на рее,

не парясь на нарах.

Как свеча горяча

я умру на ветру.

Октябрь 2008

Незабудковый свет ваших глаз как рассвет – отменяющий тьму мирозданью всему!

25 ноября 2008

23

Я дожил до сроков сорока сорока. Колокольный мой звон лег в лебяжий затон.

Лег и не затонул. Словно клин полыхнул на заре лебедей перелетных кровей.

Будто клен на яру облетел на ветру пятипалой листвой и поник головой.

Не высок потолок. Не широк козырек. Не далек горизонт. Не глубок горний зонт.

Ни друзей, ни врагов. Ни семьи, ни долгов. И свой стольник в кафе не махнешь под шофе.

Лег пушинкой письма, что легка как тесьма, у раскидистых крыл порастраченных сил.

12 сентября 2008 - 10 августа 10

НОВОГОДНИЕ 2009-2010 ВИРШИ

1

Новый год настает.
Глянь, ликует народ — скоро полночь пробьет.
И двенадцать часов повернут на засов прошлый год, прошлый год.
Словно тот гололед.

Полоса неудач, — хоть ты смейся, хоть плачь, будто теннисный мяч улетучится вскачь.

Будем радостно жить. Станем жить, не тужить по веленью души в сокровенной тиши.

26 декабря 2009

2

Что-то сердце накалилось. А душа – воспламенилась. Словно бочку керосина притащили из торгсина. Запалили фитилем, чтоб изжарился живьем. Подрумянился коврижкой, истопил жирка излишку.

А душа, того, — жива! Руки, сердце, голова, все на месте. Стих — готов. С Новым годом! Будь здоров!

27 декабря 2009

3

Всюду чувствуется праздник. Новый год идет, проказник. Поцелуи, песни, танцы. Смех влюбленных новобранцев.

Петербургский свет свинцовый гонит всех людей к Дворцовой. А на Невском – суета. Блеск витрин и нищета в наших душах еще та.

Заметает снегопад в сумерках петровский град. Рой снежинок в вышине словно бабочки во сне.

Ах, как небеса светлы. Шпили, башенки, углы, фризы, арки и торцы, петербургские дворцы.

Летний сад, и тот уснул. Только месяц впал в загул.

Ночь нежна и жизнь светла, будто в сумерках игла. Ночь ложится на стекло. На дворе белым-бело.

27 - 28 декабря 2009 (В полночь)

4

Тридцать первое декабря. Просыпаюсь ни свет ни заря. Только очи открыл – ощущение крыл. Легкость и полнота жизни. Ее красота.

И такая кругом тишина, будто к стойке припала страна, выпив горькой настойки до дна.

Подоконничек замело.
От сугробов в окошке светло.
Не рокочут авто.
Не лопочут манто
петербургских красоток
в галифе, без колготок.

С наступающим, друг. Не купись на испуг, на стремительный круг выметаясь не вдруг.

Из своих сороковых (храни, Боже, от роковых) выпрастываясь штанов с двенадцатым боем часов.

Пусть порхают снежинки, будто память в картинках. Красота, простота – вот вся жизнь до полста.

31 декабря 2009

5

С Новым годом, страна! Богатеет казна, коли нефтепровод на Запад ведет.

С Новым годом, народ! Пусть тебе повезет: государев привоз сунет в нос Дед Мороз.

С Новым годом и мне жить в цветущей стране! Чтоб нужда за дверьми не стучалсь вельми.

С Новым годом, дружище! Чтоб водились деньжища в ассигнациях тыщах.

С Новым годом, дружок, счастья хапнуть мешок. Подставляй-ка плечо! Куй, пока горячо.

31 декабря 2009

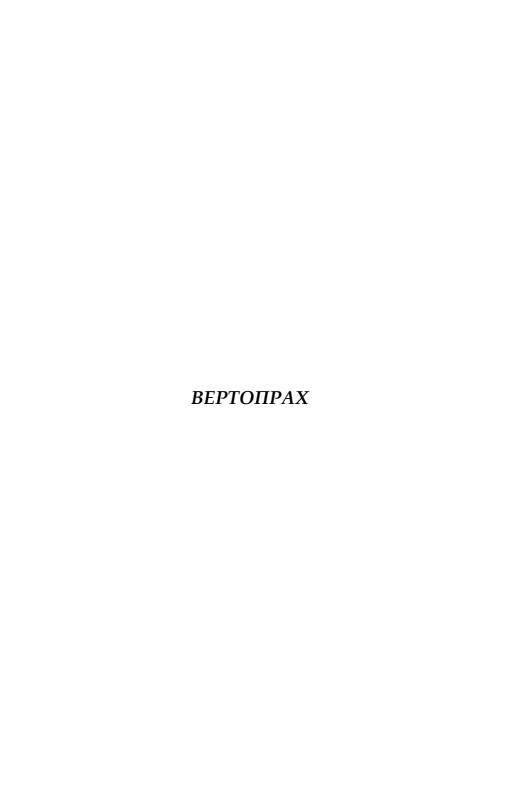
6

По Невскому проспекту – куда глаза глядят, – вперяю без решпекту в блестящий город взгляд.

С шампанским и перцовой по Невскому народ рекой течет к Дворцовой чтоб встретить Новый год.

Две тысячи десятый, что ты готовишь мне? Не разгрести лопатой всю жизнь мою ... во сне.

31 декабря 2009 - 1 января 10 (С полуночи до полудня) Санкт-Петербург



Мы уходим негаданно. Не кадят по нам ладаном. Покидаем родное крыльцо. Только месяц нам светит в лицо.

Мы бредем неприкаянно будто аспиды, каины. Не заплачут по нам небеса. Не падет на нас божья роса.

Забулдыги и бражники, шантрапа всех мастей. Босяки-каталажники окаянных кровей. Лихоимцы, острожники, шулера и картежники. Каторжане, бродяги, бедолаги тюряги.

Мы плутаем потемками, заклеймены потомками. Бичевыми постромками в три погибели скомканы.

Мы корчуем по зернышку с копей душ людских солнышко. Ни Креста на нас нет, ни Христа. Нам молитва не выест уста.

Пилигримы и странники, побратимы-карманники, уркаганы-майданники, перекати-поля данники.

Все, без роду и племени, волчья ягода времени. Рысье племя людей без знамен и вождей.

Спустим шкуру втридорога недотрогам и ворогам на бедовых степных большаках с кистенями в грабастых крюках.

Сбившись в волчее логово, позабывши про богово, служим царству кащееву мы за баланду казенной корчмы.

Мы жиганы-ежики, в голенищах ножики. Лемехами мечены, колесом калечены. Чистим-чистим перышки – берегите ребрышки! Вжик – дебелой вдовушке пустим свежей кровушки.

Под лебяжьими кочками ляжем врозь, одиночками. Только смерть отмывает с крестцов забубенную соль мертвецов.

Золотишко намытое в князи вымело мытарей. И пошла на рожон, поперек борозды, рать брюхатых княжон от Полярной звезды.

Забияки-проказники на пирушках и праздниках. Мы шикуем в шинкарнях, мы лютуем в мусарнях. Алкаши, собутыльники, души что кипятильники. Подзаборные пьяницы, проходимцы без памяти.

От дыхания вечности ломит грудь и конечности. Светлый ангел, святые крыла преломи у родного чела.

Копоть души человеческой выбели оком Отеческим. В изголовьи затепли свечу, твоему преклониться лучу.

17 марта 2007 - 10 мая 09, Москва

Благодать или благословенье Ниспошли на сподручных своих... В. Высоцкий

Пошли мне, Господь, исцеления от язвы души и гниения. Выжги всевышним калением мерзость и гной запустения.

Дай мне, Господь, исправление всех позвонков искривления, веры моей раздробления в слово и свет Откровения.

Омой благодатию божией калику мою перехожую, душу с поганою рожею в струпьях червивых под кожею.

Выжги небесной псалтирею злые миазмы и чиреи, коросту, наросты, эфиры и смрадную копоть чифирия.

Выпари веничком, выпори вожжами мысли под темечком с винными дрожжами.

Хворые, спорые, первые, вторые, вздорные, спорные думы топорные.

В пьяном подпитии, в рьяном соитии, только без проблеска истины поиска.

Вытопи словом молитвенным сыпь гнойников моих рытвенных, темным плутаньем по рытвинам, только без пажитей житвенных.

Выпори, выпери, выполи, вымети, вытопи, выколи семя гнильцы прокаженное, давшее всходы зловонные.

Канавами сточными, каналами склочными, пастелью клоачною, постелью безбрачною, потемками встреченный, потомками меченый, по морю безлюдному брел многотрудному.

Чашу души человеческой словом наполни Отеческим, чтобы исполнился статией силой Твоей благодати я.

Ноябрь 2008, Санкт-Петербург

Распустились в саду георгины. Соловьиные ночи в малинах. А в моем палисадничке дождик-проказничек поразмыл все гряды и куртины.

И куда мне податься, не знаю я? Водку кушаю, пиво лакаю я. Враз со мной в понедельничек деверь-подельничек бухгалтерию вымел легавую.

С той поры зачастили в шалманы мы. Дружбаны нас встречали гужбанами. И шалавы неискренне шелестели нам выспренне про заморские пляжи с каштанами.

От Тверской до Садовой, как водится, в кабаках все дороги расходятся. Нам несут коромыслами пойла немыслимо — во здравьице и на здоровьице.

Пусть течет в изобилии водочка. Пусть рекутся тосты под селедочку. Не спешит нас начальничек взять на паяльничек. Потопить ушлой жизни подлодку.

Замели, запалили негаданно. Бес попутал, стрелял из нагана я. К нам пришли в воскресение не из службы спасения. Схоронился я в ночь магаданную.

Поминаю о странном событии на деляночке за чаепитием. Как в местах заключения от души злоключения сам себе стал навроде открытия.

5 декабря 2008, Санкт-Петербург

Белыми ночами, светлыми очами, маешься Невою пьяненькой главою.

Мне опять не спится в майские зарницы, без ума влюбленным в ясени да клены.

Позабросив пьянку, утром спозаранку слезы льешь рекою над родной Невою.

Пялишься округой. Пятишься по кругу шаткою походкой от излишку водки.

Шаркают штиблеты вровень с парапетом. Только вхолостую топчут мостовую.

Девочки и мальчики, словно одуванчики, головы невесело над рекою свесили.

Нынче, недотроги, вам не по дороге с пьяным шарабаном в облаке туманном.

Я сегодня пьяный от любви к туманам как и я хмельною утренней Невою.

14 -15 февраля 2009, Санкт-Петербург

Я – дремучая тварь. Ты – приличная вещь. И сосешь ты как встарь кровь мою будто клещ.

Поцелуемся, милая. И обнимемся, верная. Чувства с новою силою в душу хлынули вербную.

Я горбачусь все для тебя родная тля. Чтобы твой гардероб не свалил меня в гроб.

Ты же, сызнова, вошь, мою кровушку пьешь! Словно клещ из клещей нос воротишь от щей.

Я ни свет ни заря отутюжил белье. Ты ж шикуешь зазря в кабаках, е-мое.

Ты в своем декольте что почти в неглиже всполошила не те чувства на этаже.

На работу вставать. А тебя не видать. Пошукать, – где ты есть? Дух бы вышибил весь.

Из ночного кафе ты пришла под шофе, словно фея в плаще, будто нимфа в плюще.

Рядом жгучий брюнет как Де Ниро одет. За твой счет в доску свой всем шалавам с Тверской.

Дорогая, пардон, здесь тебе не притон. Не кабак, не шалман, где гарцуют канкан.

Дорогая, прощай. Плакать не обещай. Расстаемся без слез и букета мимоз.

Лебединый мой стон, мой малиновый звон, растворился как сон через дверь на балкон.

5 декабря 2008 - 9 мая 09, Санкт-Петербург - Москва

ОДНА

Он – один. И я – одна. Мир из моего окна смоют осенью дожди. И тогда меня – не жди.

Без печали и тоски, без пожатия руки, разбежимся навсегда. Будто в вечность поезда.

Петербургская капель, будь то – август, иль – апрель, не обронит, дорогой, слезы маковой росой.

Только я, и то — едва ль, растоплю свечой печаль. Чтоб затеплила слеза по тебе мои глаза.

15 июня 2009, Санкт-Петербург

ОДИН

Дорогая, я скучаю по тебе. Хоть открыточкой напомни о себе. Словно ласточка мне весточку пришли – как проходят над Невою корабли?

Пару строчек нервным почерком черкни – как затеплились на Лиговском огни? Не твои ли, дорогая, так легки на Фонтанке прозвучали каблучки?

От тебя и Петербурга вдалеке я с печалью подружился налегке. И каморочка моя что конура без колодца петербургского двора.

В беглых буквицах родное письмецо ясным солнышком мне глянуло б в лицо. Ах, все так же ль разлетаются мосты в поднебесье без возлюбленной четы?

И, припавши к изголовию рукой, «Дорогая, – я шепчу, – Господь с тобой». Обрати же в слух ушко к моей мольбе: «Дорогая, я скучаю по тебе».

15 мая - 15 июня 2009, Москва - Санкт-Петербург

Житуха ладится с нуля – с нуля! Прощай, моя непруха, бля – ой, бля!

И будут денюжки пучком – пучком! И лягут девушки ничком – ничком!

И настроенье, хоть убей – убей! Как на экране у блядей – блядей!

И пусть весь мир летит в трубу – в трубу! Я нищету видал в гробу – в гробу!

11 июля 2009, Москва

Сижу на лавочке, грущу об Клавочке. А Клава во поле мятется тополем.

Еены ноженьки, ну две березыньки, что у тропиночки срослись в ложбиночке.

Девица – маков цвет. Дивится белый свет. Шукай хоть тыщу лет, другой в натуре нет.

Глаза – букашечки. А брови – пташечки. На юг – улетные. На луг – залетные.

Глаза и вкривь, и вкось.
По сердцу – изморозь.
Лишь токмо ты взглянешь,
как финкой полоснешь.

На щечках – ямочки в дубовой рамочке. А губки – хвостиком. А носик – гвоздиком. Насупротив тебя я птенчик из себя. Люблю тя, дурочку, как Рябу-курочку.

Приди на сеновал! Как часовой мой фал на боевом посту дымится за версту.

Сыми исподнее, в любви голодная. Создай в желании парилку с банею.

Пока ж тальяночку согну в бараночку. Айда ломать меха вечор про лемеха.

11 июля 2009, Москва

Нос по ветру держи. На вису не дрожи. Карабин да веревка, – твоя спецподготовка.

Продувные ветра. Холода и жара. Обезьянья сноровка не заменит страховку.

По сезону дождей бъет озноб до костей. Не спасает ветровка от штормов пикировки.

Будь собой, Бог с тобой в стужу, слякоть и зной. Наша жизнь лишь путевка на небесную бровку.

16 июля 2009, Москва

Вольный ветер в ясный вечер впал в загул, впал в загул. Вольный ветер, ликом светел, в лица дул, в лица дул.

Вольный ветер среди ветел и светил горних сил, вольный ветер, словно вертел, весь свой пыл остудил.

Одинока, глубока и пьяна, смутным оком облака жгла луна.

Босонога недотрога и горда добела, выжигала млечным жалом города все дотла.

Вольный ветер, ликом светел и луна, как княжна, загуляли в звездной пали допьяна, дотемна.

Горностаи горней стаи тьмы светил млечных жил осеняли две печали тьмой светил что есть сил.

И едва ли вы застали времена, как плыла в своей печали ночь нежна. Ночь — светла!

17 июля 2009, Москва

Всю жизнь – один. Дожил до седин. Жил – как придется. Eл – что придется. Спал – где придется. Пил – что нальется. Сдается мне, – жизнь прошла не вполне по мне. То была – мгла...

20 июля 2009, Москва

Когда тебя! –

убивают, кромсают, пинают, шпыняют, бросают, толкают –

в грязь!

Ярясь, сердясь, смеясь, смирясь, клонясь, клянясь —

за жизнь! –

борись, бодрись, крепись, молись, держись, дерись! Не дрейфь как червь! Не трусь как гнус! Не ссы как скунс!

26 - 28 июля 2009, Москва

Звезд на небе не счесть. Всех книг не перечесть. Светоч знаний – растенье между светом и тенью.

Всех красот не понять. Всех щедрот не урвать. Быть бы живу-здорову на мякине с половой.

Всех красоток иметь – от натуги вспотеть. Лучше, Машку – за ляжку тискать с титькой в оттяжку.

Закатилась заря твоей жизни зазря беспросветной тоскою за рассветной рекою.

17 - 18 августа 2009, Москва

Все долги – раздадутся. Все враги – разбегутся. И разгладится тень. И наладится день.

Все тревоги – забыты. Все дороги – открыты. Аж зарделась заря, что живешь ты не зря.

Жмет на пятки удача, от любви чуть не плача. Норовит, егоза, подольстить за глаза.

И любимая – рядом, томным потчует взглядом. Так и льнет, красота, с поцелуем в уста.

«Просыпайся! Опять спозаранку вставать. Идиллический сон — сгинь до светлых времен! На работу с утра поспешать мне пора».

22 августа 2009, Москва

Истощал, исхудал. В рот спиртного не брал. Грешны вирши кропал. С Музой в шашни играл.

Будто громоотвод – стих меня не берет. Прах его побери от зари до зари.

Искурил папирос пачек сорок в засос. Выдул цельный поднос чаю что купорос.

Вдохновенью чихать на небес благодать. Не податься ль опять мне в кабак подгулять?

14 сентября 2009, Москва

Когда на всем готовом, – живи и не тужи. Ходи себе в обновах, с блондинками кружи.

Шатеночки на ужин, брюнетки на обед. Отглажен, отутюжен с перчаток до штиблет.

Когда же все херово, — нет денег, нет друзей, живи, хоть бестолково, без воплей!

20 сентября 2009, Москва

ВООБРАЖАЕМЫЙ И ЖЕЛАЕМЫЙ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С ЛЮБИМОЙ ПО ЕЕ ПРИЕЗДУ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

– Дорогой мой, любимый, ласковый. Здравствуй! Это – я... Ау!.. Откликнись, пожалуйста. Я тебя зову по приезду из Петербурга в Москву.

– Дорогая, родная, любимая, родимая, я – рядом... В Отрадном.

- *Где, где ты?*
- -B Отрадном...
- Ах, как я рада! С приветом! И – что там?
- Пустоты, заботы, работы до седьмого пота.
- Что-то...

- И,
прости,
как всегда года.
То есть,
не Бог весть
какие
такие
стишки
как грешки
помыслов
Божьего промысла.
Вершки корешки.

— Это сложно...
Возможно,
так и надо
в Отрадном.
Впрочем,
я очень
и очень рада.
Дорогой, я соскучилась.
Родной, я измучилась.
Не — изверилась,
но — разуверилась.
От тебя — ни строчки,
ни запятой, ни точки.
Любимый, что это —
плохая примета?

– О, Боже! Нету и дня, чтобы я не думал о тебе как о судъбе...

(Внезапная тишина в трубке. Телефонная связь обрывается. Снова звонок.)

– Прости, дорогой. Обрыв на линии, сбой. Что-то с моей трубой? Или, ты снова – в запой?..

— Да, дорогая...
То есть, нет...
Прости мой бред.
Любимая,
милая
и родная!
Верю,
надеюсь,
люблю
и жду
встречи
под вечер
в Летнем саду.

– Ах, ты мой вертопрах! Мой лебяжий пух на семи ветрах.

– Пока же, как драже, прими мои дерзновения как откровение в стихотворении.

Мой дар, мой жар, мой бред, мой свет. Тебе, плоть и кровь моя, – любовь.

Дорогая, любимая, нежная. Птица моя белоснежная. Майских небес полыхание в утренний час мироздания. Вся ты – мое дыхание!

Я бы и рад к тебе по суху, путь отмеряя посохом; рад несказанно б по морю, с волною балтийской в сговоре; рад бы радешенек по небу, чубарым кубарем голубем; только б, моя ненаглядная, в наш Петербург из Отрадного!

Postscriptum:

– Как известно, невеста, на поэта – суда нету. Кроме Божьего – пуще острожьего. Пусть
это было ошибкой.
Пусть
это будет не шибко.
Пусть
это станет улыбкой
глыбкой.
Но,
все одно,
день ли,
тень ли,
свети, мое солнце,
в душу, распахнутую оконцем!

22 сентября 2009, Москва

САШЕ ДЕРЯБИНУ НА 30-ЛЕТИЕ

Ежели – грустно. Ежели – пусто. Письменно, устно, печатно – не густо.

Возьмем-ка гитару! Споем-ка на пару вьюжную, снежную, песенку нежную.

Как вечность – тревожную. Как жизнь – непреложную.

Тихо, вполголоса, из тучного колоса пьем вдохновения дар песнопения.

Как жизнь – быстротечные, две спутницы вечные, молитва и песенка – незримые лесенки,

ведущие к небу за млеком и хлебом. Души – утоления, сердец – исцеления.

20 ноября 2009, Санкт-Петербург

Высотник, высотник. Небесный работник за ради куска, за благо глотка.

Ползешь, человечек, над стадом овечек, снующих туда, не знамо – куда.

И ты с ними вровень на уровне кровель за длинным рублем влачишься угрем.

Трясутся поджилки от потной парилки. И боязно вниз ступить за карниз.

Мужская работа – паденья и взлеты. Волю – в кулак. Без веры – никак. Помилуй, Господь, душу и плоть.

13 декабря 2009, Санкт-Петербург

Кризис в стране. Кто был на коне, ноне оне в хлюпком говне. И — наоборот. Всему свой черед.

13 декабря 2009, Санкт-Петербург

Друг,

я хочу, чтоб тебе повезло больше, чем мне. Чтоб тебя не коснулось зло ни в единой стране.

Товарищ,

я верую, Бог спасет, агнцев возлюбя, весь наш человеческий род, душу твою и тебя.

Брат,

я жму твою руку как слезы сжимают в горсти, прощаясь перед разлукой, чтоб в сердце своем пронести.

Деляночка, деляночка. Полна тайга беляночек. По лесу так и шастают чудовища клыкастые.

> Не печалься, милая. Свидимся не скоро мы. Мерины не хилые лязгают затворами.

Качало во все стороны товарными вагонами. Лишь ночка убаюкала зэка в морошке с клюквою.

Видимо-невидимо звезд на небе видим мы. Дорогая, надобно жизнь сверстать бы наново.

Играемся в орляночку с судьбою наизнаночку. Зверюги в кущах норовом ворюги пуще с ворогом.

В воскресенье вербное сердце твое нервное постучит в окошечко сойкой с медной плошечкой.

На все четыре стороны здесь все друг другу вороны. Клюем себе по зернышку в чумазых душах солнышко.

> Замело порошею ледяное крошево. На губах снежиночка солона слезиночкой.

Костры на небо пялятся. На сопках кедры валятся. И топорища с пилами поют устами милыми.

С неистовою силою целую, моя милая, все твое создание как мое дыхание.

20 декабря 2009 - 2 января 10, Санкт-Петербург

Штормит весь вечер. Только так и погружается кабак свободным плаваньем в загул. Попутный ветер мачты гнул

и самых стойких, что есть сил, у барной стойки с ног валил. И ни одна ушла душа в запой, оставшись без гроша.

Выходит нимфа на овал. Потусторонний взгляд сковал подводных жителей оскал. Оцепененьем дышит зал.

То колесо, то пируэт трефовый выкинет валет в обнимку с дамой – Дамой Пик. Восторг возносит зал на пик.

Аплодисменты и психоз взрывают бар взахлеб, взасос. Исчезла фея чайных роз как в дымке маковой из рос.

И целомудренна, нежна, меж кресел шествует княжна хмельного гульбища, – одна за столик с розой у окна.

Отзвенели гитары, приземлилась душа. Ты выходишь из бара босиком, без гроша.

До рубля пропиваясь, до копейки шальной, ты бредешь, спотыкаясь, пешим ходом домой.

Жизнь кругом опустела. Ни такси, ни метро. Вся наличность осела у бармена в бистро.

Фонари на бульварах, покачнувшись, спешат на влюбленные пары бросить призрачный взгляд.

Только ты в одиночку по Фонтанке бредешь. Из невидимой точки светит ломаный грош.

Отверзлись очи вербные. Обманные, неверные. Закапали слезиночки на камушки росиночкой.

Поникли плечи грешные. Возникли речи спешные. Отчаянно, покаянно молитвой неприкаянной.

И вся была ты белая, как наливное, спелое в саду осеннем яблочко, созревшее для праздничка.

Болезные, извечные, те речи скоротечные закрадывались солнышком души моей на донышко.

«Ножки ваши босыньки. Что ж вы не радешеньки?» «Оттого я босонога, что по жизни недотрога».

«Ой ты, хвост-чешуя! Али краля не моя?»

«Собирайся, мой автограф, в городской синематограф. Поглазеем киноленту про заморского агента».

«Я тебе не вертихвостка, чтоб фланировать с подростком».

«Дроля моя, дролечка. Похмели настоечкой. Кувыркаясь во садочке, приземлимся на лужочке».

«Мой миленок что теленок, не вылазит из пеленок. Шелудивый шалунишка, подтяни свои штанишки.

Для любезной сердцу милки раскошелься из копилки. Бирюзовое с сердечком поднеси-ка ей колечко.

Шиш на маслице польстился. Апосля всю жизнь постился. До конвульсий и до колик полюбился мне соколик.

Что ж ты одинешенек? Дроле не радешенек? Оттого ль кручиной взмок, что остался без порток?»

10 февраля 2010, Санкт-Петербург

Надежда – не умирает. Вера – живет. Любовь – согревает. Сердце – поет. Душа – оживает. Господь – дает.

21 марта 2010, Санкт-Петербург

Не только пища для ума, но и жевачка для эстетов. Великодушная тюрьма страна Россия для поэтов.

3 апреля 2010, Санкт-Петербург

Ни прописки в порт приписки, ни причала для начала.

Ни записки под расписки, ни кульбита по кредиту.

Ни расчески от прически, ни фасона по сезону.

Ни притопа в два прихлопа, ни синкопа кверьху попой.

Ни фигуры кубатуры, ни породы от природы.

25 апреля 2010, Санкт-Петербург

Будь смешливым и смешным. Будь веселым и простым. Будь хвастливым и немым. Будь женатым холостым.

Скупердяем будь и мотом. Разгильдяем, обормотом. Будь скабрезным анекдотом, только не жлобом и жмотом.

Будь задирой и упрямцем. Будь тихоней и засранцем. Будь задорным оборванцем. Будь забавным голодранцем.

Не давай лишь облапошить, будто загнанную лошадь, самого себя любя.

25 апреля 2010, Санкт-Петербург

Легко, непринужденно шагают почтальоны. Любимой на крыльцо приносят письмецо.

А милая не спит. В окошечко глядит. Слезиночку украдкой обронит на тетрадку.

Черемуха сторожко томится у порожка. Любуется росой девической красой.

А милая вздыхает. На лепестках гадает. Отписывать аль нет любезных чувств букет?

12 мая 2010, Санкт-Петербург

Счастливцы из счастливцев: чванливые спесивцы, бранчливые ленивцы, каталы да менялы с посконным опахалом, ловчилы до могилы от родословной жилы, а где же ваши лица неиспитой водицы?

14 мая 2010, Санкт-Петербург

Деревья, облако, река. В моей руке твоя рука. И обволакивает зной твою судьбу с моей судьбой.

Вода – парное молоко. Обоим дышится легко. Моя рука в твоей руке. Язык, оживший в тростнике.

Купанье красного коня в атласных сполохах огня. И негасима, и нежна княжною плещется волна.

Как мало надо нам с тобой. Весь этот вечер над рекой. Как будто жизнь на берегу с тобой застыла на бегу.

19 мая 2010, Санкт-Петербург

Живем свободно. «Чего угодно Вам?» и «Кушать подано» уже не модно.

Не актуально глядеть охальником в глаза начальнику. Патриархально.

Свобода – всюду. Забыты начисто все знаки качества. Будь хоть верблюдом.

Живем, однако, мы все двояко. Котом на Масляной. Скотом опасливым.

9 июля 2010, Санкт-Петербург

На рысях, на сносях, на полозьях — костях, где стежком, где шажком, где тишком, где молчком, по-пластунски, гуськом, на корячках, гузном, брюхом в топкой грязи, вшой тифозной в мази, пробирался отряд уцелевших ребят.

«Спать, солдат, не моги. Подверстай сапоги. В темя ботают как сто чертей бьют гопак. Потерпи же, браток. Собери сил чуток». «Покурить бы, старшой. Затянуться махрой. Старшина, али свой впереди кто живой».

«Тишина! вашу так... Раскудахтался, враг. Не елозь, не бузи вшой тифозной в грязи. Про себя шмыгай в нос свой сопливый вопрос. Дурачье-мужичье. Мудачье, е-мое. Всех поставишь на нож за здорово живешь».

«Не серчай, старшина. Застит мозг тишина. Ты смекай-ка браток. Сил осталось чуток, с гулькин нос, с ноготок. А ползти – не вершок. Вот и хочется всласть к козьей ножке припасть. Дюже с милкой взасос пошалить в сенокос».

«Тишина, как в Раю. Али, хлопцы, я сплю, хапанув анаши для затравки души? Баю детские сны на поленьях сосны. Тишина, хоть убей сорок тысяч чертей. И сверчок не бузит, в мозжечок не свербит.

Только чую, ручей гонит парус взашей, парусину холста из тетрадки листа... А дневник свой, стервец, искурил сорванец на Лебяжьем в песках, на пляжу в тростниках... Сплю и вижу горшок щей, в сметане снеток...

Сплю и слышу родной голос мамы живой.

«Просыпайся, сынок. Подымай ратный полк. Видишь свет за холмом? Это ангел крылом подает тебе знак, чтоб не сгинул в овраг. Путь держи на Восток. Да хранит тебя Бог».

«Просыпайся, народ! Охламон, обормот. Подымайся, браток без порток, без сапог! Ша! гнилым животом землю пачкать глистом. Ни хрена! На хрена не нужна тишина. Нам в Раю – грош цена. Крышка, баста, хана».

Россия в огне. В бреду Россия. Ангелы спят. Не спит Мессия. Други нас ждут, живые и мертвые. Кони прядут гривами-метлами. Что же нас ждет? Лета долгия? Пуля в живот? Лента Георгия? Будем людьми, умрем за родину. Ляжем костьми под черной смородиной.

«Любо, братцы, живем. Мертвецом ли, живьем доползем до траншей с вошью русских кровей. С нами Бог, с нами свет над отчизной чуть свет. Дорогие мои, поклонимся ж вельми всем, за русский народ положившим живот. Всем за други своя будет пухом земля».

23 июля 2010, Санкт-Петербург

Мы дневалим и бывалим. Кашеварим, кочегарим. Моем поварешки, миски, ложки, плошки.

Не уйдет из поля зренья запеканка из кореньев. Зверобоя с мятой – хоть греби лопатой.

До зубов вооруженным, доверяем нашим женам лесозаготовку у костра с ночевкой.

Коротаем на привале дни и ночи на Байкале. Пролагаем тропки в лиственничной сопке.

26 июля 2010, Санкт-Петербург

Дождик летний, грибной, животворной росой окропи чернозем, позабывшийся сном.

Ливень, хлынь на поля. Чтоб от вещего сна пробудилась земля, тучной нивой красна.

Посребри тополя до кореньев жнивья млеко горних желез, бездыханных от слез.

Вся небесная весь обратилась, как есть, в благодатную весть: «Хлеб насущный даждь днесь».

2-3 августа 2010, Санкт-Петербург

Виртуальные, виртуозные, менструальные, монструозные, сериальные суперзвезды и

телепатыпсихопаты,

шоумены- спортсмены,

теледивы блудливо и похотливо дуют активы в презервативы, —

с меринов в Жмеринках, –

сивых, потливых, паршивых и вшивых.

11 сентября 2010, Санкт-Петербург

САШЕ ДЕРЯБИНУ

Осенние деньки... Кошелки, кошельки по улочкам снуют, – бензинный воздух пьют, витринный гроссбух жрут.

Достаток и уют везде, где нас не ждут. Весь Петербург в дымке и дымке в погребке на невском пятачке.

Канун зимы. Тоска клубится у виска дымком от папирос, как поцелуй взасос. Не время вешать нос!

Еще мы посидим. Еще мы погрустим. Еще мы помолчим. Щека к щеке, рука в руке.

Душа с душой, глаза в глаза. Дабы лоза, абы слеза, текла рекой.

В ночь с 31 октября на 1 ноября 2010, Санкт-Петербург

Вечерами юными да ночами лунными мы с тобою, милый мой, целовались под звездой.

Ах, как сладок и глубок поцелуй твой, голубок, был при ясной при луне, наяву или во сне.

Зря боялась я огня про меж нас в исходе дня, сил лишаясь в ясну ночь, отказать тебе невмочь.

Огонечки, огоньки занимались вдоль реки. Возносились в облака два влюбленных голубка.

Я одна, и я горю, ровно свечечка в зарю, вопрошая в поздний час: «Что, мой друг, не кажешь глаз?»

6 ноября 2010, Санкт-Петербург

Ты – шалун и я – шалунья. Пошалим на новолунье.

Там – ложбинка, тут – мысок что «венерин» туесок. Перекаты, буераки... Руки в брюках, в реках – раки.

Tы - прохвост, я - вертихвостка. Льнет наперсточек к отростку.

Копошится муравейник от истомы, мой затейник. Причеши-ка борозденку гребешком на шестеренках.

Ай, пужаюсь, ай, боюсь. На коленочки склонюсь. Дюже задом наперед прочищает дымоход.

Ай, боюсь, боюсь щекотки от пещеристой чесотки.

16 ноября 2010, Санкт-Петербург

Набраться сил из последних жил. И – чуток, браток,

потерпеть - терпеть.

Не кряхтеть, не пыхтеть, не потеть, не сопеть, не болеть, не хотеть –

себя не жалеть.

И – не сметь не петь!

20 декабря 2010, Санкт-Петербург

Приметы, кометы, стилеты, все это для поэта —

славное прошлое. Главное – поле с морошкою.

Грядка с клубникою. Прядка черникою.

Ночи со сливками. Очи оливками.

Утром тверезовым веник березовый в баньке с Морозовой.

Без опохмелочки выглядит целочкой.

Ax, баловница. Ax, чаровница.

Весь свой путь спой как весть. Будь!

Стой как гвоздь, а не гость.

24 декабря 2010, Санкт-Петербург

Который день, который год печаль за окнами живет. За занавесочкой окна в глазищах радость не видна.

Девчонки солнечный дружок ушел в загранку на Восток. И все ей кажется, что зря он бороздит свои моря.

Здесь кружат листья сентября, там пламенеет в кровь заря. А девушка все ждет и ждет – солоной грусти полон рот.

Походкой шаркающих ног однажды ступит на порог пернатый друг, в глазах – испуг, покинувшею птицей юг.

3 мая 2011, Санкт-Петербург

Дохнуло весной. Пахнуло сосной. Чихать на работу. Под юбку охота.

Дебелые дочки, где белые ночки, кочуют на Мойке с попойки на койки.

На Марсовом, глянь, в сопливую рань влюбленных семейки елозят скамейки.

Отравлены бары любовным нектаром. Там нимфы и феи несут ахинею.

Насупила бровь плутовка-любовь. И порет горячку весь Питер с гордячкой.

25 мая 2011, Санкт-Петербург

С томиком Китса охота влюбиться в белые ночи да в ясные очи.

Хочется шляться по улочкам, братцы, с блондинистой цацей и прелести мацать.

Бельишко красоток совсем без колготок, и лифчиков нету сопливого цвету.

Юбки короче чем белые ночи девушек в мини в мечтах о бикини.

С томиком Китса не спится... Не спиться б с красавицей в баре, а слиться в нектаре.

8 июня 2011, Санкт-Петербург

Я все время куда-то спешу. Я все время зачем-то грешу. Я все время о чем-то пишу, словно вшу на залупе чешу.

Видно, я от чернухи спешу. Видно, я от порнухи грешу. Видно, я от непрухи пишу, как паршу на мудях тормошу.

И куда я все время спешу? И зачем я все время грешу? И о чем я все время пишу, будто мшу на манде гоношу?

26 июня 2011, Санкт-Петербург (Кафе «Петербургер»)

Не поступайся искрой божьей.

Когда мой голос отзвучит никем не узнанный, родною душой, блаженнейший пиит, храним я буду с теплотою.

Когда ты не услышишь речь что горечь, — речь, прямую в горе, — за чередой разлук и встреч ответствуй мне в летейском хоре.

Когда шагам твоим вослед, как по слогам, пробьюсь сторожко, как бы души твоей на свет, велеречивой Музы стежкой...

Когда приидут времена глухие с преисподней ложью, взыскуй святые имена и обнажи перо из ножен.

Когда намоленной строкой в моих возлюбленных потомках я испрошу душе покой, затеплившей стихом в потёмках...

Тогда налей себе вина, а, лучше, водочки, ей-Богу, и выпей за меня до дна на посошок души в дорогу.

Тогда со мной наедине, что отразился в стольких лицах, вздохни тихонько обо мне: «Не былью был ты, – небылицей».

1998, Казань – 2016, Санкт-Петербург

О СЕБЕ

Ф. И. О.:

Григорьев Виктор Васильевич

Время и место рождения:

6 июня 1969 г., г. Нурлат (Татарская АССР)

Среда обитания:

Нурлат – Казань – Москва – Санкт-Петербург

Сфера жизни:

Литературная работа

Род занятий:

- Промышленный альпинизм
- Журналистика
- Путешествия

Автор сборников и книг стихов:

- 1. СВЕЧА (2010, Санкт-Петербург)
- 2. ПОЛУНОЧНИК (2011, Санкт-Петербург)
- 3. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДНЕВНИК ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ 2010 ГОДА (Рукописный альбом (2012, Санкт-Петербург)
- 4. ВЕРТОПРАХ (2020, Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

«Все проходит, и жизнь тоже »	6
<i>БЕЗВРЕМЕНЬЕ</i>	
«О чудной девочке грустить»	9
1. «Гость не придет, не жди гостей »	11
2. «Гость не пришел и нет гостей»	11
«Печаль в твоих устах нежна»	13
«Грустишь невольно, сколько можно»	15
«Так тишина в наш дом войдет»	16
ПОЛУНОЧНИК	
1. «Горит свеча во тьме унылой »	18
2. «Горит свеча над страхом смерти.,. »	
«Едва пред зеркалом жива»	
«На Зоостанции безлюдье»	
«Летящих далеко за полночь»	
«Господь, благодарю за хлеб и соль»	
«О чем мне говорит зима?»	
«Здесь все меня переживет»	
«Звезда в ночи зажглась. В яслях»	
«Снег, снег идет. В самом разгаре »	
«В полночный час»	
А («Не встреча, нет. Ее не ждали »)	36
«Поставлю чайник на плиту»	
НА СМЕРТЬ ОДНОКЛАССНИКОВСЕРГЕЯ КАЛУКОВА	
И ФАНИСА ШАЙДУЛЛИНА («Пришла к вам смерть, косой	
взмахнула»)	38
«Уже два года бизнесмен »	
«У кадыка железной хваткой»	40
«Рыбалка удалась на славу»	
ОМАРУ ХАЙЯМУ ПИСЬМО	
(«Омар Хайям, я знал бесчинства »)	42

30 MAPTA 1995 ГОДА («Сегодня выпил я некстати»)	44
«На старость лет, под старость лет»	46
«Еще один бесцветный день »	
«В «Грот-баре» шушера сидит, »	
КАЗАНСКИЕ СТРОФЫ	
1. «Тоска в Казани. Где мне скрыться? »	50
2. «В родной я возвращаюсь город»	51
«Здесь, у костра в ночном лесу,»	
НА ПЕРЕВАЛЕ АДЫЛСУ («Долина в оцепленьи гор»)	55
В ЛИЦО ПОШЛОСТИ	
(«Ублюдочность – вершина ваша »)	57
«Тишина в коммунальной квартире»	
«В Сургуте я на высоте»	
«Вояж закончился ничем»	61
IDLE FHOUGTS	
1.«Вновь недовольства полон ты»	62
2.«Печаль переживет слова»	63
3.«Пристало петь благоразумье »	65
4.«Живу я в страхе, – не успею»	66
5.«Метель объяла спящий мир»	
6.«В свидетели беру я ночь»	
7.«Пустынно на душе и зябко »	70
8.«Как странно жизнь проистекает»	72
SAPIENTI SAT	
1.«Мне жизни ноша тяжела »	74
2.«Я сделал вывод – мы грешны… »	76
3.«Впрямь, болен я. Больна душа»	
4.«Как талый снег уходят годы »	
5.«Все спит кругом. Ночное царство »	
6.«Родного дома тишина»	82
ДНЕВНИК 1994 - 95 г.	
1.«Нет, стало быть, не на беду »	
2. «Не лучших дней чреда проходит »	
3.«Бессилье пустоте сродни »	86

4. «Снег в октябре в саду деревья »	<u>8</u> 7
5. «Я жил как все. Верней, как все»	
6.«Проходят дни и нет надежды, »	
7.«Ноябрь. Зима. Мне все постыло»	
8.«Зима в моем окне, зима»	91
9. «Март на исходе. Снегопад »	92
10-11.«Нурлат встречает хлебом-солью»	
12. «С тоски я подаюсь в Казань »	
13. «Убожество приелось жизни»	96
14. «Во что бы то ни стало – жить! »	
15. «Друзья меня не навещают »	
16. «С блядями я накоротке»	
17. «Мои грехи – разврат и пьянство »	
18. «Все тихо в доме. Ты один »	101
19. «Судьба – чахоточная девка »	102
20-21.«Печальна жизнь моя, грустна»	103
22. «Час подведения итогов »	105
23. «За мною слава по пятам »	
24. «Бесчисленных чреда попоек»	
25. «Все пусто, чахло Нищета »	
26. «Жизнь бестревожна, мысль бесплодна».	
27. «Родного дома тишина»	110
28. «Конец всему. Отбой гулянкам»	111
29. «Год на исходе. Пустота »	112
30. «Приходит мысль на ум все чаще »	113
ГОРЕЧЬ	
«Уютный вечер в кабачке»	117
«Мои пропащие года! »	118
ТЕЛЕВИЗОР, ИЛИ ЗЕРКАЛО ДУШИ	
(«Вот включаю телевизор »)	119
ГОРЕЧЬ («На Эсперанто коммуналку »)	122
«О Муза, вечная тоска… »	

«Быстро юность отцвела»	124
«Хвала ж/д вокзалам и авто»	
2003 год («Еще не умер я, еще я жив »)	
І. АВТОПОРТРЕТ («Казанские общаги »)	
II. МОЯ ЖИЗНЬ («Жизнь прошла в гулянках »)	
III. Я («За душою ни гроша »)	
«Мне тридцать пять. Орел иль решка? »	
«Ах, как хочется жить!»	
НОРИЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ	
І. НОРИЛЬСК («Пяти и девятиэтажки »)	132
II. «По законам альпинизма»	132
III. «В доме тишь и благодать… »	
IV. «Созидая красоту»	
V. «Тоска в Норильске, хоть ты плачь »	
VI. ОТКРЫТКА ВИОЛЕТТЕ	
(«Из далеких снежных сопок, »)	134
VII. ТЕЛЕГРАММА ВИОЛЕТТЕ	
(«Дядя Витя весь в дороге »)	134
VIII. «Я – здоров. Здоров как бык »	
IX. «Снова тучи, дождь и слякоть »	135
Х. «Ни кола, ни двора »	
XI. «Душа, как водится, в кусты»	
XII. «Однообразие работы »	
XIII. «На душе осталась рана… »	136
XIV. «Норильск, спасибо за урок »	137
XV. «Все, домой, пора домой… »	
XVI. «Как похмелье – тридцать пять »	
XVII.«Полжизни пройдено. Куда? »	
XVIII.«Не знаю сам, чего хочу? »	
XIX. «Воспоминанья бьются птицей »	
ПАМЯТКА	
І.«Вором – не быть. Ментом – не стать »	140
II. «Сытость, жалость, нищета »	
«Я в пророки не гожусь»	
-	

«О чем я думал в двадцать лет?»	142
«Кто мне вернет утраченные годы? »	144
«Как хмелем чаша»	146
«Душа еще не все сказала»	147
«Водку жрать и пить вино»	
«Средина жизни. Тридцать шесть»	
РОЖИ ИЗ ЛОЖИ, ИЛИ ШИТО-КРЫТО	
1. «Поголовно демократы»	151
2. «Чтоб водилися деньжата »	151
3. «Два солдата из стройбата»	151
4. «Демократы из пархатых»	
5. «Красные и синие »	
6. «Жизнь пошла другого толка»	152
7. «Записные демократы… »	
8. «Красные и синие »	
«О сколько раз в хмельной тоске»	
«Словно маятник души»	
«Чем меньше совести, тем больше эгоизма »	156
«Демократия в стране! »	157
«Без денег лапотный бездельник»	158
«Стихи пиша и вдохновляясь»	
«Тоска, зеленая тоска »	
«Как мотылек»	163
К ПОРТРЕТУ А.РОЗЕНБАУМА	
(«Российской Думы депутат »)	164
«В городе Сочи»	165
«А жизнь ручьем»	166
АБХАЗСКИЕ МОТИВЫ	
1. «Лето. Море. Красота »	167
2. «Благодарю за вечный след»	167
3. «Отшумели года»	167
4. «Если будешь цельный год »	
5. «Куст мушмуллы торчит в окно»	168
6. «На Биостанции АГУ »	

7. «Над морем полная луна… »	169
8. «Будешь много говорить»	170
9. «В Сочи люди »	
10. «Сочи как очи »	
11. «И поцелуи при луне »	
«Открылась жизнь, и я дышу… »	
«Я просто винтик часовой… »	173
«Ах, гитара, друг мой нежный… »	
«По окраинам Москвы »	175
«Ни о ком »	177
НА ПОСОШОК	
ПЕСНЬ О ПОГИБШЕЙ МОЛОДОСТИ, ИЛИ	
ВОСПОМИНАНИЕ	
О НОЧИ, ПРОВЕДЕННОЙ В БАУМАНСКОМ РОВД	
ЗА ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН В НОЧНОЕ ВРЕМЯ В	
НЕТРЕЗВОМ ВИДЕ	
(«Раз на Большой нас взяли Красной »)	181
ДНЕВНИК 1996 ГОДА	
1.«Все тихо. Ночь. Гостей не будет »	
2. «Как хорошо быть одному »	
3. «В родной я воротился град »	195
4. «Гляжу в окно в полночный час »	
5. «Февральским утром спозаранку »	197
6. «Ночь у костра в ночном лесу»	198
7. «Как будто есть тоска под Богом »	
8. «Не говори напрасных слов »	
9. «Здесь полумрак царит, здесь тени… »	201
10. «Костер под проливным дождем »	202
11. «Оставим все как есть. Надежды»	203
12. «Мы в Нижнекамске. Город спит »	204
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПОЭМА	
І. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АНАТОЛИЮ МУРАШЕВУ	

ОТ ПРОЗЯБАЮЩЕГО В ГЛУШИ ВИКТОРА ГРИГОРІ	5EBA,
ИЛИ ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ ОДИНОЧЕСТ	ΓBA
I – 1. «Толян, здорово, старина!»	205
I – 2. «Устроим пир среди друзей »	
POSTSCRIPTUM	
(«Всем от меня большой привет »)	208
II. ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЕ МИНИАТЮРЫ В ЗАГАДКАХ	
«Копна соломенных волос»	210
«В душе он добрый человек»	
«Авто, мото и магнето»	211
«– Зачем родился он на свет? »	
«О ком в ночи грустишь, поэт? »	
III. Л*** ПОСВЯЩАЕТСЯ	
(«Л*** – ты мечта поэта »)	212
IV. ОДА. Л*** ПОСВЯЩАЕТСЯ	
(«Л***, жизнь, увы, пройдет»)	213
V. МИХАИЛУ ДУБИЦКОМУ НА 19 - ЛЕТИЕ	
(«Любимец женщин, друг веселья »)	214
VI. П*** ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ	
(«Я признаюсь (видать, без толку) »	215
VII. «Уж я махнул рюмашку водки »	216
VIII. ИНЕССЕ КОПЫЛОВОЙ	
(«– Милая Иннуля! »)	217
IX. ИЛЬНАЗУ НА 27-ЛЕТИЕ	
(«Душа компании – Ильназ! »)	218
Х. «Орава пьяных мужиков »	219
XI. «Моя каморка сто семнадцать »	220
XII. КОМНАТА №117 ОБЩЕЖИТИЯ КГУ №1	
(«Душа и двери нараспашку »)	221
XIII . «Начало жизни. Бог ты мой »	223
ЛИТЕРАТУРА В МИНИАТЮРАХ	
І. «Однажды Осип Мандельштам… »	
II. «Когда-то Александр Блок »	
III. «Лев Толстой ходил босой »	226

IV. «Однажды Осип Мандельштам »	227
V. «Когда-то юный Саша Блок»	
VI. «Сергей Есенин Айседоре »	
VII. «Сергей Есенин в пьяном горе »	
VIII. ЗАПОВЕДИ ГРАФОМАНА	
(«Остаканиться. Остограммиться »)	228
IX. «Григорьев Виктор загремел »	
Х. «Григорьев Виктор не спеша»	
Postscriptum («Батяня долго в толк не брал »)	
XI. «Григорьев В. хлестал в овраге »	230
XII. ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ НА ИМЯ ДИРЕКТО	OPA
СТУДГОРОДКА ОТ КОМЕНДАНТА	
1-ГО ОБЩЕЖИТИЯ КГУ	
(«Григорьев Виктор, сам не свой »)	230
XIII. «Хандрил наш драматург Куприн	
XIV. «Григорьев Виктор с головой »	
XV. «Ахматова и Модильяни »	
XVI. «В парижском, раз, кафешантане »	
XVII. «Григорьев Виктор десять лет »	
XVIII.«Григорьев Виктор впал в экстаз	
XIX. «Даль, Миронов и Высоцкий»	233
XX. «Цветаева и Пастернак »	
XXI. «Есенин на Тверском бульваре »	
XXII. «Есенин на Страстном бульваре »	
НА ПОСОШОК	
СТУДЕНЧЕСКИЙ ВАЛЬСОК	
ПРЕЛЮДИЯ («На крыльях памяти былое »)	235
1. «Общага, ах, общага»	236
2. «Деньки мои, гулянки-пьянки»	
«После долгих апробаций»	
«Податься от тоски в кабак… »	
«Когда я был во цвете лет»	
«Заела, бля, интеллигентщина»	
ОДНОЙ ПОЭТЕССЕ («Она спала с издателем»)	

«Мы пели песни и вино »	249
«Мы целовались от души… »	
«Открылась дверь – и я вошел»	
«В фонтанчике кафельном»	
ПОСЛАНЬИЦА	
1. МАРКУ КЕСТЕЛЬБОЙМУ («С чередой лет »)	255
2. НАТАЛЬЕ АРСЕНЬЕВОЙ, ВМЕСТО ПРИЗНАНИЯ	I
I. «Я помню чудное мгновенье »	256
II. «Как хорошо, что мы друзья »	256
3. ДМИТРИЮ АЛЕКСЕЕВУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	
(«Ты пришел в этот мир »)	258
4. ДМИТРИЮ АЛЕКСЕЕВУ («Дерзай, грызи »)	
5. ДМИТРИЮ АЛЕКСЕЕВУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	
(«Не беда что года »)	259
6. ДИМЕ + ЛЕНЕ = АЛЕКСЕЕВЫМ	
(«Все блага как снега »)	260
7. МАРКУ КЕСТЕЛЬБОЙМУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	
(«Дружище! Горе не беда »)	261
8. СЕРГЕЮ БАЛАШОВУ, С ДНЕМ РОЖДЕНЬИЦА!	
(«Идут дела, бегут года »)	262
9. ИРИНЕ ГРИГОРЬЕВОЙ, С ПРАЗДНИКОМ 8-е МА	
(«Женский день, 8-е Марта »)	
10. ЛЕНЕ МЕЛЯШИНСКОЙ НА 8-е МАРТА	
(«В теплоте слов »)	263
11. РЕЗЕДЕ МУХАМЕТЗЯНОВОЙ, ЧЕМПИОНКЕ М	
ПО КАРАТЭ 2006 ГОДА («Только красавица»)	264
12. ОЛЬГЕ («Ольга грустна »)	
13. ДИМЕ И ЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВЫМ («Везения! »)	
14. ДИМЕ А. («Под солнышком »)	265
15. ДИМЕ А. («Да свершится »)	
16. ЛЕНЕ МЕЛЯШИНСКОЙ («Ах, Леночка! »)	
17. ЛЕНЕ МЕЛЯШИНСКОЙ	
(«Без воды я и без хлеба »)	266
18. КОСТЕ ГОЛУБЮ («Трудимся, работаем »)	

19. КОСТЕ ГОЛУБЮ («В майские праздники ») 20. КОСТЕ ГОЛУБЮ	267
(«Сколько лет, сколько зим »)	268
(«Рифмоплетство не скотство ») 22. РЕЗЕДЕ МУХАМЕТЗЯНОВОЙ, ЧЕМПИОНКЕ МИ	
ПО КАРАТЭ 2006 ГОДА («Очарование и воспитание ») 23. ЭЛЕОНОРЕ САЛЕЕВОЙ-КРАСНОЯРСКОЙ	269
(«Салют Универу! »)	270
(«Все крутимся, все вертимся »)	270
25. БОРИСУ БЕЛОВУ («Вся жизнь пройдет »)	
26. БОРИСУ БЕЛОВУ («Только добрые дела ») 27. ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК	
(«Стиха стихия – наша сила… ») 28. ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК	272
(«Наше племя задорное ») 29. ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК	272
(«Предвечными дорогами ») 30. ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	273
(«Во снах и стихах ») 31. ЛЕНОЧКЕ МИТАРЧУК НА 8-е МАРТА («Ленок,	273
дружок ») 32. КСЕНИИ ПОЛТЕВОЙ НА 8-е МАРТА	274
(«Ксения! Вместе с пением ») 33. СЕРГЕЮ БАЛАШОВУ НА 40-ЛЕТИЕ	274
(«Все бегут и бегут »)	275
ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ	
СЕРЫЙ ВОЛК И КРАСНАЯ ШАПОЧКА (НОВОГОДНЕЕ ШОУ В МАСКАХ И КРАСКАХ) НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ	279

(ПОЧТИ ПО ГОГОЛЮ)	. 287
ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ	
(НОВОГОДНЯЯ СКАЗОЧКА-РАССКАЗОЧКА)	. 294
ПЛЕМЯШКИНЫ ВИРШИ	
ПЛЕМЯШКЕ ВИТОЧКЕ	
(«Как у нашей Виточки »)	303
ПЛЕМЯШКЕ ВИТОЧКЕ («Дорогой племяннице »)	
ПЛЕМЯШКЕ ВИТОЧКЕ	
(«Виолетта. Виолетта »)	306
ДЕНЬРОЖДЕНЧЕСКАЯ ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ	
ДОРОГОЙ ПЛЕМЯШЕЧКЕ	
(«Плачет наша Виточка »)	308
ПЛЕМЯШКЕ ВИТОЧКЕ («Как копилочка душа »)	
МОИМ ДРАГОЦЕННЫМ ПЛЕМЯШЕЧКАМ НА 8-е МАРТ	
(«Ах, мои девчоночки!»)	. 311
МАСЛЕНИЧНЫЕ ЧАСТУШКИ ДЛЯ ВИТОЧКИ	
(«Как на масляной неделе »)	313
МОИМ ДРАГОЦЕННЫМ ПЛЕМЯШЕЧКАМ ВИТОЧКЕ И	
РИТОЧКЕ	
1. «Не будьте упрямы »	314
2. «Будьте столько радостны… »	
ЗДРАВИЦА ВЕЛИЧАЛЬНАЯ АНГЕЛЬСКОМУ ЦВЕТОЧ	КУ
ПЛЕМЯШЕЧКЕ МАРГАРИТОЧКЕ НА ОДНОЛЕТИЕ	
ОТ ДЯДИ ВИТИ («Соловейки-пташечки »)	315
ДОРОГОЙ ПЛЕМЯШЕЧКЕ ЦВЕТИКУ ВИОЛЕТТЕ	
НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОТ ДЯДИ ВИТИ	
(«Фиалочка душистая »)	317
ЦВЕТИКУ МАРГАРИТКЕ НА 8-е МАРТА	
(«Маргариточка-цветок »)	319
ДРАГОЦЕННЫМ ПЛЕМЯШЕЧКАМ ВИТОЧКЕ	
И РИТОЧКЕ («Дай Бог деткам »)	.320

ТРЫН-ТРАВА

ТРЫН-ТРАВА 1990 - 2010 г.	
1. «На родину обратно поезжай »	323
2. «Особняком на пахоте стога»	
3. «В ночном лесу ночной костер »	
4. «Уходят в вечность корабли»	
5. НА СМЕРТЬ ИОСИФА БРОДСКОГО	
(«Поэта жизнь есть всепрощенье »)	324
6. ПОСВЯЩАЕТСЯ ЗООСТАНЦИИ КГУ	
(«Здесь тишина, покой и нега »)	325
7. «Отсюда Грозный брал Казань »	
8. «Звезда полуночи трепещет »	326
9. «Постарели мои старики »	
10. «Восьмая комната с утра»	
11. «Замуж тетя Беся »	
12. «Душа тоскует не любя »	
13. «В часы нетленного заката»	
14. «По кабакам, по кабакам »	328
15. «Я служу другому ремеслу»	328
16. «Все суета и спешка »	
17. «У вод летейских Летний сад»	329
18. «В нашем планетарии… »	
19. «Вся жизнь в Казани – это сон »	
20. «Невезуха и непруха»	
21. «Тишь да гладь »	
22. «Я в долгах, как в шелках»	
23. «Вся жизнь моя – брусничная вода »	
24. «Отшумели года. Поседели власа »	
25. «Сколько лет потеряно»	
26. «Все музеи и столицы »	
27. «Что это было? Жизнь не жизнь? »	
28. «Есть божество. Нет вдохновенья »	
29. «Тоска, тоска, ты в меру мира »	

30. «Так выпьем, друзья, за сосновый наш бор »	333
31. «Поэзия не терпит предрассудков »	334
32. «Над часовыми поясами»	
33. «Мы будем жить на берегу»	
34. «Лучшие года»	335
35. «Дай мне, Боже, в году новом»	
36. «Безвременье сгубило водкой нас»	
37. «Знакомства нашего на склоне »	
38. «Над околицей »	336
39. «Филя Коров »	
40. «Сколько мне бродить по свету»	337
41. «Заграница мне не снится»	338
42. «Россия, грусть моя, тоска»	
43. «По Москве с рюкзаком»	
44. «А в чистом поле»	
45. НУРЛАТ («Провинциальный городок »)	339
46. ПЕСЕНКА НИМФЕТКИ	
(«Забыла, когда девочкой была»)	340
47. «Стойкий запах анаши»	341
48. «Проходные дворы Петербурга »	341
49. «Хороша эта ночь, хороша»	341
50. «От пьяной спячки пробудясь»	342
51. «Душа моя, рыбалка»	342
52. «Что в вымени тебе моем?»	
53. «Беру с собой я пистолет »	
54. «Где-то ходит человек-чудак»	343
55. «Проза жизни – роза жизни»	343
56. «Как рано сердце поседело»	344
57. «Никакой суеты»	
58. «Крушенье жизненных основ»	
59. «Братан, – он мне сказал, – в натуре »	
60. «В бронетанковые латы »	
61. «Москва – сегодня, завтра – Питер »	346
62. «Как память, Боже, мне избыть? »	

63. «Мне жить хотелось как и все »	346
64. «Обожествляй свое столетье »	347
65. «Конец изящной перспективы »	347
66. «Мы целовались на рассвете»	347
67. «И прозревали батальоны»	348
68. «Светлы как ночи Петербурга»	348
69. «Нет, не тебя так страстно я любил »	348
70. «Сквозит во всем дешевизна»	349
71. «Душа как вьючная обуза»	
72. «Слова ложились словно пули»	
73. «Я возвращался с дружеской попойки»	
74. «Пусть образ твой меня обманет»	
75. «Загулял я вчера, загулял»	
76. «Когда в карманах денег нету»	
77. «Согласно представлению»	351
78. «Ни хвастовства, ни спеси»	
79. «Сегодня выпал первый снег»	352
80. «Покуда Муза на сносях»	
81. «Благодать небесная»	352
82. «Рассыпчатость, крупитчатость,	
слоистость»	353
83. «Не подохнуть с голоду »	
84. «Зашибают нынче бабки»	
85. «Тени молчат »	
86. «Без денег жизнь не удалась »	
87. «Я книжный червь, бумажная душа»	
88. «Минуя стадию запоя… »	
89. «В те дни на рынке торгаши »	
90. «Жили-были дед да баба»	
91. «Шлюхи прыгают в кроватки»	
92. «В ситуации критической»	
93. «Как из рога изобилия »	
94. «Так давно уже дома я не был»	
95. РАЗГОВОР КНИГОТОРГОВЦА	

С ХРИСТОПРОДАВЦЕМ («Христопродавец: Вот мы	
и встретились, издатель »)	357
96. «Намедни я пришел с покоса»	358
97. «Все, что было-не было»	
98. «Метро Сокольники»	
99. «Всюду деньги, кровь и тьма… »	
100. «Садовым кольцом окольцованный»	
101. «Жизнь пошла направо»	
102. «Тряхнем стариной»	
103. «Человек уходит в никуда»	361
104. БАЙКИ-БАЛАЛАЙКИ	
(«Вы живите, как хотите »)	361
105. «В жизни все бывает »	362
106. «Дождь льет как из ведра»	362
107. «Проходит год, проходит два»	
108. «Все, что я могу»	
109. «О человеческих страстях»	
110. «А мне бы водочки стакан»	364
111. «Душу вкладывая в рост»	364
112. «Ночные посиделочки»	
113. ПЛЕМЯШЕЧКЕ («Как у нашей Виолетты»)	365
114. СОБУТЫЛЬНИКАМ	
(«Как рано вы меня похоронили »)	365
115. «В жизни «задом наперед» »	366
116. «Девяностые года»	366
117. «Уходит время драгоценное »	
118. «И в новый, двадцать первый век»	
119. «Надо жить согласно кодексу»	
120. «Деньки стоят погожие»	
121. «Не к добру наживаем добро»	
122. «Благодарю за хлеб и соль »	
123. «Не могу понять – в чем дело? »	
124. «Говорит без устали»	
125. «Человек уходит в никуда»	

126. «Я любил людей, как брат»	370
127. «Все, что нужно в этой жизни»	
128. «Я слышу голоса, которых нет »	371
129. «Только тьма и мир вещей»	371
130. «Мыслительный процесс»	
131. «Кабы денег мне»	
132. «Словно гаснет свеча на ветру»	
133. «Все двери спозараночку»	373
134. «Мне не нравится подход»	
135. «Попить чайку»	374
136. «Огонечки-огоньки»	
137. «Когда мне стукнет сорок лет»	375
138. «Как хорошо бродить по вечерам»	375
139. «Из глубины сознания»	375
140. «Закурю я сигарету»	376
141. «А жизнь бежит»	376
142. «Стишок проглянет как опенок»	376
143. «Сыпал снег и все живое »	377
144. «Напевала песню дева »	377
145. «Я сам такой же, только хуже»	377
146. «Как-то раз на сеновале»	378
147. «Когда весь мир у твоих ног »	378
148. «Стабфонд в Америке »	378
149. «Расправьте плечи, старики»	379
150. «Он пришел издалека »	379
151. «Год закончился ничем»	379
152. «Без песенного лада »	380
153. «Когда весь мир во все глаза»	380
154. «Весь вечер и весь день»	380
155. «Тоска вселенского масштаба »	381
156. «Вся жизнь – обман »	381
157. «И скучно, и грустно»	381
158. «Вся жизнь – оптический обман »	382
159. «Все мы где-то пародисты»	382

160. «Стихов критичесая масса»	382
161. «Мы живем в потемках»	383
162. «Есть в природе часы »	
163. «Два одиноких существа»	
164. «Проливают сто грамм»	
165. «Босяки, бродяги »	
166. «Я людям отдал все сполна»	
167. НА ИЗДЫХАНИЕ ЕЛЬЦИНА («Сдох жиденок	
и масон»)	385
168. «Душа моя, хворобушка»	385
169. «Есть в природе крик души»	386
170. «Пьяночки-гуляночки»	
171. «Кляни превратности судьбы »	387
172. «Наивный человечек»	
173. «Душа ты моя, окаянная»	
174. «Жизнь хороша»	
175. «Без денег человек вполне»	
176. «Я почитаю вам стихи»	389
177. «На исходе сил журавлиных крыл»	389
178. «Зачарованной птицей»	389
179. «Жизнь как во сне»	
180. «Что душа и что плоть? »	
181. «Средь застывших теней»	390
182. «Тебя встречают в лимузинах»	391
183. «Поцелуи, поцелуи»	391
184. «Блондинки, брюнетки»	
185. «О, тоска! О, хвороба! »	392
186. «Холостяцкие байки»	
187. «Как можно быть не пьющим? »	393
188. «И звонит звонарь »	
189. «И пройдет опечаленный»	
190. «Сердце хочет рапсодии »	
191. «Забудем наши распри»	
192. «Мы, Петербург, одних кровей»	

193. «Светлы очи во мне»	394
194. «Рыщет сердце горячее »	
195. «Ночка моя, ноченька»	395
196. «Ночь моя, дочь моя»	395
197. «Не будучи искренним»	
198. «В радости ли, в горе ли и в муке ли »	
199. «Темнота на душе и в колодце двора »	
200. «Полыхни мне зрачком»	
201. «Жизнь забавами полна»	
202. «Завтра будем ворошить, ворошить»	397
203. «В тыщи глаз в тыщах верст,	
в тысячу чертей»	398
204. «Или сдохнуть, иль запеть »	398
205. «Невмоготу и не под силу ноша»	398
206. «За грехи мои тяжкие»	399
207. «Человек человеку не ворог, не ворон »	
208. «Ангел света и тьмы»	399
209. «Отыграло вино. Отрезвилася кровь»	400
210. «Вставай кулема, жизнь проспишь!»	400
211. «Небеса, небеса! »	400
212. «О юность, как же ты светла »	
213. «И ноша моя легка»	402
214. «Жизнь проходит очень странно»	402
215. «Прядь смоляных волос»	
216. «Честнягу и чекиста»	403
217. «Забухали – ладно»	404
218. «На дремучей версте »	404
219. «Расправь мои седины»	
220. «Выпил, запил и запел »	
221. «Блажен рожденный в Петербурге»	
222. «Чаша жизни полна, полна»	
223. «Не оставляй меня, любимая »	
224. «Надо быть прямым, как гвоздь »	
225. «Мне нужна работа »	

226. «Вся жизнь – запорота »	407
227. «И с деньгами – голяк»	408
228. «Ветренница школьница»	
229. «Распоясолося во лесу зверье числом несметное»	408
230. «Не грусти, дорогая»	409
231. «Растрепалась ты моя головушка»	
232. «Это были упоительные ночи»	
233. «Камеристки и хористки»	
234. «Я сама не своя»	410
235. ПИСЬМО А. С. ПУШКИНУ	
(«Александр Сергеевич, здравствуйте »)	410
236. «Закатилась ты моя головушка»	411
237. «Любовь, любовь »	
238. «Разверзлися хляби небесные»	412
239. «Дорогая, здравствуй! »	412
240. «Отвлекает сознанье»	
241. «В представителей закона»	413
242. «Ты – в Петербурге. Я – в Москве »	413
243. «Под звездой голубой»	413
244. «Затрепавши до дыр»	414
245. «Это было петербургскою весной»	414
246. «Запоздалой петербургскою весной»	414
247. «Сердце сердцем живет»	415
248. «Закури Беломор »	
249. «Дорогая! »	
250. «Он был с законом не в ладах »	416
251. «Пускай – коряво »	<u>4</u> 17
252. «Грубоватые манеры»	417
253. «В спорной агрессии»	
254. «Все думы о себе, родном»	
255. «Хоть еще не пьян »	
256. «Потливость, сонливость»	418
257. «А дождичек накрапывает»	419
258. «Мы вагоны разгрузили»	419

259. «Что ни день, то – шедевр »	420
260. «Во что бы то ни стало »	420
261. «Все скрипит и скрипит »	
262. «У высотников – спешка »	421
263. «В перекрестье дорог»	422
264. «Облетают дремучие рощи»	422
265. «Спасибо, мой друг, за нелепость»	423
266. «Не торопи события »	423
267. «Десять тысяч – и свет »	424
268. «Злыдня и сводня »	425
269. «Плещет в сваи вода »	425
270. «Это было со мной»	425
271. «Было счастье, да прошло»	426
272. «Радость наверняка»	426
273. «Приличная работа»	
274. «Давно пора, давно пора»	
275. «А где-то музыка звенит, звенит»	427
276. «По ночному Петербургу »	428
277. «По Восстания, по Восстания »	428
278. «Отравленным воздухом дышим»	429
279. «Если вы спросите »	429
280. «Все давно устаканилось»	429
281. «Были молоды. Мыли золото »	430
282. «Сорок и один»	430
283. «Гляжу в твое окошечко»	
284. «Десять тысяч раз прав »	431
285. «Встал вопрос дня на повестку остро »	432
286. «До сентября, до сентября»	432
287. «Давайте потопаем»	432
288. «Резвились мы как дети малые»	
289. «Море не ждет »	433
290. «Все в добром здравии »	433
291. «Кто я и кто ты? »	434
292. «Не вышел ростом? »	

293. «Березки да клены »	434
294. «Окуклились твои глаза »	
295. «Во светлице моей негде яблоку пасть»	
296. ПЕСЕНКА СТАРАТЕЛЯ	
(«Как в серебряны копи ступала нога »)	436
297. «Мимо кителей в сливу»	436
298. «Я все время куда-то спешил»	
299. «Нервно чиркает спичка»	
300. «Навсегда, навсегда»	
301. «Мальчишки играют в «солдатики» »	
302. «Только тронь ветвь души »	
303. «Когда идет дождь»	438
304. «С надеждой робкой, затаенной»	
305. «Во имя живущих… »	
306. «Задерни занавеску»	439
307. «Отличная работа»	
308. «Эй, вы, там! »	
309. «Не грехи, а страстишки »	440
310. «Отцветает закат »	441
311. «Небеса благосклонны»	
312. «Куда ушло тепло родного дома?»	
313. «Дверь в отдельный кабинет?»	
314. «Враскоряку, враскосяк»	442
315. «Звезды падают на»	
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДНЕВНИК	
ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ 2008 ГОДА	
1. «В Петербурге жара »	443
2. «Говорю вам пророчество»	
3. «Продлись мое очарованье»	444
4. «Страсти томление »	
5. «Включай фантазию»	445
6. «Ах, мать-перемать »	
7. «Все дожди и дожди»	
8. «Пропадешь не за грош… »	

9. «Без стиха – не житье »	447
10. «Влечение, борение»	448
11. «Ускоритель сознания »	448
12. «Прострочи пулеметной шлеей »	448
13. «Никого не слушаю »	449
14. «Грехам моим покрышка»	449
15. «Дождь льет и льет »	
16. «Распахнутые настежь лица »	
17. «Поздравляю себя»	
18. «Все сперва – поклонение »	452
19. «Хорошо вечерком»	453
20. «Тишина за окном »	
21. «Я умру поутру»	
22. «Незабудковый свет»	455
23. «Я дожил до сроков»	
НОВОГОДНИЕ 2009-2010 ВИРШИ	
1. «Новый год настает »	457
2. «Что-то сердце накалилось »	
3. «Всюду чувствуется праздник»	
4. «Тридцать первое декабря »	459
5. «С Новым годом, страна! »	
6. «По Невскому проспекту »	
ВЕРТОПРАХ	
«Мы уходим негаданно… »	465
«Пошли мне, Господь, исцеления »	
«Распустились в саду георгины »	
«Белыми ночами»	<u>4</u> 72
«Я – дремучая тварь »	
ОДНА («Он – один. И я – одна »)	
ОДИН («Дорогая, я скучаю по тебе »)	
«Житуха ладится с нуля»	
«Сижу на лавочке»	

«Нос по ветру держи… »	481
«Вольный ветер»	
«Всю жизнь – один »	484
«Когда тебя! – убивают »	485
«Звезд на небе не счесть»	487
«Все долги – раздадутся »	488
«Истощал, исхудал»	
«Когда на всем готовом »	490
ВООБРАЖАЕМЫЙ И ЖЕЛАЕМЫЙ ТЕЛЕФОННЫЙ	
РАЗГОВОР С ЛЮБИМОЙ ПО ЕЕ ПРИЕЗДУ ИЗ ПЕТЕРІ	<i>БУРГА</i>
В МОСКВУ («– Дорогой мой, любимый, ласковый »)	491
САШЕ ДЕРЯБИНУ НА 30-ЛЕТИЕ	
(«Ежели - грустно »)	496
«Высотник, высотник»	
«Кризис в стране »	498
«Друг, я хочу, чтоб тебе повезло… »	
«Деляночка, деляночка »	
«Штормит весь вечер. Только так… »	502
«Отзвенели гитары »	503
«Отверзлись очи вербные»	
«Ножки ваши босыньки»	
«Надежда – не умирает »	
«Не только пища для ума… »	
«Ни прописки »	
«Будь смешливым и смешным»	
«Легко, непринужденно»	511
«Счастливцы из счастливцев»	512
«Деревья, облако, река»	513
«Живем свободно»	
«На рысях, на сносях… »	515
«Мы дневалим и бывалим»	
«Дождик летний, грибной»	
«Виртуальные, виртуозные »	
САШЕ ДЕРЯБИНУ («Осенние деньки »)	

«Вечерами юными »	523
«Ты – шалун и я – шалунья »	
«Набраться сил»	
«Приметы, кометы»	
«Который день, который год »	
«Дохнуло весной»	
«С томиком Китса»	
«Я все время куда-то спешу»	
ВЕРТОПРАХ («Когда мой голос отзвучит »)	